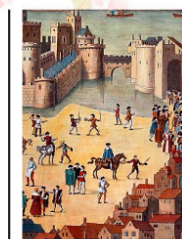
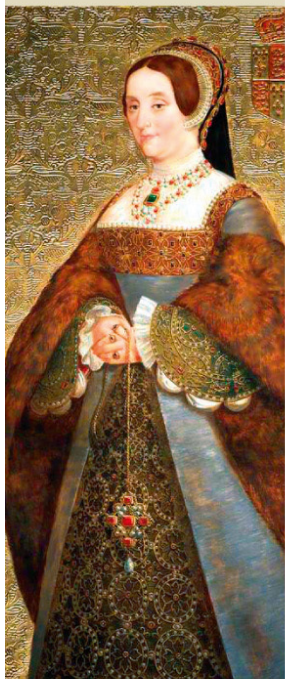

ЭЛИСОН УЭЙР

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

ПОРОЧНАЯ КОРОЛЕВА

РОМАН
О ЕКАТЕРИНЕ ГОВАРД

Автор с легкостью делает так,
что читателю невозможно оторваться
от книги.

Historical Novel Review

Шесть королев Тюдоров

Элисон Уэйр

**Порочная королева.
Роман о Екатерине Говард**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Порочная королева. Роман о Екатерине Говард / Э. Уэйр —
«Азбука-Аттикус», 2020 — (Шесть королев Тюдоров)

ISBN 978-5-389-20136-1

Весна 1540 года. Генрих VIII пытается избавиться от своей непривлекательной жены-немки Анны Клевской. Преждевременно состарившийся король благосклонно взирает на симпатичную девятнадцатилетнюю фрейлину Екатерину Говард, кузину Анны Болейн. Веселая и жизнерадостная Екатерина с готовностью принимает ухаживания короля, к чему ее усиленно подталкивает амбициозная семья. Влюбленный король аннулирует брак с постылой женой и уже через две недели женится на Екатерине, которую нежно называет розой без шипов. Екатерина мужественно терпит ночные объятия больного короля в надежде родить ему сына, чтобы упрочить свое положение. К несчастью, тень прошлых ошибок не только омрачает беззаботную жизнь молодой королевы, но и подвергает ее смертельной угрозе. Трагическая судьба этой обманутой в своих ожиданиях девушки – одна из самых печальных страниц английской истории. «Порочная королева. Роман о Екатерине Говард» – это пятая книга популярного автора и известного историка Элисон Уэйр, решившей создать драматическую серию, посвященную шести женам короля Генриха VIII. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20136-1

© Уэйр Э., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Элисон Уэйр

Порочная королева.

Роман о Екатерине Говард

*С благодарностью за не раз приятно проведенное время посвящаю
эту книгу нашим дорогим соседям: Шелли, Бёрнеллу, Кэролайн и Дэвиду*

*Катились слезы у меня рекой,
Пока ее вину итожил суд,
Встал призрак королевы предо мной,
Бледна, вся в черном, краше в гроб кладут,
Но не дал ей надежды я и тут.
Меня она молила не забыть
И повесть скорбную ее в свой труд включить.
Джордж Кавендиш. Метрические видения¹*

Alison Weir
KATHERYN HOWARD. THE TAINTED QUEEN

Copyright © 2020 Alison Weir
All rights reserved

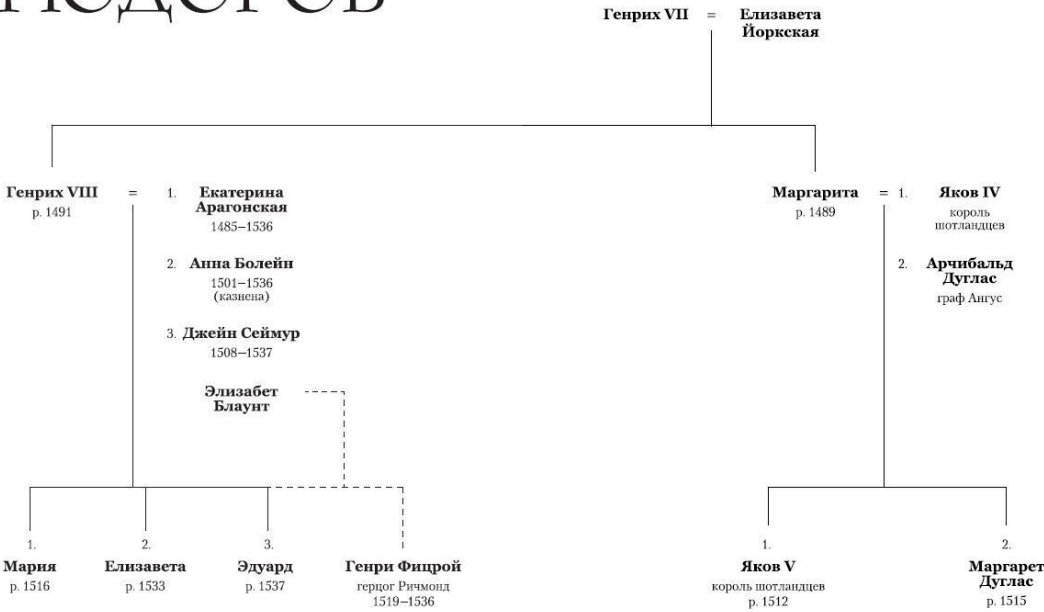
© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

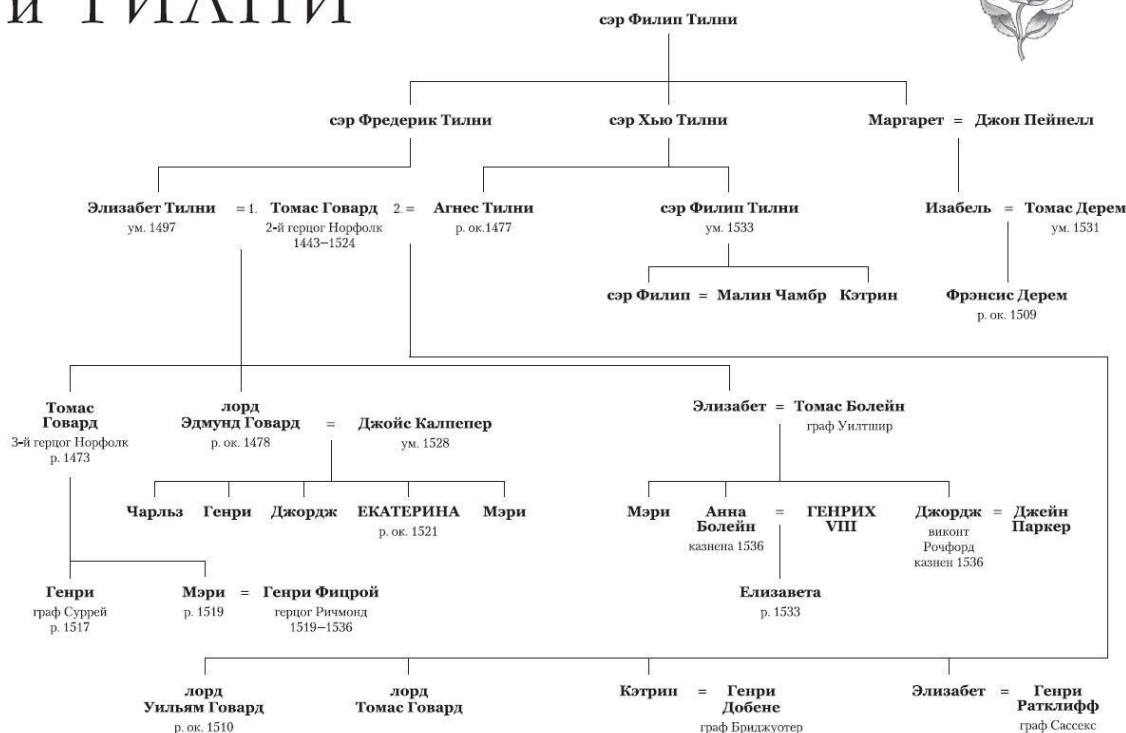
Издательство АЗБУКА®

1538

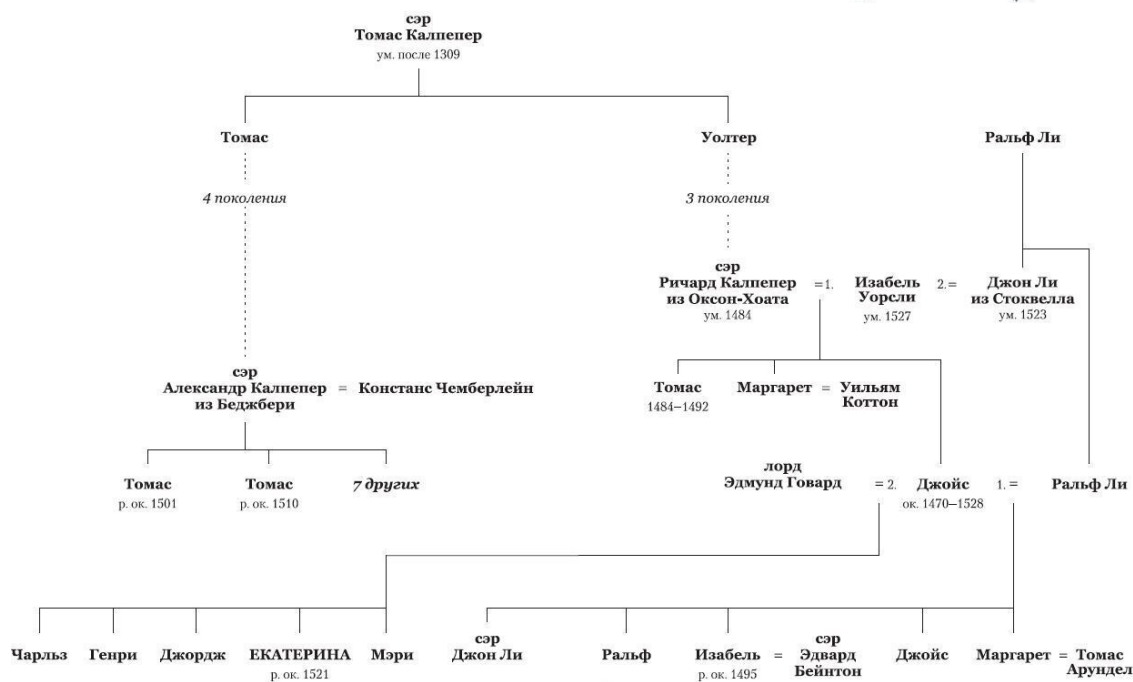
ДОМ
ТЮДОРОВ

ГОВАРДЫ и ТИЛНИ

КАЛПЕПЕРЫ и ЛИ

Часть первая

«В расцвете юной свежести и чистоты»

Глава 1

1528 ГОД

Кэтрин было восемь, когда умерла мать. Никогда ей не забыть, как няня привела ее в сумрачную, с затхлым воздухом спальню. Священник монотонно читал молитвы, а у кровати, уткнув лицо в ладони, стоял отец; плечи его судорожно вздрагивали от сдавленных рыданий. Это было потрясение – целовать холодный лоб неподвижно лежавшей на постели фигуры, совсем не похожей на мать, которую знала Кэтрин.

Почему она умерла? Ведь только вчера была на ногах? Правда, ночью мать кричала, и Кэтрин смутно сознавала, что появившаяся в соседней комнате крохотная незнакомка имеет ко всему этому какое-то отношение.

– Крепись, – тихонько сказала сводная сестра Изабель. – Наша почтенная матушка теперь на Небесах, наблюдает за тобой.

Как же это понять, ведь мать совершенно точно лежала здесь!

Девочка заплакала, тогда Изабель взяла ее за руку и увела.

– Тише, малышка, – сказала она прерывающимся голосом. – Пойдем посмотрим на нашу новую сестричку.

Кэтрин опустила взгляд на сопевшего в колыбели младенца. У маленькой Мэри были пухлые розовые щечки и надутые губки. Ее туго спеленали и надели на головку чепчик. Пройдут годы, прежде чем она подрастет и сможет играть со старшей сестрой.

– Ты теперь должна стать ей матерью, – сказала Изабель.

Кэтрин засомневалась. Младенцы ее мало занимали: они ведь ничего не умеют. Лучше уж носиться по дому с братьями Чарли, Генри и Джорджем, хотя мальчики намного старше и не всегда хотят, чтобы у них под ногами вертелась надоедливая маленькая девчонка.

Были у Кэтрин и еще более взрослые братья и сестры – дети матери от первого мужа. В дни, последовавшие за смертью родительницы, они приехали из Стоквелла выразить соболезнования и засвидетельствовать почтение во главе с Джоном Ли, самым старшим сводным братом Кэтрин, которого та обожала. Все Ли души в ней не чаяли, особенно Изабель. Она была очень милая: высокая, бледнолицая, но все равно красивая, пусть ей уже тридцать два. Кэтрин сестра казалась древней старухой. Изабель проявила участие и предложила остаться на какое-то время у них дома, чтобы помочь отцу. Как хорошо, что Господь привел Изабель в Леди-Холл, когда мать умерла, а то отец заперся у себя в комнате и погрузился в переживание горькой утраты; ему было не до детей. Именно Изабель прижимала Кэтрин к своей плоской, затянутой в бархат груди, осушала ей слезы и прибегала в спальню, когда девочка с криком просыпалась от ночных кошмаров. Изабель взялась помогать и с новорожденной. Кэтрин думала, что сестре нужно бы завести своих детей, раз уж она так любит младенцев, но Изабель была еще не замужем.

Обычная жизнь утратила для Кэтрин всякий интерес. Она знала одно: мать умерла и привычный мир рухнул. Что такое смерть, девочка по-своему понимала. Домашний священник говорил: это все равно что уснуть, хотя умерший человек никогда уже не проснется, потому что он отправился на Небеса, к Господу, и этому нужно радоваться. Но, кажется, никто вокруг не веселился, и Кэтрин решила, что Бог очень корыстолюбив, раз забрал у нее мать, которую она так любила.

Однажды Кэтрин под присмотром няни, стоя на коленях на полу в зале, играла с Изабель в шаффлборд², и тут отец вызвал ее к себе в кабинет, отделанный темными деревянными панелями. В свете свечей лорд Эдмунд показался девочке осунувшимся и полубезумным.

– Поди сюда, Китти. – Так он ласково называл дочку дома. – У меня кое-что есть для тебя. – Отец протянул руку, раскрыл ладонь, и на ней сверкнуло кольцо с рубином. – Его оставила тебе твоя мать. Она хотела, чтобы это кольцо было у тебя. Ты должна беречь его.

Кэтрин взяла подарок и в изумленном восторге стала его рассматривать. У нее никогда еще не было такой красивой вещи; да и вообще почти ничего не было, за исключением одежды и нескольких игрушек. Семья жила бедно. Кэтрин росла, зная это, и еще ей старательно внушали, что, несмотря на бедность, она Говард, а значит, принадлежит к одной из знатнейших и благороднейших английских фамилий. Ее дядей был сам герцог Норфолк.

Кольцо посверкивало на ладонке, потом яркий образ затуманился: при мысли, что это украшение носила мать, на глаза Кэтрин навернулись слезы. Она будет беречь его как зеницу ока, ведь больше у нее от матери ничего не осталось.

– Отдай кольцо Изабель, пусть хранит его, пока ты не подрастешь, – сказал отец. – Скоро ты отсюда уедешь; этот дом – неподходящее место для детей.

– Уеду? Куда же, отец? – встревожившись, спросила Кэтрин, которой не хотелось покидать Леди-Холл.

– Твоя тетушка Маргарет Коттон с радостью согласилась принять тебя. Твои братья отправятся к герцогу и будут готовиться к посвящению в рыцари. А Мария останется со своей кормилицей в деревне. Ты отправишься в Оксон-Хоат в понедельник.

До понедельника оставалось всего три дня.

По щекам Кэтрин ручейками потекли слезы.

– А вы со мной поедете? – прошептала она.

Лорд Эдмунд положил ладонь ей на голову и вздохнул:

– Нет, Китти. С тобой поедет Изабель. Я должен остаться здесь и заняться делами. Бог весть, что ждет нас в будущем, денег совсем не осталось. Будь благодарна, что твоя тетя – женщина истинно христианского милосердия и пожелала взять тебя на воспитание.

Кэтрин, кажется, никогда не встречалась с тетей Маргарет Коттон, и знакомиться с ней сейчас ей вовсе не хотелось.

– Я лучше останусь здесь с вами.

– Увы, Китти, я не приспособлен к тому, чтобы растить детей, – со вздохом проговорил отец. – Лучше тебе жить в комфорте, чем голодать со мной.

– Вы собираетесь голодать?! – удивленно спросила Кэтрин.

– Ну это не обязательно. Но я не смогу обеспечить тебе достойную жизнь, а тетя Маргарет сможет.

Тут Кэтрин снова залилась слезами. Она не представляла, что утрата матери повлечет за собой и потерю отца. Он никогда не играл заметной роли в ее жизни и все же был частью знакомого мира, который теперь рушился. Лорд Эдмунд снова погладил дочь по голове и позвал Изабель. Она-то и принялась успокаивать Кэтрин, печально качая головой и поглядывая на няню.

Кэтрин, закутанная в одеяла для защиты от ноябрьского холода, сидела в конных носилках рядом с Изабель. Глубокая печаль охватила ее при виде машущего на прощание отца и тающего вдали Леди-Холла. Девочка высунулась из окна и неотрывно глядела назад, пока родимый

² *Шаффлборд* – игра на размеченном столе или корте, с использованием киев и шайб, если проводится на корте, или шайб, которые толкаются рукой, если проводится на столе.

дом окончательно не скрылся из виду. Тогда Изабель велела ей сесть нормально и опустила плотную шторку на окне.

– Очень холодно, дорогая, – сказала она.

Кэтрин пыталась вспомнить лицо матери. Как ужасно, что она никогда больше не увидит его! И вероятно, ей больше не придется играть со своими шумными братьями на поле между Леди-Холлом и церковью в Мортоне. Голова девочки наполнилась воспоминаниями: рождественские праздники в Ламбете, на Новый год ей подарили сшитую матерью тряпичную куклу, потом она упростила братьев, чтобы те таскали ее на закорках, а отец отругал их, сказав, что они слишком грубо обращаются с сестрой, и няня ворчала: мол, нет денег на новую одежду. Но самыми дорогими были воспоминания о матери. Вот она шьет, сидя у камина, или готовит сердечные капли в винокурне, учит дочку плести венки из ромашек, целует на ночь, нежно глядя по голове. Слезы подступили к глазам.

– Ты еще не знакома со своими родственниками Калпеперами, да, милая? – спросила Изабель. – Они и мне тоже родня. Наша мать была Калпепер, прежде чем вышла замуж. Тетушка Маргарет – ее сестра. Тебе она понравится, я уверена.

Носилки тряско прокатили через Эппинг-Форест, миновали деревушки Чиппинг-Онгар и Келведон-Хэтч. Наконец Кэтрин задремала, а проснулась, только когда Изабель стала трепать ее за плечо в Тилбери. Здесь они должны были сесть на паром, чтобы пересечь Темзу и оказаться в Грейвсенде. На пристани какой-то мужчина продавал горячие пироги. Изабель купила три: по одному для себя и Кэтрин, а третий для грума – и еще горячего пряного эля.

Переправа на лодке на берег Кента оказалась короткой. Изабель укрыла Кэтрин своей накидкой, пока они стояли на палубе и смотрели на приближающийся Грейвсенд.

– Далеко отсюда до Оксон-Хоата? – спросила Кэтрин, когда судно подхватила приливная волна.

– Около шестнадцати миль. Мы прервем поездку и заночуем в Меофаме. Это примерно в пяти милях от Грейвсенда.

Однако в Меофаме подходящего места для ночлега не нашлось, и им пришлось проехать еще шесть миль до гостиницы «Бык» в Ротэме, которая показалась им довольно привлекательной с виду. Изабель заплатила за отдельную комнату и попросила, чтобы им принесли самой обычной еды, какую готовят для всех постояльцев: миску мясной похлебки и несколько кусков яблочного пирога. Потом Изабель уложила Кэтрин в постель и села к очагу с корзинкой для шитья. Все это казалось девочке таким странным после жизни дома, в привычном окружении, что бедняжка стала всхлипывать, уткнувшись носом в подушку. Изабель мигом подошла к ней и нежно обняла за плечи:

– Я знаю, знаю, дорогая. Она и мне была матерью, и я ужасно по ней скучаю.

Тесно прижавшись друг к другу, они плакали, пока Кэтрин не заснула.

Тетушка Маргарет Коттон ждала их у дверей большого старого дома с неровными стенами из крепких бревен. Это была пышнотелая матрона лет сорока с небольшим, краснощекая и бойкая, но в ее глазах Кэтрин прочла теплоту и сочувствие.

– Ох, бедная малютка! – воскликнула тетушка Маргарет. – Как я рада, Изабель, что ты привезла ее ко мне.

– Я тоже рада, дорогая тетя, – ответила та, и женщины обнялись.

– Уильям! – позвала тетя Маргарет, и на ее зов из дому вышел очень добрый на вид мужчина.

Он приветствовал Изабель поцелуем и погладил Кэтрин по голове:

– Ты очень милая, малышка. Надеюсь, мы с тобой станем друзьями.

Кэтрин осмелилась робко улыбнуться.

– Заходи в тепло, дитя, – наставительным тоном проговорила тетя Маргарет. – Сейчас мы тебя хорошенько накормим. – В холле она повнимательнее пригляделась к Кэтрин. – Вижу, ты точно ребенок моей сестры Джойс. Так на нее похожа, кроме волос. Эта рыжина у тебя от Говардов. Джойс была белокурой, как я. – Она утерла глаза платком. – Не могу поверить, что ее нет. Надеюсь, он похоронил ее достойно!

Кэтрин заметила, что Изабель бросила на тетю Маргарет недовольный взгляд.

– Конечно, – сказала она. – Джойс теперь в Ламбете, в часовне Говардов.

Похоже, тетю Маргарет такой ответ удовлетворил.

– Ну, Кэтрин, познакомься со своими кузенами и кузинами. – С этими словами миссис Коттон отвела девочку в гостиную, где за столом сидели четверо детей, очень на нее похожих. Все они встали и, когда мать представляла их, по очереди кланялись или делали реверансы.

– Это Томас, ему восемь, и Джон – ему семь. Джоан у нас старшая, ей четырнадцать, а Анне двенадцать. Джоан и Анна обе скоро выйдут замуж. Мы будем скучать по ним, когда они уедут из дому.

Все дети казались дружелюбными. Томас поначалу немного робел, но Кэтрин подумала, что при более близком знакомстве он, вероятно, окажется добряком, с которым приятно водить компанию, а вот Джон, напротив, имел вид довольно озорной и, к неудовольствию родителей, никак не мог спокойно усидеть на месте. Девочки тоже повели себя очень мило и внимательно отнеслись к Кэтрин, которая не утерпела и сразу сообщила им, что у нее тоже есть братья и она любит играть с ними в разные игры.

– А ты играешь в кегли? – спросил Джон.

– Я умею играть во все! – похвасталась Кэтрин.

– И я тоже! – не желал уступать он.

Взрослые оставили детей, а сами пошли распаковывать вещи Кэтрин. Анна предложила сыграть в прятки и потянула за собой новую кухню показывать ей самые лучшие укромные уголки старого дома.

– Он очень древний, – сказала Анна. – Ему двести лет!

Тут действительно имелась масса закутков и прочих потайных местечек под бессчетными лестницами и в комнатах, а также огромное количество шкафов, каморок и чуланов. Вскоре Кэтрин уже с визгом носилась по дому вместе с остальными детьми. Когда их позвали обедать в гостиную, она чувствовала себя гораздо более счастливой.

Не прошло и недели, как Кэтрин уже начала чувствовать себя в Оксон-Хоате, где все были добры к ней, как дома. В тетушке Маргарет она находила утешительное сходство с матерью, а дядюшка Уильям оказался очень веселым человеком с неисчерпаемым запасом шуток. В амбаре жил выводок котят, по двору носилась свора собак. Но больше всего Кэтрин поразило, как роскошно живут Коттоны, какую хорошую пищу едят и как богато одеваются. Она не знала такого изобилия ни в Леди-Холле, ни в городском доме своего отца в Ламбете и чувствовала себя согретой теплом в семействе Коттон, которое обращалось с ней как с родной. Только по ночам девочка иногда плакала, тоскуя по матери.

Юные Коттоны наслаждались большой свободой, могли бегать по дому и вокруг него. Усадьба стояла посреди обширного оленьего парка и принадлежала не одному поколению семьи Калпепер. По соседству, в местечках под названиями Беджбери, Уэйкхерст и Престон-Холл, жило немало их родных, и многие приезжали погостить в Оксон-Хоат. Позже Кэтрин узнала, что ее дед был последним в этой линии большой семьи и его владения разделили между двумя дочерьми: Джойс, матерью Кэтрин, и ее сестрой, тетей Маргарет. Жизнь, вероятно, сложилась бы совсем иначе, если бы мать унаследовала Оксон-Хоат!

Однажды Маргарет и Изабель наблюдали за приготовлением сливовых пудингов к Рождеству, а Кэтрин сидела под кухонным столом – играла с котенком и слушала разговоры взрос-

лых. Большая часть болтовни пролетала мимо ее ушей, но в одном месте девочка насторожилась.

– Вам повезло больше, чем матери, – сказала Изабель. – Она вышла за сына герцога, но у вас жизнь сложилась удачнее.

– Да, – согласилась тетя Маргарет. – Я сохранила дом и значительную часть собственности, доставшейся мне от вашего деда. А наследство Джойс Эдмунд растратил на свои экстравагантные причуды. Что не растратил – проиграл в карты. Теперь у него ничего не осталось от того, что дали ему Говарды. Смею сказать, он поставил бы на кон крышу над головой, если бы думал, что это принесет ему состояние. И ведь он образованный человек, латынь учил, французский, логику и Бог знает что еще. А вел себя так глупо!

– Нелегко, наверное, быть младшим сыном и не иметь наследства, о котором нужно заботиться, – заметила Изабель, известная миротворица. – Эдмунд один из восьмерых, вы же знаете.

– Тем больше у него было причин не транжирить деньги Джойс! – возразила тетя Маргарет. – В прошлое Рождество он сказал мне, что увяз в долгах. Меня это не разжалобило, кого ему и винить в этом, кроме себя самого. Его бедные дети не получают ничего; у девочек не будет никакого приданого. Что с ними станет, я не знаю! Подумай, как хорошо обеспечил отец тебя и твоих братьев и сестер. Я знаю, тебе до сих пор не нашли подходящего мужа, но приданое-то готово. Меня страшно злит, что эти Говарды такие чванливые и высокомерные, а как дойдет до дела – полные ничтожества. Мы, Калпеперы, тоже потомки короля Эдуарда Первого, знаете ли!

Кэтрин удивилась такому неодобрительному отзыву о славных Говардах и ее отце. Тетя Маргарет явно все поняла неправильно. Отец всегда был таким милым, разве что немного отстраненным, хотя имел склонность загадочным образом исчезать куда-то и пропадать неделями, и люди как будто часто на него сердились. Вероятно, в то время он играл в карты. Кэтрин не знала, что плохого в карточных играх, и об отсутствии у себя приданого, что бы это ни было, тоже не догадывалась. Ее больше волновал палец, поцарапанный котенком, которому надоело, что его без конца тискают и украшают бантиками. Кэтрин вылезла из-под стола с протестующим зверьком на руках.

– Господи помилуй! – воскликнула тетя Маргарет, а Изабель сказала что-то про маленькие кувшины³.

– Больно-о, – протянула Кэтрин, поднимая вверх палец.

Изабель принесла влажную тряпицу и обтерла его.

– Ничего страшного, – с улыбкой сказала она. – Потерпи.

– Калпепер – смешная фамилия, – заметила Кэтрин.

– Мне говорили, наши предки торговали пряностями, – отозвалась тетя Маргарет. – Вот их и прозвали перечниками.

Кэтрин захихикала и забыла обо всем, что услышала. Однако ночью, лежа на удобной пуховой перине в спальне с потолком на толстых деревянных балках, которую она делила с Изабель, девочка все вспомнила и обрадовалась, что больше не бедствует. Отец поступил правильно. Ничего лучше приезда к тете Маргарет и быть не могло.

Из всех родственников Калпеперов, которые приезжали погостить, Кэтрин больше всех понравился ее отдаленный кузен Том. Он происходил из беджберийских Калпеперов, главной ветви семьи. Вместе с родителями и шестью братьями и сестрами восемнадцатилетний, живой и веселый темноволосый красавец Том приезжал зимой в Оксон-Хоат. Он был на одиннадцать

³ Видимо, Изабель произнесла поговорку «У маленьких кувшинов большие уши», которую используют в смысле «дети любят подслушивать» или «у детей всегда ушки на макушке».

лет старше Кэтрин, но проявил внимание и доброту к бедной маленькой сиротке, не пожалел времени посидеть с Кэтрин, повосхищаться котятами и тем совершенно покори́л ее сердце.

– У нас в Беджбери много животных, – сказал ей Том.

– О, я хотела бы посмотреть на них, – ответила Кэтрин.

– Надеюсь, ты скоро приедешь к нам в гости. – Он улыбнулся. – Увы, сам я редко там бываю. Я служу королю и большую часть времени провожу при дворе.

Глаза Кэтрин расширились. В Ламбете и Леди-Холле король как будто постоянно незримо присутствовал, господствуя надо всем, так как отец часто упоминал о нем, высказывая желание чем-нибудь снискать его милость, но чаще просто жалуясь, что этого не произошло. Король был могуществен. Он правил всей страной и имел власть над каждым ее жителем. Кэтрин он представлялся далекой и смутной фигурой, мощной и грозной.

– А какой он, король?

– Ко мне он очень добр, дорогая, и обращается со мной хорошо.

– Вы его боитесь?

Том хохотнул:

– Нет. Он отличный парень и заботливый господин.

Кэтрин нахмурилась. Это как-то не похоже на того короля, о котором иногда говорил ее отец. Тот король был злым и подлым.

– Я хорошо знаю его милость, – продолжил Том. – Не зря ведь с детских лет живу при дворе. Сперва был его пажом; а теперь я грум его личных покоев и надеюсь со временем подняться еще выше.

– А можно мне навестить вас при дворе? – спросила Кэтрин.

– О нет, дорогая. Личные покои короля – неподходящее место для таких милых юных девушек, как ты, – сказал Том и приобнял ее. – Когда в следующий раз я приеду домой, то попрошу кузину Маргарет, чтобы она привезла тебя в Беджбери.

Кэтрин затрепетала от радости. Ей так нравился Том. Как же здорово иметь среди родни столько добрых Калпеперов!

Глава 2

1529 ГОД

В феврале отмечали восьмой день рождения Кэтрин, собралась целая компания детей Калпеперов. Именинница, к своему удовольствию, получила в подарок от тети Маргарет и дяди Уильяма набор кеглей, а от Изабель – красивое розовое платье, в котором чувствовала себя королевой из сказки. Отец ничего не прислал, но, став обладательницей таких сокровищ, дочка на него не обиделась.

Через неделю за обедом тетя Маргарет, поставив перед Кэтрин тарелку, сказала:

– У меня есть новости. Твой отец женился, и у тебя теперь новая мать.

За столом все молчали, и Кэтрин почувствовала, что в этой тишине кроется неодобрение. У нее появилась тревожная мысль.

– Мне придется уехать домой?

– Надеюсь, что нет, – отозвалась тетя Маргарет. – Теперь твой дом здесь.

Хорошая новость, хотя Кэтрин задумалась, не означает ли это, что отец больше не желает видеть ее в своем доме, несмотря на появление там мачехи, которая могла бы за ней присматривать? Ее не слишком взволновала эта проблема, так как она предпочитала оставаться в Оксон-Хоате.

Весной приехал отец – привез свою жену. Он поцеловал Кэтрин, удивился, как она выросла, и поблагодарил тетю Маргарет за заботу о дочери, а та невольно поймала себя на мысли, что теперь, зная о неразумных поступках отца, смотрит на него другими глазами: он как будто уменьшился в размерах и перестал быть тем человеком, которого она знала и почитала прежде. Это встревожило девочку, однако она отдала родителю положенную дань вежливости.

Новая леди Эдмунд оказалась высокой брюнеткой по имени Дороти, без умолку молившей языком, причем все в каком-то вычурном тоне.

– Дитя мое, ты красива, как Елена Троянская, – сообщила она своей падчерице. До сих пор никто не называл Кэтрин красавицей, и она понятия не имела, кто такая Елена Троянская. Озадаченная, но довольная девочка улыбалась новой мачехе. – Я уверена, мы с тобой поладим.

Дороти овдовела, как сообщил им отец за обедом, и осталась хорошо обеспеченной, так что он надеялся в скором времени поправить свое финансовое положение. Леди-Холл сдан в аренду, а сами они едут в Гэмпшир, где у Дороти имеется во владении поместье под названием Плейс-Хаус.

– Моя дорогая супруга говорит, что это прекрасное место, – сказал лорд Эдмунд, пожимая руку Дороти.

На какой-то ужасный момент Кэтрин испугалась: вдруг он сейчас скажет, что она должна поехать с ними. Однако, к счастью, этого не произошло. А отец тем временем решил попотчевать жену и прочих слушателей рассказами о своих подвигах.

– Дороти не знает, что я занимался организацией турниров в честь коронации короля, – похвалился лорд Эдмунд. – И, моя дорогая, я принимал участие в тех, что проводились в Вестминстере по случаю рождения принца Генри, да упокоит Господь его душу. – Отец перекрестился. – Я был предводителем кавалерии в битве при Флоддене, где мой отец одержал славную победу над шотландцами. Я тоже отличился, и он произвел меня в рыцари прямо на поле боя. Именно после этого король вернул моему отцу герцогство Норфолк.

Дороти, глядя на мужа, восхищенно улыбалась, но Кэтрин и, вероятно, все остальные уже не раз слышали эти истории. Кэтрин скучала, а ее кузены нетерпеливо ерзали. Но лорд Эдмунд распустил крылья.

– Я ездил во Францию в свите принцессы Марии, когда она вышла за короля Людовика. Король Генрих лично дал мне шёлка и парчи на платье, чтобы я сопровождал его на Поле золотой парчи, а на турнире я был одним их бросавших вызов.

– Какую интересную жизнь вы вели, супруг мой, – заметила Дороти.

– Да, бывали у меня золотые денечки, – сияя улыбкой, ответил он.

– Как дети? – спросила тетя Маргарет.

Отец улыбнулся:

– Мальчики успешно готовятся к посвящению в рыцари под руководством герцогского сержанта при оружии⁴. Мэри так и живет с кормилицей недалеко от Леди-Холла.

– Есть у вас какие-нибудь новости о короле, милорд? – спросил дядя Уильям.

Эдмунд сдвинул брови:

– По требованию королевы заседание суда легатов перенесли в Рим. Его величество недоумен, как вы понимаете.

Кэтрин понятия не имела, о чем они говорят.

– Что такое суд легатов? – шепнула она сидевшему рядом с ней Томасу.

Отец услышал вопрос и заговорил прежде, чем мальчик успел ответить.

– Это особый суд, который собрался, чтобы решить, по закону ли король женат на королеве Екатерине.

– Он хочет жениться на ком-то другом, – добавил Томас.

Кэтрин была потрясена. Имя ей дали в честь королевы Екатерины, которая была добра, кротка, милосердна и любима всеми.

– Томас! – с укором в голосе воскликнула его мать. – Довольно!

– Но это правда, – сказал отец. – Не секрет, что король намерен жениться на моей племяннице Анне Болейн. – (В прошлом году это имя несколько раз упоминали при Кэтрин, но тогда она практически не обратила на это внимания.) – Если женитьба состоится, мы, Говарды, вознесемся высоко. Племянница очень хорошего мнения обо мне.

– Некоторые из нас предпочли бы, чтобы король остался верен своей законной жене! – едко заметила тетушка Маргарет.

– Но она уже слишком стара и не может подарить королю наследника, – дерзнула встрять в разговор Дороти.

Тетя Маргарет взъерепенилась:

– У них есть дочь! Если я способна управлять своими имениями, не вижу причин, почему принцесса Мария не сможет управлять Англией!

Получив такой решительный отпор, Дороти явно смутилась и притихла.

Вскоре после обеда они с отцом уехали, сказав, что им нужно до темноты успеть в Тонбридж. Отец благословил вставшую перед ним на колени Кэтрин и велел ей быть хорошей девочкой.

– Надеюсь вскоре снова с тобой увидеться, – сказал он и взобрался на коня, после чего, помахав хозяевам рукой на прощание, уехал вместе с Дороти, которая, сидя боком в седле, скакала на кобыле рядом с ним.

Когда они вернулись в дом, Кэтрин увидела, как тетя Маргарет, качая головой, глядит на дядю Уильяма.

– Другого такого отъявленного плута я в жизни не встречала, – заявила тетушка.

Кэтрин прошла вместе со всеми в гостиную и устроилась там на полу играть в кегли с Томасом и Джоном, а взрослые расположились вокруг очага. Девочка прислушивалась к их

⁴ *Сержант при оружии* – приближенный к монарху или знатному рыцарю слуга, который охранял своего господина во время появления на людях или на поле брани, а также выполнял различные административные функции, связанные с применением силы (сбор налогов и податей, арест преступников), и церемониальные (нес жезл перед королем в ходе торжественных процессий).

разговору, потому что речь шла о ее отце. А они как будто считали, что она не слышит или не понимает, о чем идет речь.

– Столько хвастовства! – изрекла тетя Маргарет, понизив голос, однако не так сильно, чтобы он не донесся до Кэтрин.

– Я думала, он никогда не остановится, – сказала Анна.

– Удивительно, каким он видит себя, – продолжила ее мать. – При Флоддене только его отряд и был разбит. Но об этом он не упомянул! И о том, что умудрился потерять весь обоз, – тоже.

– Нетрудно догадаться, почему он не продвигается по службе, – добавил дядя Уильям. – А помните, как он ослушался кардинала Уолси? И короля!

– Да, – сказала тетя Маргарет. – Я не забыла, как он подточил правосудие в Суррее, когда был мировым судьей, и его вызвали отвечать перед судом Звездной палаты⁵.

– А потом, чтобы показать, как серьезно относится к своим обязанностям, он проявил невероятную жестокость к юнцам, казненным после Злого Майского дня⁶, – вспоминал дядя Уильям.

При этих его словах Кэтрин насторожилась. Ее отец жесток? Она не могла в это поверить. Разумеется, они все перепутали.

– Вероятно, он старался произвести впечатление на короля! – заметила тетя Маргарет.

– Если так, любовь моя, последствия вышли неожиданные. Через год или около того он вновь оказался в Звездной палате, и сам король судил его за подстрекательство к мятежу. Ему пришлось, стоя на коленях, молить о пощаде. Только благодаря своему отцу он получил королевское прощение; остальным, обвиненным с ним заодно, не так повезло.

– Он взбалмошный, безрассудный человек и ставит себя выше закона.

– Мой дедушка Ли знал ему цену, – произнесла Изабель, не поднимая головы от шитья, – и позаботился о том, чтобы лорд Эдмунд не смог оспорить его завещание.

– Твоя бабушка Ли была недовольна, что Джойс вышла за него замуж, – сообщила тетя Маргарет. – Она пыталась защитить наследство Джойс, но Эдмунд промотал его целиком и кончил тем, что прячется от кредиторов, дабы не попасть в долговую тюрьму. У него в доме детям не хватало мяса и доброго питья! Помните, как он отправил бедняжку Джойс за помощью к кардиналу? Она была святая, моя сестра, раз могла жить с ним в ладу.

Кэтрин слушала и не верила своим ушам. Склонившись над кеглями, она молилась, чтобы братья не увидели, как запылали у нее щеки от стыда. Теперь девочка поняла, почему отец однажды так загадочно и надолго исчез из дому.

Взрослые умолкли; в комнате слышались только грохот катящегося по полу деревянного шара да стук падающих кеглей.

– Позову-ка я слуг, пусть уберут со стола, – сказала тетя Маргарет, поднимаясь на ноги.

Кэтрин смотрела ей вслед в легком смятении от услышанного. Она не все поняла, но и того, что уловила, хватило, чтобы уяснить: ее добрые родственники считали отца человеком никудышным и вдобавок глупым. Но хуже всего то, что они, вероятно, были правы.

⁵ *Звездная палата* – чрезвычайный суд, созданный Генрихом VII в 1488 г.

⁶ *Злой Майский день* – восстание в 1517 г. лондонских ремесленников против иностранцев, живущих в Лондоне.

Глава 3

1530 ГОД

Кэтрин было девять лет, когда ее кузины Джоан и Анна вышли замуж. В обеих свадьбах она, одетая в свое красивое розовое платье, участвовала в роли подружки невест.

Потом тетушка Маргарет говорила, что дом без них опустел, и ходила грустная; на ее лице была написана тоска.

– Мне как будто отрубили руку. Всю жизнь думаешь, что дети останутся с тобой навсегда, а потом они вдруг уходят. – Тетушка прижала к себе Кэтрин. – Слава Богу, ты здесь, моя дорогая, и Томас с Джоном! – Она смахнула с глаз слезу. Ей явно было не по себе.

Кэтрин скучала по дочерям тетушки и по ее живой уверенности в себе. На долю упорной Изабель выпало поднимать настроение Маргарет, но все усилия пропали втуне: тетушка вела себя как человек, лишившийся самого дорогого. Печальная атмосфера в доме сгустилась, когда пришла новость от отца: мачеха Кэтрин умерла в родах и оставила супругу свое поместье в Гэмпшире. Кэтрин не оплакивала Дороти, поскольку почти не знала ее и ни разу не видела после того весеннего визита молодоженов в Оксон-Хоат. И все же девочке было жаль ее и отца тоже. Тем не менее она, скорее, испытала облегчение, когда он не приехал навестить ее, потому что опасалась: вдруг отец заметит, что отношение к нему у дочери изменилось. Услышав от родни о его недостатках, Кэтрин уже не могла питать к родителю прежние чувства, как ни старалась. Тетушка Маргарет и Изабель принялись рассуждать, как он справляется и скоро ли отдаст в залог Плейс-Хаус.

К июлю тетя Маргарет превратилась в бледную тень себя прежней; вся ее кипучая жизненная сила угасла. Поначалу это объясняли разлукой с дочерьми, но со временем начали понимать, что она больна. В сентябре миссис Коттон слегла в постель, оставив Изабель следить за хозяйством.

Кэтрин ужасно боялась, как бы Господь не забрал к себе и тетю тоже. Эту утрату ей не перенести. Маргарет стала центром ее мира, всемогущим источником любви и уверенности. Каждый день девочка ходила в домашнюю церковь и молилась от всего сердца, чтобы Бог помог ее любимой тетушке выздороветь. Он не слушал.

Однажды поздним вечером Изабель мягко разбудила Кэтрин и попросила ее встать. Держа в руке свечу, она отвела девочку в спальню тетушки Маргарет. Все, кто там был, стояли на коленях вокруг постели. Священник монотонно читал молитвы, исполняя последние обряды. Дядя Уильям и мальчики плакали; с высоких подушек доносился хриплый звук затрудненного дыхания. Лицо тети Маргарет посерело и осунулось; казалось, она не узнает никого вокруг. Кэтрин опустилась на колени рядом с Изабель и молилась так истово, как никогда за всю свою недолгую жизнь.

– Спаси ее! Спаси! – горячо шептала она.

Дыхание становилось слабее и глуше. Кэтрин не сразу заметила, что оно прекратилось. Наступила мертвая тишина, священник осенил себя крестом.

– Из милосердия, помолимся об упокоении души нашей сестры Маргарет, – призвал он всех.

– Нет! – завопила Кэтрин.

Изабель быстро сгребла ее в охапку и вынесла из спальни, сдавленным голосом прошептала:

– Такова Господня воля.

Кэтрин лежала на кровати, обессилив от слез. Если бы только тетя Маргарет могла войти в дверь и утешить ее! Как бы ей этого хотелось, но, разумеется, желание осталось неосуществ-

ленным. Тетя Маргарет ушла на те же Небеса, где ждали ее мать и все прочие любимые люди. Тетушка пребывала в мире, как сказал священник, а вот ее родные, оставшиеся здесь, на земле, были безутешны.

Розовое платье Кэтрин убрали в сундук, а ей самой дали траурное, которое носила в детстве Джоан, когда умер в младенчестве то ли ее брат, то ли сестра. Черное платье из гарусной материи немного покусывало кожу, но Кэтрин слишком сильно погрузилась в печаль, чтобы замечать это.

Она лежала и размышляла, что теперь будет. Если Изабель останется здесь и возьмет на себя заботы о дяде Уильяме, мальчиках и самой Кэтрин, все будет хорошо – по крайней мере, насколько это возможно, потому что дядюшка очень тяжело переживал утрату. Всего шесть месяцев назад это был счастливый, бурлящий жизнью дом; теперь повсюду царили тишина и печаль. Кэтрин не покидало чувство, что тут нужно ходить на цыпочках, чтобы не нарушить чей-нибудь траур. Если бы не Изабель, которая старалась по мере сил приободрить всех домочадцев, Оксон-Хоат и правда превратился бы в весьма унылое место.

На следующий день дядя Уильям вошел на кухню, где Кэтрин сидела на табурете за большим столом и наблюдала, как Изабель и кухарка готовят ватрушки с айвой.

– Китти, я получил известие от твоего отца, – сказал он, сжимая в руке письмо. – Похоже, у тебя новая мачеха.

– Уже? – Изабель вскинула брови.

– Да, Эдмунд не терял времени. Вероятно, это еще одна богатая вдова. – Он показал Изабель негусто исписанный лист. – Как бы там ни было, а он сообщает, что сейчас живет в Ламбете и Кэтрин должна вернуться к нему туда. Он просит, чтобы ты проводила ее. На следующей неделе он пришлет грума с носилками.

Кэтрин не знала, радоваться ей или печалиться. Несколько недель назад перспектива покинуть Оксон-Хоат сильно расстроила бы ее, но теперь она не была в этом так уверена. Отцовский дом в Ламбете ей очень даже нравился. Вдруг там будет веселее, если, конечно, способность радоваться жизни когда-нибудь вернется к ней. Но все будет зависеть от того, какова из себя эта новая мачеха. По крайней мере, если она окажется змеей, то рядом будет Изабель. Кэтрин слышала сказки, где упоминались мачехи; обычно их изображали злобными.

Но что будет с добрым дядюшкой Уильямом? Как он справится без Изабель? Сможет ли уследить за домом и сыновьями?

– Эти перемены не пойдут на пользу девочке, – сказала Изабель, сворачивая из теста ватрушку, – но когда Говарды чего-то требуют, ничего не поделаешь. – В ее голосе звучали обида и возмущение. – Вы справитесь без меня несколько дней? Я поживу там какое-то время, удостоверюсь, что все в порядке, и тогда вернусь.

– Ты не останешься со мной?! – воскликнула Кэтрин.

– Думаю, я нужна здесь дяде Уильяму, – ответила Изабель, взглянув на старика в ожидании подтверждения. – Я вообще не уверена, что меня оставят хоть на какое-то время в Ламбете. Кэтрин, дорогая, не плачь! – Она вытерла руки о передник и обняла сестру. – Я буду приезжать к тебе. И обещаю, что уеду только тогда, когда буду уверена, что ты поладила с новой мачехой. – (Кэтрин тупо кивала, утратив всякую чувствительность.) – Нам, женщинам, всегда приходится делать то, что велено, – продолжила Изабель. – Брат до сих пор не нашел мне мужа, вот я и живу приживалкой. Я могла бы поехать в Стоквелл с сестрами Маргарет и Джойс и жить с Джоном, но предпочла остаться здесь, и мне повезло, что меня приняли с радостью. – Она улыбнулась дяде Уильяму. – Тебе, Кэтрин, тоже повезло. Отец заботится о тебе. Будь благодарна ему за это.

Дядя Уильям взял Кэтрин за руку:

– Сбегай за Томасом и Джоном. Я уверен, ты найдешь чем заняться с ними.

Кэтрин нашла мальчиков в гостиной: они играли в шахматы, но с готовностью прервали партию и достали бирюльки; так можно было играть втроем. Задача вынимать из кучки крохотные предметы, не задевая соседние, требовала концентрации внимания, и это помогло Кэтрин успокоиться, но внутри у нее вызрела решимость: если новая леди Эдмунд окажется великаншей-людоедкой, она сбежит из Ламбета, чего бы это ни стоило, и вернется сюда вместе с Изабель.

Дорога до Ламбета заняла три дня. Они ехали через Отфорд и Бромли, где останавливались в хороших гостиницах. И вскоре уже двигались по Черч-стрит к Темзе и отцовскому дому – тому, где Кэтрин родилась. Он находился напротив Ламбетского дворца, городской резиденции архиепископа Кентерберийского, и выглядел весьма скромным по сравнению с располагавшимся между Черч-стрит и Парадайз-стрит Норфолк-Хаусом – великолепным, побеленным особняком из кирпича и дерева, окруженным прекрасными садами с цветами и плодовыми деревьями, которые тянулись до самого берега реки. Дядя Кэтрин, могущественный герцог Норфолк, старший брат ее отца, жил здесь, когда ему нужно было находиться в городе. Он мог воспользоваться конным паромом⁷ архиепископа, чтобы перебраться через широкую Темзу, если хотел попасть в Йорк-Плейс, расположенный чуть выше по реке, или в парламент в Вестминстере, или дальше к северу, в самый Лондон.

Перед Ламбетским дворцом стояла церковь Святой Марии. Когда они проезжали мимо, у Кэтрин защемило сердце. Здесь погребена ее мать, в холодном склепе среди останков Говардов, предков своего мужа. Изабель сказала, что недавно над местом ее упокоения положили могильную плиту и они пойдут в церковь помолиться за душу усопшей, прежде чем она вернется в Оксон-Хоат. Кэтрин было неприятно думать о том, как мать лежит под землей; ей хотелось помнить ее живой – нежной, доброй и любящей.

Однако времени предаваться грусти не осталось, потому что они прибыли в дом лорда Эдмунда. У дверей ждал управляющий, готовый помочь им выйти из носилок; он велел гrooms присмотреть за лошадьми и поставить носилки у конюшни. Кэтрин вступила в знакомый коридор, отделенный перегородкой от главного зала, и как раз в этот момент в самом зале, справа от нее появился отец. Под руку его держала очаровательная улыбчивая женщина с добрыми глазами и лицом, напоминавшим Мадонну из домашней церкви Оксон-Хоата.

– Кэтрин, Изабель, добро пожаловать! – приветствовал их отец. – Это Маргарет, моя жена. Кэтрин, сделай реверанс своей мачехе.

Она сделала, в ответ на это Маргарет подняла ее и расцеловала в обе щеки.

– Какое милое дитя, Эдмунд! Вы не говорили, что у вас есть такое сокровище.

Кэтрин глянула на Изабель, и та ободряюще кивнула ей, как будто говоря: все будет хорошо. После этого девочка осторожно вставила ладошку в протянутую мачехой руку.

– Позволь я отведу тебя наверх, дитя, – сказала Маргарет. – И помогу Изабель распаковать вещи.

Маргарет пошла, держа Кэтрин за руку, вверх по расположенной в углу винтовой лестнице и дальше по галерее в детскую.

– Ты должна вести себя тихо, – попутно наставляла мачеха. – Твоя сестричка Мэри спит после обеда.

Мэри! Кэтрин и не догадывалась, что ее сестра тоже будет здесь. Она думала, малышка живет где-то далеко, в Эппинг-Форест, если вообще о ней вспоминала, и сейчас не слишком обрадовалась. Однако когда Маргарет открыла дверь и Кэтрин увидела, что лежит на ее кровати, недовольство сменилось восторгом. Потому что ее ждало прекраснейшее зеленое бар-

⁷ Конный паром назван так не потому, что работал на конной тяге, а потому, что был достаточно велик, чтобы на нем уместилась конная повозка.

хатное платье, отделанное расшитой золотом каймой. Розовое отжило свой век: его дважды перешивали, растачивая, и надставляли контрастной по цвету лентой, чтобы увеличить длину, но скоро оно все равно станет мало. Но это – это было великолепно! В таком платье она будет чувствовать себя истинной дочерью Говардов, а не бедной родственницей. Кэтрин сразу потеплела к своей новой мачехе.

Рука Маргарет чувствовалась везде: от натертой до блеска мебели и белоснежного белья на постелях до летних цветов в вазах на каминных полках и отличной еды, поданной к столу. Был ли ламбетский дом таким во времена ее матери? Кэтрин не помнила.

– Ты счастливица. Господь послал тебе прекрасную мачеху! – сказала Изабель, придя наверх, чтобы поцеловать сестру на ночь. – Я довольна, что оставляю тебя в хороших руках.

Кэтрин посчитала себя еще более везучей, обнаружив, что кухонная кошка, гроза мышей, ждет котят, и, обнадеженная этим, стала приходить к убеждению, что, наверное, обретет счастье в отцовском доме. Она продолжала скучать по тете Маргарет, однако память о ней затуманилась новыми впечатлениями. Младшая сестренка Мэри, теперь уже двухлетняя, очаровала Кэтрин. Ей нравилось играть с малышкой и помогать няне ухаживать за ней. Маргарет и Изабель одобрительно смотрели на это.

Изабель не вернулась в Оксон-Хоат, как планировалось, поскольку дядя Уильям отправился погостить к кому-то из родственников Калпеперов и дом закрыли. Кэтрин была благодарна судьбе за каждый день, который могла уделить ей сестра. Однажды осенью отец побывал при дворе в Уайтхолле и вернулся в весьма приподнятом настроении. За ужином, к изумлению и огорчению Кэтрин, он сообщил, что сэр Эдвард Бейнтон, придворный, к которому очень милостив король, захотел жениться на Изабель. Сэр Эдвард обмолвился, что ищет себе супругу, и отец предложил ему руку своей приемной дочери, надеясь таким образом снискать расположение короля.

– Вы будете знатной леди, – сказал лорд Эдмунд, вставая и обнимая Изабель. – Сэр Эдвард владеет обширными землями и большим домом в Уилтшире и, по общему мнению, поднимется до высокого положения на королевской службе.

Изабель разволновалась и воскликнула:

– О, какая прекрасная новость!

– Я не хочу, чтобы ты от нас уезжала, – сказала Кэтрин, и губы у нее задрожали.

Изабель взяла сестру за руки:

– Дорогая, я все равно собиралась. Не грусти, ради меня, прошу! Мне тридцать четыре, и, вероятно, другого шанса выйти замуж у меня не будет. К тому же это прекрасная партия, на лучшее я и не рассчитывала. Я много времени буду проводить при дворе, а это сразу за рекой, и смогу часто навещать тебя.

Кэтрин не желала успокаиваться:

– А как же бедный дядя Уильям?

– Наша сестра Джойс обещала побыть с ним какое-то время, если я выйду за сэра Эдварда, так что за дядей присмотрят. А ты можешь быть подружкой невесты на моей свадьбе!

Это Кэтрин обрадовало.

– Можно мне надеть зеленое платье?

Не одна Изабель вышла замуж той зимой. В ноябре Маргарет Ли, сводная сестра Кэтрин, обвенчалась с Томасом Арунделом, которого ждала карьера при дворе. Кэтрин и Изабель вместе со всем семейством Ли справляли свадьбу в доме Джона Ли в Стоквелле, неподалеку от Ламбета. По словам Изабель, Джон подружился с Томасом Арунделом, когда они вместе служили у кардинала Уолси, но, понизив голос, объяснила, что лучше не упоминать о кардинале, так как тот рассердил короля – не сумел помочь ему избавиться от королевы Екатерины.

Кэтрин стало жаль кардинала, которому наверняка был ненавистен этот развод, а вот Джон Ли, здоровенный весельчак с черной бородой и громовым голосом, ей понравился; он очень радушно принимал всех.

Уже в третий раз Кэтрин оказалась на свадьбе. Ей было почти десять, она уже достаточно подросла, чтобы ощутить трепет романтического восторга: невеста в алом платье, разодетый в пух и прах жених, торжественные обеты у дверей церкви, красота хоровых песнопений, под которые новобрачные в сопровождении гостей вступили в храм, и великолепный свадебный пир, завершивший торжества. Лорд и леди Эдмунд находились среди приглашенных, равно как и братья Кэтрин – повзрослевшие, державшиеся с горделивой уверенностью; все от души веселилось. В один прекрасный день и у нее будет такая же сказочная свадьба, мечтала Кэтрин.

Глава 4

1531 ГОД

В январе Изабель вышла замуж за сэра Эдварда Бейнтон. В Стоквелле вновь собралось множество гостей, и Кэтрин еще раз повидалась с братьями. Одетая в дивное зеленое платье, она привлекла немало восторженных взглядов и поняла, что выглядит очаровательно со струящимися по плечам темно-рыжими волосами и с изумрудной подвеской на шее, которую дала ей мачеха. Изабель вся светилась от счастья; супруг явно пришелся ей по душе. Он оказался крепко сложенным, почтенным и серьезным мужчиной с седеющими волосами, весьма обходительным, с манерами опытного придворного. Изабель, с которой сэр Эдвард был почти одних лет, явно его пленила. Кэтрин подивилась, узнав, что тот привез с собой семерых детей. Отец, одетый в свой единственный приличный бархатный костюм, объяснил, что это потомство покойной жены сэра Эдварда.

– Изабель будет к чему приложить руки! – весело добавил он.

Кэтрин невольно ощутила укол ревности при мысли, что этим детям отныне будет достаться больше любви и внимания Изабель, чем ей. Но у нее теперь тоже есть мачеха, причем очень заботливая, так что не стоит грустить.

– У меня есть отличные новости, – сказал однажды за ужином отец.

Дело было в апреле. Братья Кэтрин приехали домой из Норфолк-Хауса и были заняты разговором о своих делах, но, услышав слова отца, заинтересовались и повернули к нему головы. Лорд Эдмунд, сияя улыбкой, смотрел на них всех:

– Моя милая племянница, леди Анна Болейн, позаботилась обо мне, вместе с господином Кромвелем, который заменит кардинала на посту главного министра короля. Я считаю его своим другом, знаете ли.

– Эдмунд, давайте ближе к делу, – сказала Маргарет.

– Ах да, хорошие новости! – Он снова заулыбался. – Меня назначили ревизором в Кале с очень хорошим жалованьем. Ну, с приличным жалованьем, из которого я должен обеспечивать содержание своих помощников и лошадей, но это очень кстати, потому что меня осаждают кредиторы.

– Я рад за вас, отец, – сказал Чарльз, которому исполнилось пятнадцать, и Кэтрин казалось, он становится выше и шире в плечах при каждой их новой встрече.

– Мы поедem с вами, сэр? – спросил Джордж.

Чарльз и Генри смотрели на отца с надеждой, но Кэтрин опасалась, что ей это известие сулит новые неприятные перемены.

– Нет, – ответил лорд Эдмунд. – Ни один из вас с нами не поедет. Вам лучше остаться здесь. Дядя Норфолк подготовит вас к службе при дворе и добьется для вас продвижения. Вы, мальчики, вернетесь в Норфолк-Хаус в воскресенье. Изабель заберет Мэри к себе в Уилтшир. А ты, Кэтрин, отправишься к моей мачехе, вдовствующей герцогине.

Это была действительно ужасная новость. О вдовствующей герцогине, супруге ее покойного деда, герцога Норфолка, у Кэтрин сохранилось лишь одно воспоминание: с каким величавым безразличием та отнеслась к робким попыткам маленькой девочки заручиться ее расположением во время многолюдного рождественского праздника в Норфолк-Хаусе много лет назад. Эта леди была очень стара и величественна, жила в огромном доме, который называли гостевым и который прилегал к Норфолк-Хаусу со стороны реки.

– Она не только твоя бабушка, но и кузина, – сказал Кэтрин отец. – Моя мать была ее теткой; они обе урожденные Тилни. Тилни – старинный дворянский род из Восточной Англии, они издавна близки с Говардами.

Кэтрин не интересовала история рода Тилни. Ее ужасала перспектива оказаться запертой в гостевом доме вдовствующей герцогини и разлучиться с Маргарет, которая поедет с отцом в Кале. Они окажутся за морем и так далеко... От этой мысли на глаза девочки навернулись слезы. Получалось, у нее забирают по очереди всех, кто ей дорог: мать, тетю Маргарет, Изабель, а теперь вот и мачеху. Неужели рядом с ней не останется никого, кто любил бы ее и заботился о ней? Она испытала жгучую зависть к Мэри при мысли, что та будет жить с Изабель.

– Китти, ни к чему принимать такой угрюмый вид, – укоризненно произнес отец.

– Но я не хочу жить с моей бабкой Норфолк! – выпалила она.

– Чепуха! – рявкнул лорд Эдмунд.

– Я хочу жить с Изабель! – крикнула Кэтрин.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал отец. – Изабель – жена рыцаря; твоя бабушка – герцогиня и обладает гораздо большим влиянием.

– Это пойдет тебе на пользу, – утешила падчерицу Маргарет, похлопав ее по руке. – Детей из благородных семейств обычно отдают на воспитание в дома знатных родственников, и ты как раз в подходящем для этого возрасте. Под руководством герцогини ты освоишь навыки и приобретешь манеры, которые позволят тебе удачно выйти замуж или даже получить место при дворе.

Отец и братья согласно кивали, но Кэтрин не заботило, выйдет ли она замуж и получит ли место при дворе. Она чувствовала себя брошенной.

– Я не потерплю никаких возражений! – Отец погрозил ей пальцем. – Герцог сам решил, что ты отправишься к вдовствующей герцогине, а с ним не поспоришь. За пару дней Маргарет поможет тебе собрать вещи, потому что мы должны переправиться в Кале как можно скорее. – Лорда Эдмунда ничто не смущало; сам он мысленно уже плыл в Кале и не намеревался утешать дочь или врачевать ее душевные раны.

Кэтрин уселась на подоконник, с которого был виден Норфолк-Хаус. Вещи ее собраны, осталось только дожидаться, когда придет отец и проводит ее в резиденцию вдовствующей герцогини. Братья стояли рядом и переминались с ноги на ногу: им не терпелось вернуться к мужским радостям, которые давала служба у герцога.

Своего дядюшку Норфолка Кэтрин видела только во время тех давнишних рождественских торжеств и едва помнила, но он играл в ее жизни весьма заметную роль, так как слово герцога было законом для всех его родственников Говардов – и для очень многих других людей. Как самый знатный дворянин в королевстве, он пользовался почетом и уважением не меньшим, чем королевская особа, и слушались его так же; родство по браку сближало Норфолка с королем: первой женой герцога была Анна Йоркская, тетка его величества, а второй – представительница рода Стаффордов, в жилах которых текла кровь старинного королевского рода Плантагенетов. Кэтрин давно это знала как часть семейной легенды; к тому же жанру относилась и история о происхождении Говардов от короля Эдуарда I.

– Тебе понравится жить в Норфолк-Хаусе, – сказал Чарльз.

– Но я поселюсь не в Норфолк-Хаусе, – возразила Кэтрин. – Я буду жить там. – Она указала на дальний конец здания.

– Это тот же дом, – отозвался Чарльз. – У них просто отдельные хозяйства. На другом его конце находится еще один флигель, где живет наш дядя лорд Уильям Говард, сын вдовствующей герцогини. Когда наш дед строил Норфолк-Хаус, то позаботился о своей вдове и детях.

Кэтрин знала, что ее дед, старый герцог, зачал двадцать детей со своими двумя женами. Говарды теперь, казалось, были повсюду: в Ламбете, при дворе и по всему королевству, породнившись со всеми лучшими семьями страны.

– Расскажи, как он вернул себе титул! – потребовала Кэтрин.

Она любила слушать эту историю, и сейчас ей нужно было как-то отвлечься.

– Опя-а-ть? – в шутливом отчаянии протянул Джордж. – Ну нет!

Чарльз с покорным видом сел. Он всегда потакал сестре.

– Первый герцог пал в битве при Босворте, сражаясь за короля Ричарда.

– Не на той стороне, – вставил Генри.

– Вот именно, потому что Ричард тоже был убит, а победил Генрих Тюдор и был увенчан короной прямо на поле брани. Дедушка тогда был графом Сурреем. Когда новый король спросил его, почему он сражался за Ричарда, тот ответил, что Ричард был миропомазанным монархом и, если бы корону возложили на пень, он стал бы биться за него. Преданность деда соверену произвела впечатление на короля, и тот вернул ему графство Суррей, но не позволил получить герцогство Норфолк. Его деду даровал наш король Генрих после Флоддена, за славную победу в битве и спасение королевства от нашествия шотландцев. Когда дед получил назад титул, то и построил Норфолк-Хаус. Он также возвел часовню при церкви Святой Марии за дорогой. Там нас всех похоронят когда-нибудь, как нашу матушку.

Кэтрин было так грустно, что она не смела думать о матери, иначе залилась бы слезами. Только раз девочка ходила с Изабел в церковь, где, стоя на коленях у могилы, испытала странное чувство успокоения, оказавшись вновь рядом с матерью, однако вид холодной каменной плиты навевал ей мысли об окончательной бесповоротности смерти. Кэтрин не хотелось возвращаться в это место.

– У герцога в Норфолк-Хаусе бывает много разных людей, – говорил меж тем Чарльз. – К нему приходят гости, придворные и иностранные послы. Я встречал там Джона Скелтона, которого наша семья сделала поэтом-лауреатом⁸, и мы все отлично ладим с нашим кузеном Сурреем и леди Мэри.

Суррей был сыном и наследником герцога, но Кэтрин его совсем не помнила, хотя братья рассказывали ей, что он пишет стихи и отличается буйным нравом. Мэри была его сестрой.

Существовала какая-то тайна, связанная с их матерью. Герцогиня Норфолк не жила с герцогом. Однажды Кэтрин краем уха услышала, как ее братья, хихикая, говорили, что некая Бесс Холланд играет в зверя о двух спинах с их дядюшкой – что бы это значило? – и это из-за нее тетушка стала затворницей. Но когда Кэтрин попросила у них объяснений, они сказали, чтобы она не совалась в чужие разговоры.

Отец звал их всех снизу. Пришло время уходить. Кэтрин неохотно спустилась по лестнице, братья шли следом. В холле стоял готовый к отправке в Кале огромный дорожный сундук. Слуги сутились, приводя дом в порядок для новых постояльцев. Через пару дней отец с Маргарет уедут, и Кэтрин не представляла, когда увидит их снова. Она стояла неподвижно, будто окаменела, пока мачеха надевала на нее накидку и приглаживала ей волосы, потом взяла за руку и вывела из дома через парадную дверь вслед за отцом.

Сперва они оставили мальчиков в Норфолк-Хаусе и подождали, пока те пройдут через арку входа и скроются во дворе. Потом проследовали вдоль кирпичной стены с ромбовидным орнаментом к воротам у реки. Дворецкий пустил их и проводил через деревянную арку на мощный булыжником внутренний двор. Они проследовали за ним к двери в дальнем конце здания и оказались в просторном холле, по которому деловито сновали туда-сюда ливрейные слуги, придворные и дамы. К ним подошел церемониймейстер и пригласил подняться по лестнице в главный покой.

Вдовствующую герцогиню, вероятно, предупредили об их приходе: она величественно восседала в кресле с дорогой отделкой под балдахин с гербами Говардов. Эдмунд и Маргарет вежливо поклонились, и Кэтрин тоже сделала изящный реверанс.

– Добро пожаловать, лорд и леди Эдмунд, – высоким голосом, но без всякого чувства произнесла вдовствующая герцогиня.

⁸ Поэт-лауреат – звание придворного поэта.

– Приветствуем вас, мадам, – отозвался отец. – Надеюсь, вы в добром здравии. Мы привели к вам мистресс⁹ Кэтрин.

– Дайте-ка мне взглянуть на нее.

Маргарет легонько подтолкнула падчерицу, и та сделала шаг вперед. Осмелившись поднять глаза, Кэтрин увидела, что вдовствующая герцогиня гораздо старше, чем она помнила, но одета и причесана весьма изысканно. Лицо у нее было худое, ястребиное, глаза пронзительные, манеры спокойные и уверенные; платье черное, но поверх него надето много сверкающих украшений.

– Ну, дитя, что ты скажешь?

Кэтрин умела вести себя в обществе, и Маргарет научила ее, что нужно ответить.

– Приветствую вас, миледи. Вы оказываете мне большую честь, пригласив к своему двору. Я очень благодарна вам за это.

– Хорошо сказано, дитя, – улыбнулась вдовствующая герцогиня. – Надеюсь, тебе здесь будет хорошо. А сейчас матушка Эммет отведет тебя в твою комнату. Матушка Эммет тут главная над всеми девушками.

Полная темноволосая женщина, похожая на смирную корову, подошла к Кэтрин и взяла ее за руку.

– Попрощайся со своими родителями, – велела вдовствующая герцогиня.

– Прощай, дочь моя, – сказал отец и горячо поцеловал ее. – Веди себя хорошо и делай все, что тебе скажут. Если Господу будет угодно, мы скоро увидимся.

– Береги себя, дитя. О тебе здесь хорошо позаботятся. – Маргарет улыбнулась и тоже поцеловала падчерицу.

Кэтрин переполняли чувства, и она не могла сказать много.

– Всего доброго, – тоненьким голоском пролепетала девочка, и матушка Эммет увела ее прочь от всего привычного и знакомого.

Они вышли из зала через дверь в углу, поднялись по длинной лестнице в увешанную картинами галерею. В дальнем ее конце наставница открыла дверь, и Кэтрин вступила в такую красивую комнату, каких никогда еще не видела. Она была лучше уютной спальни в Оксон-Хоате, лучше великолепной опочивальни в отцовском доме. Тут у завешенной гобеленом с цветочным рисунком стены стояла резная дубовая кровать под балдахин. Остальные стены были белые, на окне с ажурной решеткой, за которым виднелся сад, висели алые бархатные шторы; обстановку дополняли изящный столик и стул, а также искусно вызолоченный голубой сундук для одежды. Рядом с ним стоял дорожный сундук Кэтрин.

– Кажется, тебе здесь нравится, – с улыбкой сказала матушка Эммет и принялась споро разбирать скромный гардероб своей новой подопечной, задержав ненадолго восторженный взгляд лишь на зеленом платье. – Ты должна надеть его, когда придет герцог, – сказала она и усадила на подушку тряпичную куклу. – Больше у тебя никаких вещей нет, дитя?

– Только эти. – Кэтрин показала ей небольшую сумку, которую принесла с собой, и вынула оттуда свои кегли и мешочек с иглами и нитками, который сшила сама из обрезков бархата.

– Господи помилуй! – воскликнула матушка Эммет. – Я слышала, что твой отец беден, но теперь сама в этом убедилась. Ну, смею надеяться, мы найдем для тебя какие-нибудь игрушки на чердаке. Остальные юные леди, которые живут здесь, намного старше тебя.

– Другие юные леди? – как эхо повторила Кэтрин.

Она-то представляла, что будет обитать здесь совсем одна и водить компанию с вдовствующей герцогиней.

⁹ *Мистресс* – в данном случае: почтительное именование знатной женщины, эквивалентное употреблению при имени уважаемого мужчины слов «мистер» или «мастер».

– Да, тут их довольно много. Миледи содержит великолепный двор и поддерживает многочисленных родственников и прочих иждивенцев. У замужних леди высокого ранга есть свои комнаты. Горничные спят с незамужними камеристками в соседней спальне. Юные леди прислуживают герцогине и надеются, что она найдет им хороших мужей, как случится и с тобой в один прекрасный день. Тебе очень повезло оказаться в таком хорошем месте.

Несмотря на теплый прием и прекрасную спальню, Кэтрин еще не ощутила по-настоящему своего везения. Однако, проходя по галерее, она услышала смех и понадеялась, что старшие компаньонки окажутся веселыми и добрыми; они помогут ей освоиться в этом потрясающем новом мире.

В тот вечер в шесть часов матушка Эммет умыла Кэтрин лицо, расчесала волосы, прощлась щеткой по платью и отвела ее в главный зал ужинать. Там, ошеломленная огромным количеством сидящих за длинными столами на козлах и без умолку болтающих людей, девочка напрасно искала глазами вдовствующую герцогиню.

– Ее милость ужинает в своей гостиной, – объяснила ей матушка Эммет. – А здесь за главным столом сидят камергер и самые важные служители двора. Я договорилась с двумя замужними леди, чтобы они присматривали за тобой. – Нянюшка подвела Кэтрин к месту за одним из боковых столов, который занимала оживленная группа женщин и девушек (все намного старше Кэтрин) и сказала: – Леди Тилни и мистресс Балмер, это мистресс Кэтрин Говард, внучка миледи по браку. Я сказала ей, что вы возьмете ее под свою опеку.

Обе женщины встали и сделали быстрые реверансы.

– Конечно, – сказала одна; она казалась милой: нежный голос, приятное лицо и каштановые волосы. – Добро пожаловать, мистресс Кэтрин.

– Леди Тилни – супруга племянника герцогини, сэра Филипа Тилни, – пояснила матушка Эммет торопливо присевшей в реверансе Кэтрин. – У нас здесь много Тилни!

– Можешь называть меня Малин, дитя, – сказала леди Тилни. – Мой муж – церемониймейстер личных покоев короля, и я приехала сюда в начале года, чтобы родить сына. Он сейчас у кормилицы в Стэнгейте.

– Кэтрин, сколько тебе лет? – спросила ее пухленькая компаньонка, мистресс Балмер, когда матушка Эммет ушла и заняла свое место во главе стола, а женщины, потеснившись, чтобы освободить пространство для Кэтрин, сели.

Что-то не понравилось Кэтрин в мистресс Балмер: от этой женщины неприятно пахло, и голос у нее был приглушенный, она будто все время говорила шепотом, и приходилось напрягать слух, чтобы разобрать ее речь.

– Мне десять, – ответила девочка. – Мой отец – лорд Эдмунд Говард. – Женщины переглянулись, как делали многие люди, когда Кэтрин упоминала своего отца. – Король отправил его в Кале. Он очень важный человек.

Другая сидевшая рядом девушка захихикала. Малин ткнула ее локтем:

– Это внучка миледи, проявляйте уважение. Кэтрин, хочешь пирога с крольчатинной?

Еда была не такая вкусная, как у Маргарет в Ламбете, и определенно недотягивала до стандартов тетушки Маргарет, но кушать было можно, притом не стеснясь. Хотя Кэтрин не могла впихнуть в себя много. Ей хотелось только одного – уехать домой. Но послезавтра там уже поселятся другие люди, а отец и Маргарет будут плыть на корабле в Кале. Это больше не ее дом. Вдруг Кэтрин залилась горячими слезами.

Юные леди поспешили утешить бедняжку. Малин обняла ее и погладила по волосам, подбежала и матушка Эммет со словами:

– У девочки был тяжелый день. Пойдем, ягненок мой, уложим тебя в постель. Стоит тебе выпаться – и будешь как огурчик.

Она подняла Кэтрин и вынесла ее из зала на глазах у изумленных придворных. Вскоре девочка уже лежала в постели, на столе была оставлена горящая свеча. Кэтрин слегка подрагивала, время от времени шмыгала носом, всхлипывала, но в конце концов уплыла в сон.

Матушка Эммет не ошиблась. Утром Кэтрин чувствовала себя немного лучше. Ее подняли рано; сперва отвели в церковь на мессу, потом – завтракать. Все были добры к ней, компания молодых девушек взяла ее с собой в сад поиграть в салочки. Большинство были старше по возрасту; Кэтрин прикинула в уме и решила, что им всем от пятнадцати до двадцати пяти лет, однако они были готовы снизойти до десятилетней девочки.

– Смотри не запачкайся! – крикнула ей вслед матушка Эммет. – Герцогиня хочет видеть тебя после обеда.

– Интересно, что нужно от тебя старухе Агнес, – сказала девушка по имени Дороти Бервик, когда они шли по дорожке к берегу Темзы.

Кэтрин испугалась, услышав, как о ее почтенной бабушке говорят в таком пренебрежительном тоне.

– Вероятно, хочет узнать, чувствует ли мистресс Кэтрин себя теперь лучше, – предположила Дотти Баскервиль, одна из камеристок, черноволосая красавица, развеселая и болтливая.

– Герцогиня добра? – спросила Кэтрин.

– Старуха Агнес? – вступила в разговор Кэт, одна из прелестных кузин Тилни, стройная девушка с безупречной кожей. – Некоторые считают ее упрямой и злой; по крайней мере, ее дети. Она вечно ругается с ними из-за чего-нибудь. Но до нас ей дела мало, она слишком занята своими проблемами. А мы предоставлены сами себе, что нам очень даже кстати. Матушка Эммет присматривает за нами, но она мягкая; она даже убийство помогла бы нам сбыть с рук.

– Нет, не то чтобы нами пренебрегали, – поспешила добавить Дороти. – Нас кормят и содержат, каждый год на Пасху дарят новую одежду, и обязанности наши необременительны. Слава Богу, старуха Агнес не из тех, кто станет сидеть кружком со своими девушками и шить с утра до ночи. Когда-нибудь она, может быть, возьмется за дело и найдет нам мужей. А пока мы развлекаемся как можем.

Девушки засмеялись. Кэтрин не поняла, что их так развеселило.

Вскоре она уже носилась вместе с ними по саду, перебежками металась вдоль живых изгородей, пряталась в зеленых беседках или визжала во все горло вместе с «охотниками». Никто не пришел сказать им, чтобы не шумели, не позвал выполнять какое-нибудь задание. Кэтрин начала думать, что если жизнь в доме герцогини всегда будет такой, то ей, вероятно, здесь понравится.

Позже она стояла перед герцогиней и пыталась не думать о ней как о старухе Агнес, боясь, что это прозвище навсегда застряло в ее голове.

– Ну, Кэтрин, – начала герцогиня, – надеюсь, сегодня тебе лучше. Меня опечалило, что вчера за ужином ты была так расстроена.

– Да, миледи, мне теперь лучше, – ответила Кэтрин, не вполне уверенная в правдивости своих слов.

Она и сейчас чувствовала себя отвергнутой и нелюбимой, к тому же побаивалась своей грозной бабки.

– Рада слышать это, – сказала герцогиня, которая сидела с совершенно прямой спиной в своем великолепном кресле. – Мы найдем тебе занятие и не дадим грустить. С завтрашнего утра ты будешь каждый день проводить два часа за уроками. Я наняла гувернера, который научит тебя читать и писать, а также немного французскому, и еще учителя танцев, так что ты сможешь освоить навыки, приличествующие дочери Говардов. – (Танцы! Кэтрин воспарила духом, хотя перспектива изучать французский не слишком ее обрадовала.) – Все это повысит

твои шансы составить хорошую брачную партию, что необходимо, раз у тебя нет приданого, – говорила вдовствующая герцогиня. – Но с твоим милым личиком, благородной кровью и связями это препятствие вполне преодолимо. – (Последние слова прозвучали вдохновляюще и лестно, особенно из уст такой почтенной старой леди.) – В любом случае нам не придется беспокоиться об этом в ближайшие несколько лет. Ну вот, дитя, завтра в десять утра будь в церковной молельне, да не опаздывай.

На следующее утро Кэтрин пришла туда в легком трепете, боясь, как бы уроки не оказались слишком сложными для нее. Она расстроилась, узнав, что ее наставником был назначен мастер Чембер, молодой писарь с отстраненными манерами, который совсем не умел находить общий язык с ребенком, особенно с девочкой, и не хотел этим себя утруждать. Под его бдительным оком Кэтрин монотонно трудилась, однако особых успехов не показывала. Она кое-как выучила алфавит, но вместе буквы у нее никак не складывались.

– К-О-Т, – в который уже раз повторил мастер Чембер. – Напишите «кот»!

– Т-О-К, – старательно вывела Кэтрин. Получилось неаккуратно, даже на ее взгляд.

Наставник раздраженно вздохнул:

– На сегодня достаточно, продолжим завтра.

С учителем танцев дело шло куда как лучше. Он сказал, что она обладает природной грацией, и запомнить движения *паваны*, *бас* и *пассамеццо* ей не составило труда. Кэтрин любила эти занятия, ей нравились мелодии, которые исполняли для нее на лютне и *шалмехах*¹⁰ музыканты герцогини, и было приятно очевидное восхищение тех, кто приходил посмотреть на нее.

Когда Кэтрин не занималась уроками и не присоединялась к шумным играм в саду, она грустила. Малин Тилни оставалась дружелюбной, да и Джоан Балмер тоже, хотя в ней таилась какая-то загадка: Кэтрин слышала, как одна из девушек говорила, что Джоан бросила своего мужа, чтобы служить герцогине, и никто не знает почему. Однако, хотя юные леди иногда играли с Кэтрин и спрашивали, как у нее дела, у них были свои заботы и интересы, далеко не детские. Большинство камеристок почти не обращали на нее внимания. Она часто слышала звуки веселья из-за двери, ведущей в их покой, но ее туда никогда не приглашали.

Кэтрин оставалась здесь чужой, одинокой. Матушка Эммет была добра, но слишком занята своими многочисленными обязанностями: казалось, все юные леди считали ее своей служанкой и обращались с ней так, будто полагали, что она обязана бросаться к ним по первому зову. Няня не пренебрегала Кэтрин – следила, чтобы у девочки было чистое белье, поправляла ее манеры и каждый вечер в положенное время укладывала спать, но ни на что другое у нее просто не хватало времени.

За трапезами камеристки обычно вели разговор поверх головы Кэтрин, однако девочка много чего слышала про Анну Болейн, которая продолжала верховодить при дворе, и король по-прежнему был без ума от нее. Обсуждалось и произошедшее летом удаление от двора королевы Екатерины; молодые дамы собирались даже делать ставки на то, что король скоро женится на Анне. Лишь некоторые смотрели на все это неодобрительно. Кэтрин понимала: ей нужно радоваться, что ее кузина станет королевой, ведь это будет триумфом Говардов, но она жалела бедную королеву Екатерину и однажды услышала о леди Анне нечто такое, что насторожило ее.

Они обедали в зале, ели жареное мясо и жадно обсуждали Великое дело короля, связанное с его браком, когда Джоан Балмер упомянула, что Анна держится новой веры.

Новой веры? Кэтрин понятия не имела, что это значит. Она вызубрила катехизис, ее научили произносить молитвы, ходить на мессы, исповедоваться в грехах, почитать папу римского и превыше всего любить Бога.

– Что такое новая вера? – спросила Кэтрин.

¹⁰ *Шалмей* – духовой музыкальный инструмент типа гобоя, известен в Европе с XII в.

– Это значит, Анна – последовательница Мартина Лютера, – осуждающе проговорила Джоан Балмер, чем ничуть не прояснила ситуацию, ведь о Мартине Лютере Кэтрин никогда не слышала. – Они отрицают большую часть таинств Церкви и больше всего полагаются на проповеди.

Малин пришла на выручку Кэтрин:

– Таинства – это крещение, конфирмация, месса, епитимья, миропомазание болящих, рукоположение в сан и брак. Мартин Лютер отвергает их все, кроме крещения и мессы. Он также высказывался против злоупотреблений в Церкви и, несмотря на то что сам монах, взял в жены монашку. Вот почему Церковь очень недовольна им.

– Так он же грешник! – вскрикнула потрясенная Кэтрин и повернулась к Джоан. – Леди Анна тоже отвергает таинства?

– Мы точно не знаем, – быстро проговорила Малин, накалывая на нож еще кусок мяса. – Говорят, она горячая сторонница реформы Церкви.

Кэтрин была озадачена. Церкви, в которые она ходила, и священники, которых встречала, были в полном порядке и не нуждались ни в каких переделках.

– Почему? – спросила она.

– Много же у тебя вопросов, – заметила Джоан.

Малин проявила больше терпения:

– Есть плохие священники, которые продают искупление грехов за деньги, и многие духовные лица очень богаты, хотя наш Господь был простым плотником. Некоторые люди думают, что им нужно следовать Его примеру.

Это звучало разумно, и Кэтрин кивнула, немного успокоившись насчет своей кузины Анны.

– Надеюсь, леди Анна станет королевой, – сказала она.

Несколько пар глаз повернулись в ее сторону, причем не все смотрели дружелюбно. Кэтрин потеряла почву под ногами, она никого не хотела обидеть, и тем не менее за высказанное мнение ее безмолвно порицали! Но ведь, в конце концов, Анна – ее кузина. Кэтрин могла поспорить, никто из сидевших здесь не был с ней в таком близком родстве, как она.

Оставшуюся часть трапезы никто не обращал на девочку внимания, и она, как случилось нередко, почувствовала себя такой несчастной и одинокой, что начала всхлипывать. У нее уже сложилась репутация плаксы.

– Ради всего святого, мистресс Кэтрин, взбодрись! – укорила ее Дороти. – Мы все оставили семьи, чтобы приехать сюда, но разве ты видела кого-нибудь из нас в слезах или с угрюмым лицом? Мы знаем, что находимся здесь для собственного блага.

– Некоторые из нас не были так юны, как Кэтрин, когда прибыли сюда, – напомнила ей Маргарет Беннет, одна из замужних камеристок герцогини. Супруг ее служил грумом в покоях миледи, и Беннеты казались счастливой парой. У Маргарет были такие светлые волосы, что на лице не было видно бровей, а потому ее точно никто не видел хмурой. По натуре она была тиха, непритязательна и добра. – Вам, леди, не стоит забывать, что девочка скучает по отцу и матери. Кэтрин, тоска по дому пройдет, поверь мне.

В тот момент бедняжка чувствовала себя настолько плохо, что не могла такого представить. Она обрадовалась, когда Малин и еще одна леди, Мег Мортон, предложили научить ее игре в шахматы.

Глава 5

1533 ГОД

В феврале Кэтрин исполнилось двенадцать. Она провела в Норфолк-Хаусе уже почти два года, и Маргарет Беннет оказалась права: тоска по дому исчезла. Постепенно девочка привыкла к суете и обычаям двора герцогини, и воспоминания о раннем детстве потускнели. Отец и Маргарет до сих пор находились в Кале, а вот Чарльз, Генри и Джордж иногда навещали сестрицу. По Изабель Кэтрин теперь тоже не так сильно скучала. Ее сводная сестра жила в Уилтшире, погруженная в заботы о своих приемных детях. Она продолжала писать Кэтрин и интересоваться ее судьбой, но все же казалось, Изабель принадлежит какому-то другому миру.

Со временем Кэтрин начала нравиться ее новая жизнь здесь. Молодые дамы потеплели к ней, а у служивших бабушке мужчин, которые управляли двором и обычно проявляли суровую холодность в отношении к обретавшимся при нем юным леди, Кэтрин вообще стала любимцей; даже старый сварливый привратник относился к ней с симпатией. Джентльмены и грумы из покоев вдовствующей герцогини обожали ее внучку, так же как родственники и прочие домочадцы, которые, как и сама Кэтрин, зависели от старой леди, дававшей им стол и кров, и уповали на ее помощь и содействие. Время от времени герцогиня вызывала Кэтрин к себе и спрашивала, как у нее идут дела, не забывает ли она молиться и усердно ли занимается на уроках. Ответ на последний вопрос, естественно, был «нет», но Кэтрин всегда честно говорила, что у нее все хорошо получается на танцах и она старается изо всех сил на чтении и французском. Получив такой отчет, бабушка как будто забывала о ней до следующего раза.

Хотя в день рождения внучки герцогиня послала за ней.

– У меня для тебя есть подарок, – сказала она, сидя с прямой спиной в своем высоком кресле и протягивая Кэтрин небольшой бархатный кошелек, внутри которого лежало маленькое золотое распятие на цепочке. – Когда будешь носить его, думай о страданиях нашего Господа, – наставительно проговорила бабушка. – Мне сказали, ты своенравна, легкомысленна, любишь удовольствия и недостаточно благочестива.

Кэтрин побледнела. Разве это плохо, если у нее обычно хорошее настроение, она любит посмеяться с другими девушками и равнодушна к красивым платьям? Что с того, что она неохотно выполняет задания, которые ей не по вкусу? Ну не любит она подшивать подолы, ставить заплатки и помогать на винокурне, то есть заниматься тем, что матушка Эммет считает подходящими делами для юной леди! И неужели Господь в самом деле сильно огорчается, если ее нет в церкви в положенное время?

– За этим нужно последить, – продолжила герцогиня. – Мы не можем в этой жизни заниматься только тем, что нам нравится. Ты должна исправиться.

– Да, миледи, – пробормотала Кэтрин; щеки у нее покраснели от стыда.

– Но у тебя доброе сердце, – добавила старая леди и улыбнулась. – Это важнее, чем многие другие вещи.

Позже тем же утром Кэтрин невероятно ободрилась, когда в ее комнату влетела Дороти Бервик.

– Мистресс Кэтрин, мы говорили о тебе и решили, что ты теперь вошла в брачный возраст и достаточно повзрослела, а значит, можешь присоединиться к нам в покое камеристок, если желаешь. Вообще-то, мы считаем, что ты становишься очень миловидной и будешь привлекать много поклонников.

От такой неожиданной похвалы Кэтрин залилась краской. Она знала, не заносясь в самомнении, что хороша собой: зеркало говорило ей об этом каждый день. У нее был говардовский нос, но лицо округлое и приятное, голубые глаза с тяжелыми веками, пухлые розовые губы, а волосы струились по спине переливчатой темно-рыжей накидкой. И она взрослела, это правда.

Под зашнурованным бархатным лифом проступали выпуклости грудей, и два месяца назад у нее появилось то, что матушка Эммет называла «красным цветом»: кровавистые выделения, которые будут появляться каждый месяц, пока она не выйдет из детородного возраста. Кэтрин старательно отработывала танцевальные движения и училась держать осанку; она теперь выглядела представительной, как взрослая женщина. Вот только бы ей еще немного подрасти!

Девушка затрепетала от восторга при мысли, что будет допущена в общую спальню камеристок, поскольку давно уже мечтала присоединиться к их шаловливой компании и участвовать в общем веселье, звуки которого часто слышала из-за закрытой двери. Обрадовали ее и слова матушки Эммет, что она может пользоваться отдельной комнатой и уединяться в ней, когда ей этого захочется; такая привилегия была доступна только дочери Говардов.

Но сегодня она останется на ночь в общей спальне и разделит веселье с другими камеристками! Прихватив с собой ночную рубашку и халат, Кэтрин, взбудораженная радостными ожиданиями, торопливо засеменила вслед за Доротой по галерее.

Она вошла в продолговатую комнату с высоким потолком на деревянных балках, побеленными стенами и ажурными решетками на окнах. Тут стоял десяток больших кроватей под балдахинами с подвязанными к стойкам занавесками, а посередине помещался длинный стол на козлах. Некоторые кровати были неопрятно завалены одеждой, а другие оставались не застланными. В комнате находилась всего одна молодая женщина: одетая в тонкую сорочку, она копалась в сундуке.

– Поторопись, Марджери, ты опоздаешь на обед, – поддразнила ее Дороти.

Кэтрин сморщила нос. Воздух в спальне был затхлый, тут разило потом, немытыми ногами и неопорожненными ночными горшками.

– Я знаю, тут дурно пахнет. – Дороти вздохнула. – Горничные, как обычно, припозднились. Они должны поддерживать в комнате порядок и проветривать ее. Не беспокойся, они все сделают чуть позже и приготовят для тебя постель. Я открою окно. Тебе, может быть, придется спать с кем-нибудь, – продолжила она, указывая на кровать в углу. – Это зависит от того, кто где ляжет. Мы часто спим вместе. Нас тут больше, чем кроватей.

Марджери взглянула на нее и засмеялась.

В тот вечер матушка Эммет, как обычно, заперла на ночь девичью спальню, и камеристки оказали Кэтрин весьма теплый прием. Их было человек четырнадцать, все родственницы или иждивенки герцогини; одни надеялись найти себе супругов, другие просто радовались возможности жить под крышей благородного дома. Замужние дамы вдовствующей герцогини, вроде Малин Тилни, делили спальни со своими благоверными, но Маргарет Беннет предпочитала ночевать в общей спальне девушек, так как здесь было удобнее, чем в камерке, где, как она выражалась, дрых ее мужик. Кэтрин уже приятельствовала с некоторыми камеристками и замечала, что они слегка благоговеют перед ней из-за ее близкого родства с герцогиней; для них она всегда оставалась мистресс Кэтрин, хотя друг к другу они обращались просто по именам.

Болтовня и смех не умолкали допоздна; в такое время Кэтрин обычно уже давно лежала в постели. Никто не говорил ей, что пора укладываться, и она сидела за столом вместе со всеми. Удивительно, но ближе к полуночи некоторые девушки встали и принялись заменять огарки свечей в подсвечниках, а маленькая круглолицая Элис Уилкс открыла буфет и извлекла оттуда тарелку, накрытую салфеткой, под которой обнаружился кусок ветчины.

– Стянула с кухни! – объявила она, и все захихикали.

Кто-то расстелил скатерть, пока остальные доставали из буфета тарелки, ножи, стаканы, высокий пирог с начинкой и миску с фруктами. Потом Дороти поставила на стол кувшин вина, и пир начался.

– Налетайте, леди! – воскликнула Элис. – Вы тоже, мистресс Кэтрин.

Все стали наполнять свои тарелки. Угощение было очень вкусное; запретный плод, как известно, особенно сладок.

Но это был не единственный сюрприз для Кэтрин.

– У кого ключ? – спросила Мег Мортон.

– Вот! – триумфально провозгласила Элис, поднимая его вверх, надетый головкой на палец. – Старуха Агнес велит приносить ключ от нашей спальни на ночь в свои покои, но у нее в уборной на крючке висит запасной, и тем из нас, кто помогает ей укладываться спать, легко позаимствовать его. Мы всегда возвращаем ключ на место, пока не наступит утро, и старуха ни разу не заметила, что он исчезал на время. Она храпит как бык!

Кэтрин не смогла удержаться от смеха:

– Но зачем вы хотите покинуть спальню?

– Мы не собираемся никуда уходить, – хмыкнув, сказала Кэт Тилни. – У нас будут гости!

– Они уже здесь! – выпалила Дороти, заслышав тихий стук в дверь.

Кэтрин в изумлении взирала на то, как в комнату вошла группа молодых мужчин. Она знала их всех: шутник мистер Уолдгрейв, коротышка весельчак мистер Дэмпорт, мистер Эшби, мистер Фейвер, а также муж Маргарет, мистер Беннет; все они служили на разных должностях в покоях герцогини. Последним появился мистер Монсей, красивый дюжий церемониймейстер.

– Они пришли к нам пировать, – объяснила Мэри Ласселлс.

Из всех женщин в спальне она нравилась Кэтрин меньше всех. Раньше Мэри нянчилась с внучкой герцогини, одной из дочерей лорда Уильяма, но та подросла, и бывшей воспитательнице нашли место при дворе старухи Агнес.

– Мистресс Кэтрин! – улыбнулся Дэмпорт. – Как приятно видеть вас здесь. Вы теперь настоящая юная леди. Не хотите ли яблоко? – И он изящным жестом протянул ей плод.

– Спасибо, сэр! – отозвалась Кэтрин и сделала быстрый реверанс, подхватывая общее игривое настроение.

Скоро все уже сидели на кроватях, ели, пили и смеялись; разговоры то и дело прерывались чьим-нибудь шиканьем:

– Ш-ш-ш! Нас услышат!

Подмигнув Кэтрин, мистер Уолдгрейв вынул еще одну бутылку вина. Выпивка быстро ударила в голову Кэтрин. Встав, чтобы отрезать себе еще кусок ветчины, она почувствовала, как мир у нее под ногами закачался. Дороти со смехом помогла Кэтрин добраться до постели, на которую она повалилась, не раздеваясь, и закрыла глаза.

– Пусть сегодня поспит одна, – услышала Кэтрин слова Дороти.

– Это ненадолго, – хохотнув, произнес кто-то другой.

Кэтрин слышала звуки какой-то возни и приглушенное хихиканье, а позже, когда пришла в себя и открыла глаза, смутно различила в лившемся из окна лунном свете фигуры людей, лежавших в обнимку на некоторых кроватях: они даже не позаботились задернуть занавески. Некоторые вздыхали или стонали, как от боли; другие сдавленно смеялись. В теории Кэтрин уже знала, что такое «зверь о двух спинах», но не сразу соединила это свое знание с тем, что происходило в спальне. Кто-то из мужчин встал и совершенно спокойно прошел мимо нее в уборную в чем мать родила, и тут у Кэтрин в голове все сошлось.

Она отвернулась к стене и лежала не шевелясь, щеки у нее пылали, сердце бешено колотилось. Как они могут заниматься такими постыдными вещами?

Матушка Эммет и герцогиня наверняка понятия не имели, что тут творится, иначе быстро положили бы этому конец. Невозможно было представить, что Малин Тилни тоже известно о ночных проделках камеристок. Но – Кэтрин обшаривала взглядом залитую лунным светом комнату – Дороти, Кэт, Элис, Мег, Джоан и Дотти... Они все занимались этим, не обращая внимания ни друг на друга, ни на Кэтрин. И Маргарет тоже, судя по звукам, доно-

сившимся из-за занавесок ее постели. Только Мэри лежала одна, не задвинув штор. Но что делали остальные, легшие в постели и задернувшие шторы? У них что, нет ушей? Неужели не слышат, что происходит? Это просто невероятно!

Кэтрин сказала себе, что девушки просто веселятся, и то, чем они занимаются, никому не вредит. Она будет лежать тихо и помалкивать. Этот вечер стал самым важным в ее жизни: Кэтрин чувствовала себя принятой в общество старших. Зачем портить его? Матушка Эммет не раз говорила ей, что благородные юные леди не компрометируют свою добродетель, если надеются удачно выйти замуж. Пусть другие пренебрегают заветами этой почтенной дамы, она, Кэтрин, не станет участвовать в постельных шалостях, но с удовольствием разделит общее веселье. Кто она такая, чтобы выдавать своих подруг? И к чему ей терять только что обретенный рай?

– Ты видела нас, – играя ямочками на щеках, сказала ей утром Дороти. – Надеюсь, мы можем рассчитывать на твое умение хранить тайны.

– Конечно, – заверила ее Кэтрин. – Я прекрасно провела время. У вас часто бывают такие пирушки?

– Так часто, как только удастся их устроить, – с улыбкой ответила Элис. – По крайней мере раз или два в неделю, если исхитримся натаскать с кухни еды и напитков. Там не очень-то за этим следят. И ничего не замечают. Мы даем друг другу знать, когда готовы. Юные джентльмены охотно приходят к нам при первой же возможности. Но это должно оставаться в секрете.

– Я никому не скажу, – пообещала Кэтрин.

– Хорошая девочка. – Элис засияла улыбкой. – Однажды и у тебя появятся обожатели.

После этого Кэтрин большую часть ночей проводила в общей спальне, охотно участвовала в пирушках и всяческих забавах, но всегда ложилась в постель до того, как ее товарки приступали к менее невинным развлечениям. Иногда она не могла удержаться и подсматривала за ними, потому что производимые парочками звуки не давали ей уснуть, да и вообще было любопытно. Вскоре для нее не осталось никаких секретов в том, что касается любовных утех. Она видела все в подробностях.

Однажды солнечным апрельским днем, когда все деревья уже стояли в цвету, камергер герцогини собрал всех придворных в холле и объявил, что леди Анну Болейн провозгласили королевой. Раздались аплодисменты, омрачились лишь немногие лица, ведь о близком родстве герцогини с леди Анной всем было хорошо известно.

Как только их пустили, камеристки принялись возбужденно обсуждать новость. Нахальная Мег Мортон бросила завистливый взгляд на Кэтрин:

– Могу поспорить, ты скоро станешь фрейлиной!

– Правда?

Такая мысль не приходила Кэтрин в голову, хотя она знала, что Говардов ждут милости, если Анна станет королевой. Но едва ли это коснется отца. В редких приходивших от него письмах, которые кто-нибудь читал Кэтрин по ее просьбе, лорд Эдмунд жаловался, что так и не выбился из долгов. Он обращался к мастеру Кромвелю, чтобы тот попросил короля о помощи, но король отказал.

«Я не в состоянии отплатить мастеру Кромвелю за его доброту, – писал отец. – Хотя у меня много родни, мало кто относится ко мне по-дружески, и я столько невзгод претерпел от этого мира, что хорошо понимаю, какое великое сокровище – настоящая дружба». К стыду Кэтрин, о финансовой несостоятельности ее отца в Ламбете прекрасно знали. Ей не хотелось вызывать в людях жалость из-за того, что у нее такой никудышный родитель.

Когда Кэтрин узнала о выпавшей герцогине чести нести шлейф королевы Анны во время коронации, то размечталась, что и ее тоже пригласят участвовать в церемонии, однако мистер Уолдгрейв объяснил: прислуживать королеве допускается только дамам из ближайшего окружения и женам пэров. Во время последней встречи герцогиня тоже высказывала надежду, что Кэтрин позовут ко двору королевы Анны. Сама Кэтрин молилась, чтобы бабушка выхлопотала ей место там, но время шло, и вскоре молва донесла, что слуг для королевы уже отобрали.

Смягчило горечь неоправдавшихся надежд лишь известие о великолепном параде лодок, который устроят на Темзе, когда Анна будет переправляться вверх по реке из Гринвича в Тауэр, перед тем как состоится ее торжественный въезд в Лондон накануне коронации. Кэтрин поедет смотреть на это с компанией молодых леди и камеристок.

В тот день ослепительно сияло солнце; был конец мая. Сидя на самой смиренной кобыле, какую только смогли отыскать на конюшне, Кэтрин ехала между Малин и Дороти через Саутуарк, мимо Лондонского моста в Бермондси. В сопровождении своих друзей – придворных джентльменов – девушки влились в толпу людей, собравшихся на берегу Темзы напротив Тауэра. Им удалось пробраться к самой кромке воды, и Кэтрин как самую маленькую ростом выдвинули вперед, чтобы она видела все. Берег был сырой, и очень быстро добротные кожаные туфли Кэтрин промокли, но девушка была слишком взволнована, чтобы переживать из-за такой мелочи.

Ждать пришлось целую вечность. Никто точно не знал, к какому времени королева должна прибыть в Тауэр. Между плотно стоявшими людьми с трудом проталкивались уличные торговцы. Мистер Уолдгрейв и мистер Дэмпорт купили для всей компании горячих булок и эля, так как было ясно, что ужин они пропустят. Наконец, часам к пяти вечера, на реке появилась вереница разных судов. Что это было за зрелище! Множество пестро украшенных барок, почти на всех сидели менестрели и играли прекрасную музыку; и лодки с живыми картинами – ужасными чудовищами и каким-то безумным человеком, изрыгавшим изо рта огонь. Увидев его, Кэтрин и еще несколько юных леди завизжали. Но вот показалась барка королевы: она торжественно шла по Темзе, украшенная парчой и геральдическими знаменами. Промелькнула мимо и сама Анна – темноволосая красавица в сверкавшем на солнце платье. Когда судно приблизилось к Тауэру, затрубили фанфары и раздался оглушительный пушечный залп. Кэтрин сумела углядеть, как королева сошла на пристань; там ее встретил какой-то важный джентльмен, после чего она сразу скрылась в крепости.

Толпа рассеялась. Кэтрин и ее приятели охрипли от приветственных криков, однако от нее не укрылось, что многие люди стояли молча и как будто не одобряли происходящее. Это стало единственным темным пятном на вечере, в остальном безупречном, а в довершение всего, когда они вернулись в Ламбет, то обнаружили, что их ждет устроенный по такому случаю банкет. Кэтрин проглотила кучу разных сладостей и конфет, а мистер Дэмпорт принес ей кубок вина. Спать она легла в своей комнате с кружащейся от выпивки и пережитых впечатлений головой.

Через три дня Кэтрин находилась среди толпы, собравшейся в холле провожать герцогиню на коронацию. Бабушка явилась во всем великолепии – с золотым венцом на голове и в отороченной горностаем алой бархатной мантии; прошла мимо придворных в сопровождении полчища слуг и множества лордов и леди, прибывших в Ламбет и разместившихся в доме. Кэтрин, вставая на цыпочки и вытягивая шею за спинами людей, успела разглядеть, как герцогиня залезла в золоченую карету и уехала.

Вернулась она поздно вечером, после коронационного банкета, уселась на трон в главном зале и рассказала жадно внимавшим каждому ее слову придворным, как королева проследовала в Вестминстерское аббатство в роскошном наряде, с распущенными волосами, которые ниспадали ей на плечи и спину из-под дорогого венца и сеточки, унизанной жемчугом и драгоценными камнями. Шлейф ее платья был такой длинный, что герцогиня не могла нести его

одна, поэтому сэр Эдвард Бейнтон, муж Изабель, новый камергер двора Анны, поддерживал его посредине. Кэтрин пришла в восторг, узнав о продвижении по службе сэра Эдварда; она обрадовалась за Изабель. Ее сводная сестра теперь, видно, стала очень знатной дамой!

Герцогиня поведала им, как следом за королевой Анной шествовала огромная процессия из лордов и леди, одетых в алые накидки. Как королева села на роскошный трон, установленный на высоком помосте перед главным алтарем, и архиепископ Кранмер возложил ей на голову корону Святого Эдуарда, дал в правую руку золотой скипетр, а в левую – жезл из слоновой кости с навершием в виде голубя.

– Кое-кто из вас наверняка понимает смысл всего этого, – сказала миледи. – А для тех, кто не понимает, объясню: использование короны Святого Эдуарда означает, что леди Анна коронована как правящая королева, а не просто как консорт – супруга короля. Это высочайшая честь для представительницы рода Говардов и подтверждение того, как сильно любит и почитает король свою королеву.

– Пусть с Божьей помощью она родит ему сына, – тихо проговорил за спиной у Кэтрин какой-то мужчина.

– Вполне очевидно, почему ему пришлось жениться на ней, – буркнула в ответ некая дама. – Подумать только, явилась на коронацию с пузом и распущенными, как у девы, волосами!

Кэтрин повернулась и хмуро глянула на Долли Доуби, камеристку, вечно ходившую с кислым лицом, и мистера Данна, хранителя винного погреба.

– Молите Господа, чтобы родился принц! – с укоризной в голосе сказала она.

Какой восторг, если на троне окажется король – Говард по крови! При дворе герцогини уже делали ставки на пол еще не рожденного ребенка, и молодые леди припрятавали вино, чтобы отпраздновать рождение наследника. Это будет принц, должен быть!

Родилась девочка. Все, казалось, повесили носы от разочарования, когда в сентябре пришла эта новость. Кэтрин легко могла представить, как раздосадован король. Каждый мужчина хочет иметь сына, а у повелителя Англии такового нет.

– Его величеству обязательно нужен наследник, – сказал мистер Уолдгрейв во время следующего полуночного бдения в спальне камеристок. – Есть так много претендентов на трон, что в случае смерти его величества может вспыхнуть гражданская война.

– Ш-ш-ш! – прошипела Дороти. – Нельзя говорить о смерти короля!

– Никто не донесет на меня, – возразил Уолдгрейв и, усмехаясь, оглядел комнату.

– А принцесса не может наследовать трон? – спросила Кэтрин.

– Нет, она девушка. Это неестественно, если женщина станет управлять мужчинами, – сказал Роберт Дэмпорт и пригнул голову, потому что Элис Уилкс вознамерилась надрать ему уши.

– Женщины ничуть не менее способны править, чем мужчины! – прошипела она.

– Хотел бы я посмотреть, как вы поведете в бой армию, – насмешливо бросил Роберт.

– А про Жанну д'Арк вы не слышали? – скривив губы, парировала Элис.

– Если бы королева родила сына, мы бы сейчас пировали, – вздохнув, произнесла Кэт Тилни.

– А кому нужен повод? – спросил мистер Эшби. – Роберт, несите вино. Утопим в нем свою печаль.

Единственным утешением стало то, что герцогиню пригласили быть крестной матерью принцессы.

Запланированные турниры отменили. Тем не менее по приказу короля в церквах пропели «Te Deum», в том числе в капелле Ламбета, в благодарность за успешное разрешение королевы

от бремени, и крещение младенца было проведено с большой пышностью. Вернувшись домой после совершения обряда, герцогиня сказала собравшимся слугам, что лично несла принцессу Елизавету на руках в церковь монастыря францисканцев в Гринвиче.

– Ее завернули в пурпурную мантию с длинным шлейфом, подбитую мехом горностая, и над нами несли балдахин, впереди шли герольды, а по бокам от меня – милорды Норфолк и Саффолк. Девочка прекрасная, очень спокойная, хотя такая кроха, с рыжими волосиками, как у его величества, и отличными легкими, когда ей вздумается продемонстрировать, на что она способна. Разумеется, малышка орала во весь голос, когда архиепископ опустил ее в купель. После этого я видела короля. Он умело скрывает разочарование. Говорит, в следующий раз точно будет сын. Можно только восхищаться его выдержкой. Он ждет сына с момента женитьбы на леди Екатерине, а случилось это в тысяча пятьсот девятом году. Мы все должны надеяться, что королева Анна скоро снова затяжелеет.

Глава 6

1536 ГОД

Все попытки герцогини получить для Кэтрин место фрейлины при королеве или принцессе закончились неудачей. Кэтрин не сомневалась: это оттого, что король недоволен ее отцом. Письма лорда Эдмунда были полны жалоб. В этом году он не получил от короля нового подарка; его милость прислал в Кале инспекторов для проверки, не ведется ли там контрабандный вывоз товаров, а за это как раз отвечал отец. Очевидно, лорд Эдмунд проявлял нерадивость на службе. Он беспрерывно был вовлечен то в один мелкий судебный процесс, то в другой и никак не мог расплатиться с долгами.

Когда навестить Кэтрин пришли братья, они сказали ей, что отец снова искал помощи мастера Кромвеля, надеясь как-нибудь вернуть себе доверие короля.

– Кажется, он считает, что господин секретарь решит все его проблемы одним махом, – сказал Чарльз.

Остальные невесело усмехнулись. Кэтрин задумалась: как справляется со всем этим ее мачеха и как поступила бы в такой ситуации Изабель? Она вздохнула. Похоже, отец никогда не погасит долги, он способен только наживать все новые и новые проблемы.

Но потом случилось нечто такое, отчего все эти огорчения показались совершенно ничего не значащими.

Однажды ранним вечером в мае молодые леди и джентльмены угощались холодными закусками за столом, установленным в саду под тенистым деревом. Они находились в достаточном уединении, далеко от окон герцогини, а также от пытливых взоров и настороженных ушей посторонних. Кэтрин заметила, что в саду почти никого. На столе стояли курица и салат. Роберт Дэмпорт, который теперь стал для нее просто Робертом, наполнял для Кэтрин кубок вином, как вдруг они услышали отдаленный грохот на реке.

– Что это? – удивилась Кэт Тилни.

– Похоже на выстрел пушки, – сказал Эдвард Уолдгрейв.

– На нас напали враги? – в напускной тревоге спросила Мег Мортон.

– Нет, – откликнулся Уильям Эшби, молодой человек, которому нравилось скрывать свою серьезность за маской паяца. – Это был какой-то взрыв.

– Думаю, это в Тауэре, – предположил Эдвард; он был сведущ в военных делах. – Там всегда стреляют из пушек, когда случается что-то важное, например приезжает король.

Они продолжили трапезу, безмятежно болтая о том о сем, и некоторые молодые люди украдкой срывали поцелуи у своих не сильно упирившихся зазнобушек. Кэтрин задумчиво наблюдала за ними, странно взволнованная. Она была счастлива, да, но неспокойна. Своему решению не ублажать по ночам джентльменов в общей спальне она не изменила, но сознание того, что творится вокруг нее в темноте, и случайно увиденные сексуальные сцены всегда будоражили ее, и она начинала чувствовать себя лишней, оставшейся не у дел. Кэтрин было пятнадцать, а герцогиня до сих пор не устроила ей брак – и никому вообще, если уж на то пошло. Учитель бросил попытки преподавать ей французский и заявил, что не рассчитывает добиться от нее больших успехов в грамоте, что было довольно несправедливо, ведь она могла читать, хотя и с большим трудом, и кое-как писала. Уроки танцев Кэтрин продолжала охотно посещать, а также упорно отрабатывала умение держать осанку. Она обрела грацию, на нее было приятно смотреть, Кэтрин знала это.

Была весна, мир расцветал, и внутри у нее все пело. Какой вред может принести легкий флирт? Несколько поцелуев и невинных ласк? Уже два года приятельницы-камеристки совокуплялись у нее на глазах со своими ухажерами; и ни одной не пришлось пострадать из-

за этого; любовные утехы скрашивали их монотонное существование. Ей что же, всегда оставаться в стороне? С завистью наблюдать за романами и любовными играми, происходящими вокруг нее?

Разумеется, она не хотела рисковать, что покроет себя позором, если вдруг забеременеет вне брака, но прекрасно видела: никто из юных леди не забеременел, что некоторое время озадачивало ее. Кэтрин хотела кого-нибудь спросить, но у нее не хватало смелости. Однако сейчас, сидя рядом с отзывчивой Дороти, она набралась храбрости и, понизив голос, поинтересовалась:

– Дороти, а как так получается, что никто из камеристок не беременеет?

Та вспыхнула и опасливо огляделась, будто проверяла, нет ли в пределах слышимости чужаков.

– Некоторые из нас не идут до конца. Некоторые идут, но есть способы предотвратить зачатие. Я не знаю точно какие, потому что делать так запрещает Церковь. Ты лучше спроси кого-нибудь другого. Джоан должна знать, хотя ты, вероятно, не получишь прямого ответа.

– Что такое? – спросила через стол Джоан Балмер. – Я, кажется, слышала свое имя?

– Мистресс Кэтрин хочет знать, как так получается, что никто из вас не беременеет.

– Думаю, ее бабушке не хотелось бы, чтобы внучка получила ответ на этот вопрос. – Джоан сильно покраснела. – И я ей ничего не скажу.

В разговор вмешалась Элис:

– Думаю, женщина имеет право знать. Мистресс Кэтрин, для этого есть несколько способов. Самый простой – когда мужчина отстраняется прежде, чем изольет свое семя, однако не все они хотят так делать или просто не могут. Прием масел мяты, руты, можжевельника и сока жимолости может помочь, а то попробуйте вставить в ваше медовое место перец, или смоченную в уксусе шерсть, или кое-какие травы. Или же мужчина зачехляет свое орудие в венерину перчатку из кожи ягненка или овечьих кишок. Таким образом вы можете получать свое удовольствие, не беспокоясь, что зачнете бастарда.

– И никто ничего не узнает, – заметила Кэтрин.

– Мистресс Кэтрин, даже не думайте об этом, – наставительно сказала Маргарет Беннет. – Герцогиня ужаснется. Вы более благородных кровей, чем любая из нас, и вам нельзя рисковать, что вас застанут за прелюбодейством.

– Но герцогиня никогда не суется в наши дела, – сказала Кэтрин. – И я не собираюсь ни с кем ложиться в постель. Мне просто любопытно.

Когда они отнесли тарелки и кубки на кухню, то никого там не застали, что было странно.

– Все в главном зале, – сказал вошедший через заднюю дверь привратник. – Есть новости о королеве.

– Проклятье! – выругался Эдвард. – Мы не слышали, чтобы нас звали.

– В сад никогда не приходят созывать людей, не забывают, – сказала Джоан.

Кэтрин и ее компаньоны заторопились в зал, где сидела на троне герцогиня, очень бледная и одетая в черное. Она как раз закончила разговор с придворными, сказав:

– Мы должны подождать дальнейших известий. А теперь можете идти.

Кэтрин схватила за рукав Малин:

– Что случилось?

– Королеву арестовали и поместили в Тауэр.

– О нет! За что? – Кэтрин пришла в ужас; ей стало понятно, почему стреляли пушки.

– Никто точно не знает, но вместе с ней арестованы и несколько джентльменов. Герцог лично взял королеву под стражу.

– Господи Иисусе, что с ней будет?!

– Не представляю, – буркнула Малин.

Кэтрин протиснулась сквозь толпу придворных к своей бабушке, которая вставала, чтобы уйти:

– Миледи! Что сделала королева?

Герцогиня села, наклонилась и прошептала на ухо Кэтрин:

– Герцог сообщил мне, что ее обвиняют в супружеской измене и заговоре с целью убить короля. Никому не говори.

Новость была шокирующая.

– Что с ней сделают?

Герцогиня сглотнула. В тот момент старуха выглядела на все свои шестьдесят лет.

– Она совершила худшее из предательств, потому что прелюбодеяние ставит под сомнение законность наследников престола. Представлять себе в мыслях смерть короля – это уже считается изменой, а тут речь идет о заговоре с целью убийства. Ее казнят.

– Кошмар! – Кэтрин никак не могла свыкнуться с этой мыслью. Любовь короля и королевы была всем известна; неужели она могла изменить своему супругу? Невероятно! – Она не виновна!

– Герцог считает, что виновна, но ему иначе нельзя. Он человек короля и всегда будет ставить долг перед его милостью выше интересов семьи, к тому же они с королевой все время ссорились, так что об утрате им любви к ней говорить не приходится. Сказать по правде, я сама не знаю, есть ли на ней вина. Если да, значит она невероятно глупа.

– Вы можете чем-то помочь ей?

– Помилуй, дитя, я просто бедная вдова. Мое слово ничего не значит при дворе. А теперь иди. У меня ужасно разболелась голова. Мне нужно лечь.

Прошло три недели. Новости в Ламбет приходили от случая к случаю. Пятерых мужчин, обвиненных в прелюбодеянии с королевой, судили в Вестминстер-Холле и приговорили к смерти. Об участии королевы Кэтрин рассказал Чарльз, пришедший повидаться с сестрой: Анну тоже подвергли суду и решили казнить.

– Ее брак с королем расторгнут, – сообщил брат.

Вид он при этом имел весьма удрученный, что вполне соответствовало настроению Кэтрин. Она легко могла представить, какая мрачная атмосфера царит при дворе герцога.

В тот же день несколько молодых людей из числа придворных отправились на Тауэрский холм и стали свидетелями того, как обезглавили любовников королевы.

– Одним был ее брат, – с отвращением проговорил Джон Беннет.

– Они получили по заслугам, – пробормотал Эдвард Уолдгрейв и перекрестился. – Смотреть на это было тяжело. – Его явно тошнило.

Кэтрин не могла представить, каково это, когда тебе отрубают голову. Она гнала от себя всякую мысль об этом, настолько велик был ее ужас. И вот через день или два ее собственной кузине, королеве Англии предстояло принять такую страшную смерть. Отделаться от этих дум не удавалось, и Кэтрин целый час провела в молельне, упрашивая Господа, чтобы Тот подвиг короля смягчиться или, если это невозможно, придал Анне силы духа и стойкости, чтобы достойно встретить свой конец.

Через два дня, в девять утра Кэтрин сидела в общей спальне и чинила сорочку. Компанию ей составляла одна только горничная Иззи. Вдруг снова ударила пушка. Девушки замерли и испуганно переглянулись.

– Королева... – прошептала Кэтрин.

Сорочка выпала у нее из рук и скользнула на пол; из глаз потекли слезы. Кэтрин горевала не только о королеве Анне, принявшей смерть, но и о Говардах, утративших высокое положение при дворе и в миру, запятнанных преступлениями одной из своих дочерей. Столько вре-

мени Кэтрин радовалась вместе с родными, что на троне королева из рода Говардов, а теперь на смену этой радости пришли стыд и ужас.

Герцогиня распорядилась, чтобы никто не надевал траура. Имя Анны Болейн впредь запрещалось произносить. Ее портрет сняли со стены и сожгли на заднем дворе. Об этой женщине следовало забыть, будто ее и на свете не существовало.

В начале июня герцогиня опять созвала своих придворных.

– Король взял себе новую жену, – объявила она.

Послышалось изумленное аханье.

– А его предыдущая и трех недель не пролежала в могиле, – буркнула Дороти.

– На Пятидесятницу мистресс Джейн Сеймур была объявлена королевой в Гринвиче, – продолжила герцогиня.

«Джейн какая?» – недоумевала Кэтрин. Она никогда не слышала такой фамилии – Сеймур.

– Это одна из фрейлин покойной королевы, полагаю, – сказал стоявший рядом с ней мужчина с каштановыми волосами. Кэтрин его до сих пор не замечала. – Выводы делайте сами, – пробормотал он.

Кэтрин посмотрела на него внимательнее. Ему было лет тридцать, глаза зеленые, по-настоящему зеленые, что удивило ее – как необычно! – и манящие. И еще она заметила пухлые губы.

– Я поняла ваш намек, – сказала Кэтрин и отвернулась, чувствуя на себе его взгляд.

Когда герцогиня отпустила придворных, Кэтрин пошла погулять в сад. Ей никак было не привыкнуть к мысли, что король женился так скоро, и, конечно, было интересно, какая она – новая королева. Заступится ли она за Говардов? Или будет считать их врагами? Возможно ли, что мистресс Сеймур приложила руку к падению прежней королевы?

Пронзительные зеленые глаза продолжали вторгаться в ее мысли. Кэтрин понятия не имела, кто этот мужчина, но он взбудоражил ее фантазию и лишил покоя. Весь день она то и дело возвращалась мыслями к нему, пока не настало время отпереть дверь общей спальни и туда не вошли юные джентльмены.

Эдвард Уолдгрейв кое-что знал о Джейн Сеймур. Когда девушки начали ядовито обсуждать ее, он сказал, что несколько недель назад слышал балладу о ней, которую распевали в таверне.

– Слова были не слишком лестные для нее, – заключил он.

– У меня есть один хороший знакомый при дворе, так вот он утверждает, что она крепка в старой вере и дружит с леди Марией, – сказал Уильям Эшби. – И еще добавил, что она худая как жердь и кожа у нее белее полотна.

– Как это рыцарственно с его стороны! – едко заметила Маргарет Беннет.

– Нет сомнений, за места при ее дворе шла серьезная борьба, – сказала Дороти.

– Ну, я Говард и не стану испытывать судьбу. – Кэтрин скривилась. – Мне, вероятно, суждено остаться здесь навечно и никогда не получить ни места при дворе, ни мужа.

– Я женюсь на вас! – воскликнул Роберт и картинно припал на одно колено.

– Прекратите дурачиться, – упрекнула его Элис. – У вас нет ни пенни за душой. Говарды на вас даже не взглянут.

– А я взгляну, – возразила ей Кэтрин и подмигнула Роберту, – если бабушка позволит. Ну да ладно, не дадите ли вы мне еще одну конфету?

На следующий день герцогиня вызвала Кэтрин в свою гостиную. Вместе с ней там находились зеленоглазый мужчина и еще один, постарше возрастом и с седыми волосами.

– Кэтрин, это мистер Мэнокс. – (Зеленоглазый поклонился.) – А это мистер Барнс, – сказала герцогиня, и Барнс сдержанно улыбнулся. – Я назначила их учить тебя музыке и пению, эти навыки повысят твои шансы в будущем занять место при дворе.

Кэтрин затрепетала при мысли, что мужчина, о котором она так много фантазировала, станет ее учителем. У нее никогда не было своего музыкального инструмента, хотя она иногда пыталась играть на принадлежавших другим камеристкам, и петь она тоже любила. Ей будет приятно учиться музыке у мистера Мэнокса. А вот насчет сдержанного мистера Барнса Кэтрин сомневалась.

Первый урок состоялся на следующий день после обеда. Мистер Мэнокс поставил вёрджинел на стол у открытого окна в маленькой гостиной, и Кэтрин целый час знакомилась с клавишами, тайком поглядывая на учителя и думая, какой же он красавец. По окончании урока мистер Мэнокс ушел, а вместо него явился мистер Барнс, который принялся учить ее, как правильно дышать, чтобы во время пения голос шел из глубины горла.

– Вы все сделали хорошо, – сказал он в своей обычной бесстрастной манере, после чего кивнул и попрощался.

Кэтрин поймала себя на том, что ей нравятся новые занятия. Под руководством мистера Барнса она вскоре запела как соловей, по крайней мере, так он говорил, делая ей комплименты. Учитель пения оказался очень милым и добрым человеком, хотя Кэтрин подозревала, что он льстит ей из-за ее высокого ранга. Но все равно считала, что поет неплохо.

Она быстро запомнила ноты и научилась играть простые мелодии на вёрджинеле под пристальным одобрительно улыбавшегося мистера Мэнокса. Заразившись его страстью к музыке, Кэтрин ощутила в нем что-то дикое, необузданное, отвечавшее ее внутреннему беспокойству, хотя он никогда не переступал границ приличия, всегда оставался корректным и деловитым.

Кэтрин замечала, что ее взгляд невольно снова и снова притягивает лицо учителя, которое с каждым днем становилось все более милым ей. Она испытывала ненасытное любопытство по отношению к своему наставнику, но Мэнокс никогда не упоминал о своей личной жизни. Однажды, когда он уже собрался уходить, закончив урок, Кэтрин спросила, где его дом.

– Моя семья живет в Стритхэме, в двух милях отсюда. У Тилни есть связи здесь, благодаря чему я и попался на глаза герцогине. Я считаю, мне очень повезло в этом. – Мэнокс улыбнулся, и вся комната как будто озарилась светом.

Кэтрин была зачарована. Она и раньше считала его привлекательным, теперь же поняла, что он неотразимо прекрасен.

«Нет! – уговаривала Кэтрин саму себя. – Мистер Мэнокс мне не пара. Он музыкант и гораздо ниже меня по положению».

Приход мистера Барнса обрадовал Кэтрин, так как спас от необходимости отвечать на завуалированный комплимент учителя музыки. Только бы Мэнокс не заметил, с каким восхищением она тарасилась на него. После этого Кэтрин избегала любых посторонних разговоров с ним и старалась полностью сосредоточиться на музыке. Только по ночам, слыша приглушенные стоны уединившихся за занавесками парочек, она вспоминала своего наставника и всякий раз говорила себе, что так низко не опустится.

В июле, когда люди все еще шушукались по поводу королевы Анны и королевы Джейн, двор в Ламбете сотрясли известия об очередном скандале с участием Говардов. Лорд Томас, один из младших сыновей герцогини, был арестован вместе с племянницей самого короля леди Маргарет Дуглас; обоих отправили в Тауэр.

Старуха Агнес погрузилась в печаль. Она села в барку и отправилась к королевскому двору с целью надавить на герцога Норфолка, чтобы тот использовал свое влияние для спасения ее сына, а оставшиеся дома принялись чесать языки.

– Они заключили помолвку без согласия короля, – сказал Чарльз.

Компания юных леди и джентльменов загорала на берегу реки; кроме Чарльза, там были Генри, Джордж, Кэтрин и еще несколько девушек.

– Разве это не измена? – спросила Кэт Тилни.

– Может, и измена, – отозвалась Мег и захрустела яблоком. – Говорят, лорд Томас имел виды на трон, раз уж теперь обе дочери короля объявлены бастардами. Леди Маргарет – дочь родной сестры его милости и может наследовать корону.

Кэтрин имела весьма смутные представления о лорде Томасе. Если он и бывал у ее матери в Ламбете, то не запомнился ей.

– Его тоже казнят?

Чарльз кивнул:

– Говорят, оба они – и он, и леди Маргарет – решением парламента лишены гражданских прав и состояния и приговорены к смерти.

– Как же это? – спросила Кэтрин, думая, какой ужасный выдался год.

– А так. Суда не было. Исход этого дела решил парламент.

– Но это как-то неправильно, – заметила Кэтрин. – Они же должны иметь шанс как-то оправдаться?

– Не спрашивай меня, – сказал Чарльз, мотая головой. – Не я придумываю законы.

– Король не казнит свою племянницу, – вступила в разговор Мег.

– Он казнил свою жену! – напомнила ей Кэтрин.

– Но не свою же родную плоть и кровь?

– Значит, у лорда Томаса надежды мало, – сказала Кэтрин.

Однако король не отправил на эшафот ни леди Маргарет, ни лорда Томаса. Обоих оставили томиться в Тауэре, предположительно, чтобы они поразмыслили о своих проступках. В сложившихся обстоятельствах его величество проявил невероятную мягкость. Кэтрин никогда этого не забудет.

Глава 7

1536–1537 ГОДЫ

Близилось Рождество, а злополучные любовники все еще сидели в Тауэре, однако герцогиня распорядилась, чтобы праздники отмечали с обычной пышностью, и были устроены роскошные торжества. В Двенадцатую ночь всех ждал традиционный пир. Дом был полон веселящихся, нарядно одетых гостей.

Вместе со всеми придворными, чадами и домочадцами герцогини Кэтрин каждый год получала в подарок на Пасху новую одежду, но, как правило, это были вещи повседневные, ноские, из добротной черной ткани, чтобы служили долго. Однажды, роясь на чердаке – настоящей сокровищнице для тех, кто не поленился забраться сюда и покопаться в горах скопившегося здесь за долгие годы барахла, – Кэтрин случайно наткнулась на сундук со старой одеждой. На самом дне его лежало старомодное платье из потертого красного бархата с высокой талией, узкими рукавами и мягкой струящейся юбкой. Кэтрин достала его, отчистила влажной тряпкой и украсила тем, что ей подарили на Новый год: полученным от Изабель симпатичным розовым кушаком из ленты и серебряной подвеской, присланной отцом и Маргарет. Костюм выглядел очень мило, и Кэтрин получила комплименты от своих компаньенок, юных леди. Вступая в пиршественный зал с распущенными по спине длинными волнистыми волосами, она чувствовала себя королевой.

По заведенному обычаю женщины появлялись с левой стороны отгороженного простенком прохода, а мужчины – с правой. К празднику Двенадцатой ночи испекли огромный торт, каждому гостю при входе в зал подавали кусок. Кэтрин сразу съела свой, надеясь найти внутри вожделенную горошину или фасолину. Обнаружившие в своем куске сюрприз счастливицы становились королем и королевой праздничного вечера. К радости Кэтрин, зубы ее наткнулись на что-то твердое. Это была горошина!

– Она у меня! – крикнула она.

К ней подошли юные кавалеры и, подняв ее себе на плечи, отнесли к главному столу и усадили в кресло герцогини, которое старуха в приличествующем настроению вечера игривом духе с поклоном освободила. Другая группа молодых людей плюхнула кого-то в соседнее кресло. Это был мистер Мэнокс, который нашел в своем куске торта фасолину и был объявлен королем. Он улыбнулся Кэтрин, и щеки у нее запылали.

Она знала, чего от них ждут. Слово названных королем и королевой было законом на этот вечер, и все должны были исполнять любые их приказания. Они будут заводить пение, танцы и игры. Кэтрин не могла поверить своему счастью и с улыбкой повернулась к мистеру Мэноксу.

– Помните, мистресс Кэтрин, никаких правил нет, – сказал он.

Их окружили ожидающие приказаний гости. Король и королева встали.

– Чего бы нам попросить? – шепнула Кэтрин.

– Я распоряжусь, чтобы каждый джентльмен в зале потребовал у сидящей ближе всего к нему леди фант, – провозгласил Мэнокс, – а если она откажется, то должна поцеловать его трижды в уплату штрафа!

Послышался смех, и все бросились выполнять приказание. Потом мистер Мэнокс заметил вопросительный взгляд сидящей по правую руку от него герцогини.

– Миледи, – сказал он, – я требую, чтобы в качестве фанта вы изобразили дьявола!

Герцогиня усмехнулась.

– Кое-кто сказал бы, что я изо дня в день только этим и занимаюсь! – воскликнула та, а потом начала скрежетать зубами и изрыгать проклятия на всех, кто оказался рядом.

Кэтрин затрясло от едва сдерживаемого смеха.

– А что прикажете вы, мистресс Кэтрин? – спросил Мэнокс.

Она встала и подняла руку:

– Тише! Тише! Я повелеваю, чтобы каждый джентльмен в зале преподнес выбранной леди подарок. Но вы не можете сходить и принести его. Подарком должно быть что-нибудь, находящееся при вас.

Мужчины принялись снимать с себя перстни, кинжалы, даже головные уборы, а потом Кэтрин заметила, что мистер Мэнокс протягивает к ней руку. На его ладони лежало маленькое золотое распятие на цепочке.

– Оно принадлежало моей матери. Я ношу его с тех пор, как она умерла, но теперь хочу, чтобы оно было у вас.

– Я не могу принять это, – ответила Кэтрин, залившись краской; она поняла, что это уже не совсем игра, а скорее демонстрация особой симпатии, и ее очень тронуло, что мистер Мэнокс захотел подарить ей вещь, которой сам явно очень дорожил.

– Сегодня вы должны слушаться меня! – заявил он, и его зеленые глаза засветились теплотой.

– Хорошо, сэр, но я оставляю за собой право завтра вернуть его вам, – сказала Кэтрин. – Несмотря на это, я ценю оказанную мне вами честь.

Мэнокс улыбнулся и вложил крестик ей в руку. От прикосновения его пальцев у Кэтрин по спине побежали мурашки. И вдруг разница в их положении перестала так уж сильно ее волновать.

После пира Мэнокс встал, протянул трепещущей Кэтрин руку и повел ее заводить танцы. И как же они двигались! Начали с величавых паван, потом быстро перешли на буйный бранль. Плясали все, леди подбирали юбки и брыкали ногами. Потом мистер Мэнокс ловко проскользнул сквозь толчею гостей, увлекая за собой Кэтрин прочь из зала, через проход за загородкой, где уже валялась на полу пара-тройка упившихся слуг. Он побежал с ней наверх, в маленькую гостиную, где они занимались. При свете луны, лившемся сквозь узкие сдвоенные оконца, мистер Мэнокс обнял свою ученицу, и она не сопротивлялась. Его губы сомкнулись на ее устах, сперва нежно, потом более страстно, его язык искал путь внутрь. Кэтрин испуганно отшатнулась, но Мэнокс привлек ее к себе, и она ощутила шевеление у него под гюльфиком. Вдруг она его захотела. И не имело значения, кто он. Она никогда еще не видела такого красивого мужчины и не чувствовала столь сильного желания.

Но все же Кэтрин еще не окончательно отбросила прочь рассудительность.

– Погодите! – пробормотала она, освобождаясь. – Вы слишком спешите, сэр!

– Это лишь оттого, что вы очаровали меня, – ответил тот, искательно заглядывая ей в глаза. – Увы, Кэтрин, у меня нет никаких надежд. Я люблю вас. И знаю это уже давно. Я ничего не могу с собой поделать. И кажется, вы тоже испытываете ко мне какие-то чувства.

Разумный голос в голове Кэтрин заглушал голос разгорячившейся крови и убеждал, что это невозможно. Даже если забыть о разнице в ранге, ей ведь известны правила романтической любви, и она знает, что леди не должна с излишней поспешностью уступать требованиям своего возлюбленного.

– Я не уверена в своих чувствах, знаю только, что вы мне очень нравитесь, – сказала Кэтрин. – Но я Говард, а не девка, которую можно тайком завалить в постель.

– Это мне предельно ясно, – с горечью ответил мистер Мэнокс. – Я знаю, что не достоин вас и до сегодняшнего вечера довольствовался тем, что обожал вас издали. Вы не представляете, что делаете со мной, но, поверьте, я удовлетворен поцелуем. Я считаю себя счастливым оттого, что вы снизошли до этого.

Кэтрин была готова услышать нечто подобное. Так обычно реагируют отвергнутые поклонники в любовных историях, где героиня всегда равнодушна и недостижима или может удостоить своего поклонника благосклонным взглядом или нежным прикосновением. Мистер Мэнокс явно понимал это, даже если и позволил себе занестись слишком далеко в порыве чув-

ства. Кэтрин была вынуждена признать, что она тоже, пока не очнулась от наваждения. Слава Богу, он оказался джентльменом и не воспользовался ее минутной слабостью!

Если невозможно даровать ему больше своих милостей, она могла по крайней мере быть с ним обходительной.

– Давайте вернемся, – с улыбкой сказала Кэтрин. – Скоро начнут пить заздравную чашу. – И она побежала впереди Мэнокса вниз по лестнице.

На следующий день Кэтрин задержалась в зале, глядя на осыпавшиеся еловые лапы, которые вчера по окончании праздника слуга снял со стен; они сиротливо лежали на полу. Грустно было думать, что Рождество почти закончилось. Сегодня Богоявление, последняя возможность для веселья. Вечером устроят пир и карнавал; будут есть жареную ягнятину и богоявленский пирог, выпеченный в форме звезды, и она снова наденет свой праздничный наряд.

К ней с улыбкой подошла Маргарет Беннет:

– Вчера вечером ты хорошо провела время с мистером Мэноксом!

Кэтрин почувствовала, что заливается краской. Неужели Маргарет видела, как они улизнули из зала?

– Вечер был чудесный, – отозвалась она.

– Могу поспорить, он в тебя влюблен. – Маргарет захихикала.

– Правда? – спросила Кэтрин и двинулась в сторону кладовой, где стоял сундук с костюмами для маскарада. Она хотела сегодня надеть на голову корону.

– Это же всем видно по тому, как он смотрит на тебя, – ответила Маргарет.

– Он мой учитель музыки! – возразила Кэтрин.

– Он очень красив!

– Прекрати! – Кэтрин захлопнула дверь перед носом Маргарет.

Перебирая вещи в сундуке, она сказала себе, что не сделала ничего дурного и, разумеется, ничего такого, что могло бы пойти в сравнение с забавами других юных леди, обретавшихся при дворе. Конечно, в холодном свете дня Кэтрин ясно видела полную невозможность для дочери Говардов любить своего учителя музыки. И все же не могла забыть тех волшебных мгновений, проведенных в маленькой гостиной.

За обедом другие девушки тоже стали поддразнивать ее за симпатии к мистеру Мэноксу.

– Ты сегодня снова будешь с ним танцевать? – спросила Джоан Балмер.

– Да, думаю, что буду. – Кэтрин улыбнулась. – Он хорошо танцует.

– А еще в чем-нибудь он хорош? – Элис подмигнула ей.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила Кэтрин.

– Не думай, что мы не видели, как вы с ним уединились! – с торжеством проговорила Мег.

– Мы ничего не делали, – упиралась Кэтрин.

– Он целовал тебя?

– По твоему лицу видно, что целовал! – с глумливой улыбкой заметила Джоан.

– Это был невинный флирт, – твердо заявила Кэтрин. – Ничего больше.

После обеда Малин Тилни отвела ее в сторону:

– Я случайно услышала разговор за столом. Кэтрин, Мэнокс – твой учитель музыки и нанят на должность, которая требует особого такта от исполняющего ее человека. Делать авансы своей воспитаннице – это серьезное нарушение оказанного доверия. Герцогиня это не одобрит. Он может потерять место. Прошу тебя, подумай о своей репутации.

Кэтрин топнула ногой:

– Малин, мы просто немного подурачились. Я не понимаю, почему ты и все остальные подняли столько шума из-за этой ерунды.

– Хорошо, – сказала Малин, не утратив, однако, озабоченности. – Просто будь благоразумна.

В тот вечер Кэтрин отыскала Мэнокса и вернула распятие. Он возражал, но она просто вложила крестик ему в руку и ушла.

После Богоявления уроки музыки возобновились, а вот мистер Барнс больше с Кэтрин не занимался: ему поручили обучать Кэт Тилни.

Кэтрин пришлось проводить много времени наедине с Мэноксом. Понимал ли это кто-нибудь, она не знала. Ей уже давно стало ясно, что матушка Эммет настолько небрежно следит за своими воспитанницами, что они могли совершить убийство, а она ничего не заметила бы. Наставница девушек хотела только легкой жизни без всяких ссор и проблем.

Кэтрин сидела за вёрджинелом, чувствуя на себе напряженный взгляд мистера Мэнокса. «А почему бы нет?» – подумала она. Время было как раз подходящее, чтобы немного развлечься, и, конечно, легкий флирт никому не повредит. Кэтрин опустила голову и с лукавой улыбкой искоса взглянула на своего учителя.

Он положил ладони на ее руки и сказал:

– Двенадцатая ночь была прекрасна.

– Да, – согласилась Кэтрин.

– Я говорил тогда всерьез. Я люблю вас. Скажите, что я могу надеяться.

– Надеяться на что?

– Что вы ответите на мою любовь. – Его глаза были как глубокие зеленые омуты – молящие, восхищенные...

Кэтрин засмеялась:

– Мистер Мэнокс, все это совсем ново для меня. Вы должны дать мне время, чтобы разобраться в своих чувствах. Думаю, будет небесполезно провести вместе чуть больше времени.

Она сознательно поощряла его и уже не понимала, хорошо это или плохо. Одно было ясно: ее сильно влечет к этому прекрасному мужчине. Ей хотелось удержать его интерес, и к черту все моральные доводы, все эти правильно – неправильно, к черту! Кэтрин будет делать то, что ей нравится. Никому по большому счету не было дела до ее судьбы, а Изабель, которой она с радостью доверилась бы, была далеко, в Уилтшире; к тому же той теперь не до сестры: нужно заботиться о своем первом ребенке.

– Для меня ничто не может быть лучше проведенного с вами времени, мистресс Кэтрин, – сказал Мэнокс, пожимая ее руку. – Но дайте мне знать, как устроить это.

– После ужина вы можете сыграть со мной в кегли в длинной галерее. – Она улыбнулась.

– Это будет замечательно. А теперь, думаю, нам нужно вернуться к музыке. И прошу вас, зовите меня Гарри.

– Я подумаю об этом, – ответила Кэтрин и глянула на него, изогнув бровь.

Когда Кэтрин появилась в галерее вместе с мистером Мэноксом, там находилось еще несколько человек. Их проводили многозначительными взглядами, и Кэтрин не сомневалась, что, отвернувшись от них, люди эти вполголоса обменялись впечатлениями. Ей было все равно. Не у каждой юной леди есть такой красивый и преданный поклонник.

В последовавшие за этим дни Кэтрин и Гарри, как она теперь его называла, проводили вместе все больше и больше времени. Они гуляли по саду, часами сидели на скамейке у реки, разговаривали, а уроки музыки становились все продолжительнее. Уединившись в маленькой гостиной, учитель и ученица весело болтали, когда последней следовало бы отрабатывать технику игры, но Кэтрин слишком сильно ощущала физическое присутствие рядом Гарри, чтобы сконцентрироваться на музыке. По прошествии совсем недолгого времени они оказывались в объятиях друг друга, не в силах устоять перед желанием близости, и обменивались долгими, томительными поцелуями, после которых не могли отдышаться и жаждали большего. Решимость устоять перед соблазном быстро ослабевала в Кэтрин.

– Я люблю вас, – сказала она, чем подхлестнула горячность Гарри.

За поцелуями последовали ласки, его пальцы блуждали по ее груди и вдоль выреза платья. Ощущение было божественное, и она не запротестовала, когда он пробрался глубже. Прикосновение к соскам вызвало невыносимо приятное ощущение и сопровождалось каким-то слабым трепетом в области пупка. Кэтрин не хотелось останавливать его. Но когда рука Гарри опустилась вниз и стала поднимать юбки, она заартачилась:

– Нет!

– Почему нет? Я хочу видеть вас, любовь моя, и прикоснуться к вам.

– Нет, прошу вас! – Она не готова была позволить ему это. – Пока нет.

Его рука вернулась к ее груди.

Они очень старались вести себя осмотрительно. Казалось, никто не знает их секрета. Кэтрин делала все, чтобы скрыть от юных камеристок отношения с Мэноксом. Герцогиня была слишком погружена в свои великие дела, чтобы заметить, чем занимается ее внученька, а миссис Эммет, как обычно, на все смотрела сквозь пальцы.

О последствиях Кэтрин не задумывалась, ее они просто не волновали. Будь что будет. Главное, что Гарри любил ее. К пасхальным праздникам контролировать свое вожделение стало уж совсем нелегко, и еще труднее – сдерживать порывы Гарри. Тот всегда просил большего.

– Позвольте мне прикоснуться к потайным частям вашего тела! – молил он, страстно целуя ее.

– Нет, – отказывала ему Кэтрин. – Это может завести нас слишком далеко.

Девушки в общей спальне говорили о точке невозврата, за которой мужчина теряет контроль над собой, и Кэтрин боялась доводить Гарри до этой крайности.

– Тогда дайте мне какой-нибудь знак вашей любви! – тяжело дыша, говорил он. – Покажите, как сильно вы меня любите.

– Какой же знак я могу вам дать? Обещаю, я никогда вас не обижу, но вы не можете жениться на мне. Этого никто не позволит.

Гарри был непреклонен.

– Я хочу всего лишь прикоснуться к вам. Кому это может повредить?

У Кэтрин не осталось аргументов. К тому же ей самой очень хотелось ощутить его прикосновения.

– Хорошо.

Он в восторге пожирал ее глазами:

– Вы позволите? Обещаете, что позволите мне?

– Да, – пробормотала Кэтрин, – но не сегодня, скоро ужин. Потом вы уедете навестить родных на воскресенье. А когда вернетесь, сделаете, что хотите, при условии, что большего от меня не потребуете. И нам нужно найти какое-нибудь более укромное место. Эта комната не запирается на ключ.

– Кэтрин, вы для меня источник бесконечной радости! – воскликнул Гарри. – Не могу в полной мере выразить свои чувства и благодарность. Я так люблю вас, моя дорогая!

– Я тоже люблю вас, – выдохнула Кэтрин.

В тот момент она готова была обещать ему всю себя целиком. В конце концов, как предотвратить беременность, ей было известно. Однако Кэтрин боялась, что, дав слишком много, многое потеряет. Говорят же, что мужчины быстро утрачивают интерес к легкой добыче.

Через два дня среди полночной тьмы Кэтрин встретила с Гарри в пустынной галерее. Неся в руке свечу, он тихо провел ее в антикамеру перед часовней герцогини, запер за собою дверь и усадил свою спутницу на деревянную скамью.

– Вы еще хотите сдержать данное мне обещание? – прошептал он.

– Да, – подтвердила Кэтрин. – Трогайте меня!

Ощущение было исключительно приятное. В ту ночь она узнала, что такое настоящее удовольствие. Тут не было ничего постыдного или греховного: это была самая естественная вещь на свете. И когда Гари наклонил голову и поцеловал коричневую родинку на внутренней стороне ее бедра, а потом приступил к делу языком, Кэтрин подумала, что умрет от наслаждения. Волны экстаза накатывали на нее снова и снова. Она будто попала на Небеса. Потом Гарри захотел, чтобы она тоже его потрогала и доставила ему такое же удовольствие. И она держала его в руке, удивляясь, как он разбухает от вожделения, потом излилось семя, и Гарри в экстазе выдохнул. Верный своему слову, он не просил о большем.

Обуянные страстью, они использовали любую возможность остаться вдвоем. Вскоре подружки Кэтрин догадались, что происходит, и стали подшучивать над ней, поминая ее прекрасного поклонника.

– Могу поспорить, вы с мистером Мэноксом играете хорошую музыку! – дразнила ее Элис Уилкс.

– По лицу видно, что ты влюблена, – подключилась Мег.

Кэтрин это даже нравилось. Разговоры о Гарри заставляли трепетать ее сердце; его имя постоянно вертелось у нее на языке. Хорошо, что ее секрет раскрыли. Теперь она чувствовала себя на равных с остальными девушками, которые развлекались с мужчинами в общей спальне. У нее не было причин завидовать им. Они никому ничего не скажут, потому что она знает их тайну.

Молодые камеристки радовались, что Кэтрин наконец нашла себе поклонника, и приставали к ней, чтобы она привела Гарри в общую спальню и он присоединился к их забавам, но Кэтрин не стала этого делать. Происходившее между ними было слишком важным, она не хотела обесценивать их близость, выставив ее на обозрение любопытных глаз.

Кэтрин была влюблена, и мир представал перед ней в розовом свете. Живя в каком-то дурмане, она считала часы до следующей встречи с Гарри. Знала, что его чувства к ней сильны и искренни, и упивалась этим неподдельным обожанием. Никогда еще Кэтрин не чувствовала себя такой особенной!

Слегка портили ей настроение Малин и Мэри Ласселлс, которые, услышав разговоры о ее близости с Гарри, стали выказывать неодобрение. Мэри, вероятно, завидовала, а вот Малин действительно принимала интересы Кэтрин близко к сердцу. Она явно не хотела, чтобы эта история была раскрыта.

– Мистер Мэнокс – очень привлекательный мужчина, но он из числа слуг, Кэтрин, а Говарды не вступают в брак со слугами и не кокетничают с ними. Лучше тебе не связываться с ним. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты пострадала или была задета твоя честь. Для этого хватит и пустяка, ты сама знаешь.

– Не беспокойся обо мне, для этого нет причин, – заверила ее Кэтрин, чувствуя жар на щеках.

Малин посмотрела на нее с сомнением, но больше ничего не сказала. Ее слова встревожили Кэтрин. Нужно проявлять большую осторожность. Не хватало еще, чтобы об увлечении учителем музыки узнала герцогиня. Если это случится, настанет конец всему и для нее самой, и для Гарри: она потеряет все, что делало ее жизнь восхитительной. Такой утраты ей не перенести.

Свидания в маленькой гостиной и кабинете у часовни продолжались. Поцелуи украдкой и смелые ласки доставляли такое удовольствие, что Кэтрин хотелось остановить время и наслаждаться этими моментами близости вечно. Все лето она парила на крыльях любви и светила от счастья.

Однажды теплым августовским днем Кэтрин отыскала в саду пустую каменную скамью в тихом месте и села на нее, чтобы прочесть письмо отца. Оно оказалось на редкость бодрым: лорд Эдмунд сообщал, что его выбрали мэром Кале. Кэтрин очень за него обрадовалась. Целых шесть лет отец и Маргарет пытались прочно обжиться по ту сторону Канала, и, похоже, судьба наконец повернулась к ним лицом.

Вспомнив, какой несчастной она чувствовала себя, когда отец и мачеха оставили ее в Ламбете, Кэтрин улыбнулась. Казалось, это было так давно. Здесь у нее началась настоящая жизнь, и теперь она имела особые причины быть благодарной родным за то, что они пристроили ее ко двору герцогини. И все же ей хотелось большего. Мир манил ее, и Кэтрин стремилась быть его частью. Если говорить начистоту, ей хотелось выйти замуж за Гарри. Они никогда не обсуждали это, как будто оба знали, что на дозволение их брака нет никакой надежды, однако Кэтрин нравилось предаваться фантазиям, в которых она, одетая в роскошное платье, стоит на крыльце церкви и приносит брачные обеты или гордо показывает супругу новорожденного сына. Ей казалось, что жизнь проходит мимо. Она знала многих шестнадцатилетних девушек, которые уже были замужем и обзавелись детьми.

А еще Кэтрин хотелось попасть к большому двору, так как она слышала, что королева ждет ребенка, и каждый, кто усердно служит ей в это время, мог рассчитывать на определенные выгоды для себя, однако продвижение отца по службе произошло слишком поздно.

Теперь при дворе королевы уже не осталось мест, даже если дочери Говардов там были бы рады, и нет смысла размышлять, посмотрит ли теперь король на нее благосклонно. К тому же отъезд ко двору означал бы разлуку с Гарри.

Кэтрин встала и медленно побрела к дому. Скоро подадут обед. А вечером ей нужно добраться до Норфолк-Хауса и показать братьям отцовское письмо.

Холодным октябрьским утром церковные колокола подняли радостный трезвон. Высунувшись из окна общей спальни, Кэтрин услышала, что на других, отдаленных церквях тоже бьют в колокола. Все небо звенело. Она побежала вниз.

– Ты слышала? – возбужденно спросила Малин, схватив Кэтрин за руку, как только та вошла в зал. – Королева родила принца! У нас есть наследник престола! О, какой счастливый день!

Сияющая улыбкой герцогиня стояла на помосте в окружении своих придворных дам и дочерей – графинь Дерби, Оксфорд и Бриджуотер, которые как раз гостили в доме матери.

– Лорд Уильям этим утром сообщил мне радостную новость, – сказала она. – Вечером мы должны устроить пир.

Кэтрин чувствовала, что рядом с ней стоит Гарри.

– Великолепные известия! – воскликнул он. – Это значит, нам больше не грозят распри по поводу наследования престола и гражданская война.

– Вы полагаете, миледи попросят нести принца к купели, как она несла леди Елизавету? Гарри робко улыбнулся:

– Сомневаюсь. Думаю, на этот раз преимущество будет отдано родственникам королевы.

Если герцогиня и чувствовала себя уязвленной, то виду не показала. А когда пришла весть, что герцог Норфолк будет крестным отцом, расплылась в улыбке. Это ли не доказательство, что Говарды снова в фаворе после охлаждения, последовавшего за падением королевы Анны.

Через две недели Кэтрин снова слышала звон: колокола били и в Ламбете, и в Лондоне. На этот раз бой был торжественно-печальный. Королева умерла. Это стало отрезвляющим напоминанием об опасностях, связанных с деторождением, и оживило болезненные воспоминания о матери. Она-то, Кэтрин, по крайней мере, успела узнать свою мать, помнила ее, а драгоценному крошке-принцу такого счастья не выпало. Сердце Кэтрин сжималось от жало-

сти к малышу. А сама идея замужества вдруг показалась совсем непривлекательной. Если ей сейчас позволят выйти за Гарри, меньше чем через год она может расстаться с жизнью. Какой кошмар!

Герцогиня распорядилась, чтобы все облачились в траур и носили его, пока не закончатся похоронные обряды. Вскоре старуху постигло и личное горе: сперва ей сказали, что ее сына лорда Томаса – о радость! – выпускают из Тауэра, и сразу вслед за этим пришло известие о его кончине от какой-то лихорадки. Герцогиня была убита, но не пролила ни одной слезинки. Сидя в кресле, прямая как палка, одетая во все черное, она сообщила Кэтрин, что леди Маргарет Дуглас выпустили из заключения и отправили в аббатство Сион.

– Мне сказали, она тоже сокрушена горем. Но на все Господня воля!

Целый месяц Кэтрин пришлось носить старое черное платье, которое давило ей в подмышках.

– Но вы так очень соблазнительны, – сказал Гарри, когда она пожаловалась на однообразие в одежде.

Вечером Кэтрин взглянула на себя в зеркало. Гарри был прав. Простота в нарядах шла ей. Черное платье имело низкий вырез. Никаких украшений, волосы распущены – все это производило поразительный эффект. На самом деле настолько поразительный, что ей пришлось буквально отбиваться от Гарри.

– Мы должны скорбеть по королеве, – с укоризной сказала ему Кэтрин.

– Я пытаюсь позабыть печаль, – с усмешкой отозвался он. – Идите сюда, маленькая колдунья!

В дверь гостиной постучали. Кэтрин едва успела отскочить от Гарри, как вошел Уилл Эшби.

– Для вас пришло письмо, мистресс Кэтрин, – сказал он, бросив на нее понимающий взгляд, после чего передал ей послание и удалился.

Кэтрин увидела отцовскую печать. И сломала ее под пристальным взглядом Гарри. Чтение не принесло радости: похоже, никогда ей не попасть ко двору. Король лично отменил принятое на выборах решение о назначении отца мэром. «Он ни за что не согласится, чтобы меня допустили к должности мэра, – писал лорд Эдмунд, – и я не могу дольше оставаться в Кале без увеличения своих доходов».

Она протянула письмо Гарри – пусть прочтет.

– Мне так стыдно. Чем заслужил мой отец такое пренебрежение? Наверное, его полюбили в Кале, иначе не выбрали бы мэром.

– Может быть, у короля есть другой кандидат на этот пост, которого он предпочитает, вот и все. Не расстраивайтесь, дорогая. – Он посадил Кэтрин к себе на колени и потерся носом о ее ухо. – По крайней мере, он сохранил свой пост. Быть ревизором в Кале – это немало.

Глава 8

1538 ГОД

Отец возвращался домой. Кэтрин сидела у теплого очага в своей комнате и медленно разбирала его послание. Новость о скором приезде лорда Эдмунда ее порадовала, но дальше она узнала, что его вызывает Совет короля, и задрожала. «Они говорят, я не выполняю распоряжений короля, – писал отец, – и теперь меня будут допрашивать относительно состояния дел в Кале». Там было еще много чего, но Кэтрин так разволновалась, что не могла читать дальше. Даже теперь она и в спокойном состоянии не слишком хорошо складывала буквы в слова.

В тревоге Кэтрин побежала искать Гарри и встретила его в длинной галерее.

– Взгляните, – требовательно сказала она и вложила письмо ему в руку, а сама стояла рядом, сгорая от нетерпения, пока он просматривал написанное.

– Вдруг ответы отца не удовлетворят Совет? Его уволят? Или с ним случится что-нибудь похуже?

Гарри замялся, будто подыскивал правильные слова:

– Если читать между строк, кажется, он не слишком хорошо справлялся со своими обязанностями, не более того. Я сильно сомневаюсь, что этим можно заслужить заточение в Тауэр.

– Да, но он пишет, что его делают жертвой.

– Дорогая, это отговорка, – вздохнул Гарри.

– Нет, он честный человек, – запротестовала Кэтрин. – Представьте, как тяжело ему сносить такие наветы.

Гарри ничего не ответил. Кэтрин почувствовала себя слегка уязвленной.

В следующем письме лорд Эдмунд сообщал, что его отстранили от должности. Он обжаловал это решение, напомнив мастеру Кромвелю о своей бедности и затратах, понесенных на содержание дома в Кале, и надеялся, что тот позаботится о возмещении ему убытков.

Кэтрин стало жаль отца. За что бы он ни брался, все заканчивалось провалом. Себя она тоже пожалела. Почему ей не выпало на долю иметь родителя богатого, преуспевающего и любимого королем? Она молилась, чтобы никто в Ламбете не узнал о позорной отставке ревизора Кале. Это было бы слишком унижительно.

Лорд Эдмунд вернулся домой в апреле. Его сестра графиня Уилтшир, мать покойной королевы Анны, умерла, и он как раз успел на похороны, где собрались все Говарды и Тилни. Кэтрин ужаснулась при встрече с отцом в Ламбете: он выглядел таким старым и изможденным. Ему, наверное, уже исполнилось шестьдесят, и жизнь не была милостива к нему.

Когда лорд Эдмунд поприветствовал братьев Кэтрин и она в свою очередь встала на колени, чтобы получить отцовское благословение, он поднял ее и крепко обнял:

– Как приятно видеть тебя, дочь моя. Ты выросла и превратилась в юную леди. Я с трудом узнаю тебя!

Маргарет, мачеха Кэтрин, была мягка и дружелюбна, как и прежде, но, когда они присоединились к родне в покоях герцогини, то и дело бросала на отца тревожные взгляды.

– Он неважно себя чувствует, – тихонько сказала она Кэтрин. – Проблемы с камнями в почках, да еще эта последняя неудача... Такой тяжелый удар для него. Но он надеется, что сумеет убедить Совет и его восстановят в должности. – Маргарет вздохнула. – Я пыталась внушить ему, что пора уйти в отставку, но он меня больше не слушает. Он сделался любимчиком женщин Кале, и некоторым из них следовало бы последить за своим поведением.

Кэтрин положила ладонь на руку мачехи. Нелегко, наверное, быть женой отца.

– Не переживай, мы справимся, – сказала Маргарет.

Они сделали реверансы перед герцогом Норфолком, который по неотъемлемому праву занял трон своей мачехи и сидел на нем как василиск – впивался в каждого орлиным взором, надменно поджав губы. Суровый вояка, в свои шестьдесят с лишком лет он не выглядел человеком, с которым можно не считаться. На мгновение его стальные глаза оценивающе задержались на Кэтрин, потом герцог кивнул и одарил ее и Маргарет подобием улыбки.

– Приветствую, леди Эдмунд. Приветствую, Кэтрин. – Норфолк знаком показал, чтобы они сели, и женщины заняли места рядом с отцом. Сидя на скамье бок о бок с братьями, Кэтрин чувствовала себя маленькой и незначительной среди этого грандиозного собрания родственников, облаченных в черный бархат, шелк и меха.

Говорили только о бедной Элизабет, покойной графине.

– Бедняжка так и не смогла пережить смерть королевы Анны, – сказала герцогиня.

– Заболела она раньше, – напомнил ей герцог.

– Потеря детей, да к тому же столь ужасная, ускорила ее кончину, – добавила леди Уильям Говард, женщина милая, изысканно одетая, но, по общему мнению, глуповатая.

– Не представляю, как справляется с этой утратой граф, – произнесла герцогиня.

– Томас Болейн пережил многих, – заметил герцог. – Помните, как он свидетельствовал против собственных детей, чтобы спасти свою шею? Сомневаюсь, что у моей сестры нашлось для него много слов после такого.

– Хотелось бы мне тогда быть рядом с ней и утешить ее, – сказал отец.

Собравшиеся на похороны выстроились в процессию и прошли в церковь Святой Марии. В часовне Говардов Кэтрин оказалась рядом с могилой матери. Она испытала чувство вины, что не приходит сюда чаще молиться за упокой души родительницы, но ей до сих пор невыносимо было думать, что здесь, под толщей земли, в хладном склепе лежит ее мать. Насколько иначе сложилась бы ее, Кэтрин, жизнь, если бы Джойс не умерла так рано.

Отец не остался на поминки.

– Я еду в Сент-Джеймский дворец, – сообщил он жене и детям, когда они все вышли из церкви. – Надеюсь увидеться с мастером Кромвелем.

Глядя ему вслед, Маргарет покачала головой:

– Он никогда не сдастся.

Участники похорон потянулись обратно к Норфолк-Хаусу. На поминальном обеде Кэтрин сидела рядом с мачехой. Как же ей хотелось, чтобы Гарри был здесь. Но он поехал в Стритхэм навестить родных. Они были любовниками уже больше года, а она продолжала считать часы до следующего свидания.

После обеда Кэтрин с мачехой задержались в зале, где слуги быстро убрали со столов.

– Твой отец собирается поговорить с герцогиней о том, чтобы подыскать тебе мужа, – сказала Маргарет. – Он считает, что она слишком затянула с этим.

Кэтрин пришла в ужас. Ей не хотелось замуж ни за кого, кроме Гарри. Осмелится ли она открыться мачехе? Если Маргарет не одобрит порыва своей падчерицы, то может предпринять шаги к тому, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшим встречам с Гарри. А самого его поставят лишним местом! Нет, уж лучше ей помалкивать.

– А если мне не понравится мужчина, которого для меня выберут, я все равно должна буду выйти за него замуж? – спросила Кэтрин.

– Нам, женщинам, редко выпадает случай выбирать, – ответила Маргарет и взяла с еще стоявшего на столе блюда марципан. – Но я сомневаюсь, что твой отец согласится на брак, который ты считаешь отвратительным.

– Он, вероятно, будет благодарен любому мужчине, который женится на мне, – пробормотала Кэтрин и закусила губу. – У меня нет приданого, так что найти мне супруга может оказаться нелегко.

– Приданое – не единственное, что будут принимать в соображение. Многие не отказались бы породниться с Говардами. К тому же ты очень мила.

Кэтрин улыбнулась ей:

– Спасибо вам. Просто мне хотелось бы выйти за того, кто нравится.

Маргарет внимательно посмотрела на нее:

– У тебя уже есть кто-то на примете?

– О нет! Я просто подумала, согласится ли на такое отец.

– Думаю, если мужчина окажется подходящим, он будет готов подумать.

В груди у Кэтрин начала расцветать надежда.

– А кого посчитают подходящим?

– Кто-то все-таки есть, верно? – надала на нее встревоженная Маргарет.

– Нет! Клянусь вам! – запротестовала Кэтрин.

Мачеха ей не поверила.

– Думаю, какой-нибудь молодой лорд или джентльмен со средствами и хорошей репутацией получил бы одобрение.

Со средствами. Гарри унаследует только дом своего отца и скромный участок земли вокруг. У него нет ни титула, ни родовитых предков.

– Ну, надеюсь, герцогиня подыщет кого-нибудь, кто придется мне по душе, – сказала Кэтрин.

В последовавшие за этим дни Кэтрин редко видела отца. Лорд Эдмунд плутал по коридорам Сент-Джеймского дворца, выгадывая момент для разговора с мастером Кромвелем. Момент так и не подвернулся. Однако отец получил письмо от своего начальника лорда Лайла, представителя короля в Кале, с вызовом обратно и возликовал.

– Они, должно быть, передумали и решили не увольнять меня! – заявил он и принялся спешно готовиться к возвращению.

Кэтрин сомневалась, что он успел обсудить с герцогиней вопрос о ее браке или хотя бы серьезно поразмыслить об этом, и решила, что пока ей повезло.

– Прощай, дочь моя, – сказал ей отец в день отъезда. – Да пребудет с тобой Господь! Надеюсь, мы скоро увидимся.

Маргарет обняла Кэтрин со словами:

– Будь очень осторожны, – и пожала ей руку.

В мае пришло письмо от Изабель. Сестры поддерживали переписку, хотя для Кэтрин выводить слова на бумаге было чистой мукой, а вот читать послания Изабель с новостями и отчетами об успехах юного Генри Бейнтон она очень любила. Однако в этом последнем содержались печальные вести. Сидя у окна в своей комнате, Кэтрин прочла, что Джон Ли, ее сводный брат, храбро перенес все тяготы паломничества в Иерусалим, а по возвращении был арестован за измену. «Его посадили в Тауэр, – писала Изабель, – и подозревают в том, что по пути домой он вошел в сношения с кардиналом Поулом. Молись за несчастного Джона».

Едва не плача, Кэтрин отнесла письмо в комнату Малин Тилни и показала ей.

– Кто такой кардинал Поул? – спросила она.

– Сын графини Солсбери, кузен короля со стороны Плантагенетов, – ответила ей Малин. – Он уехал в Италию, потому что не одобрял развод его величества с леди Екатериной, и написал трактат с суровым осуждением его брака с Анной Болейн. Это так разозлило короля, что мистеру Поулу пришлось остаться в Италии, где папа сделал его кардиналом. Было бы действительно крайне безрассудно связываться с таким злостным изменником, но, насколько я знаю, мастер Ли вовсе не лишен рассудительности. Не унывай, Кэтрин. Все будет хорошо. Ты слышала, что мы отправляемся на лето в Чесворт?

– Чесворт? – Это был летний дом герцогини в Сассексе, Кэтрин провела там два лета в детстве. Она обхватила руками Малин. – Так это же прекрасно! Я люблю Чесворт! Это волшебное место!

Ей стало значительно лучше. Все будет хорошо. Малин так сказала, уж она-то в таких делах разбирается. И Гарри Чесворт тоже понравится.

Как здорово было снова оказаться в чудесном Сассексе, да еще в такой прекрасный июньский день! Свита герцогини проехала Хоршем, и Кэтрин уже вся извелась: когда же, ну когда они доберутся до места? Осталась всего какая-то миля.

С дороги дом не видно, он хорошо укрыт за деревьями, но вот наконец они въехали в ворота, и Кэтрин оказалась в знакомом райском уголке: цветущий луг и старые живые изгороди, населенные ордами бабочек. Река Арун, которая брала начало в Лесу Святого Леонарда неподалеку отсюда, текла через поместье и образовывала часть окружавшего дом рва. Вскоре впереди, в конце длинной, обсаженной деревьями подъездной аллеи показался Чесворт-Хаус. Более старое крыло дома было выстроено из дуба, а то, что поновее, – из красного кирпича. Его возвел дед Кэтрин, второй герцог Норфолк. Эту часть здания называли Цитаделью графа Суррея, потому что герцог носил такой титул, когда началось ее строительство.

Покои камеристкам отвели на верхнем этаже нового крыла, в просторной комнате с высоким потолком на толстых деревянных балках. Кэтрин заняла кровать у окна и, мурлыча себе под нос песенку, разобрала вещи. Потом сбегала вниз, чтобы посидеть на солнышке на террасе. Гарри уже был там, ждал ее; они вместе обследовали прелестный регулярный садик, а потом пошли прогуляться по роскошному парку.

– Как же здесь хорошо! – воскликнула Кэтрин, воздевая руки к небу и кружась на месте.

Гарри засмеялся, поймал ее руки и завертел вокруг себя еще быстрее; он не останавливался, пока они не повалились на траву, запыхавшиеся и хохочущие. Никого рядом не было, и вскоре влюбленные уже целовались и одаривали друг друга ласками, наслаждаясь восхитительным чувством свободы. Это было так упоительно, что оба они забылись, но вот Гарри усадил ее на себя, и она вдруг почувствовала, как что-то вонзилось в нее, вызвав невыносимо резкую, жгучую боль.

– Нет! – взвизгнула Кэтрин и подскочила. – Ой, это очень больно! – Она потерла себя рукой. – Вы обещали, что не пойдете дальше касаний.

Гарри застонал:

– Простите меня, дорогая. Момент был такой подходящий. Простите.

Он так сокрушался, что Кэтрин стало жаль его, и вскоре они с тем же пылом обнимались и целовались.

– Вы не вошли в меня до конца, да? – спросила Кэтрин позже, когда они, утомившись от ласк, распластались на траве.

– Нет, дорогая, – заверил ее Гарри. – Вы отстранились прежде, чем я оказался внутри вас. Никакой крови ведь не было?

– Нет. Слава Богу, я все еще девственница!

– Такого больше не случится, – пообещал Гарри.

Долгие летние дни в Хоршеме тянулись неспешно. Уроки музыки продолжались, но особых успехов Кэтрин не достигла, так как у учителя и его ученицы на уме было совсем другое. По ночам они прокрадывались в старое крыло дома через пустынные залы и забирались в кабинет герцогини при часовне, который был более укромным, чем в Ламбете. Там они проводили большую часть ночи, спрятавшись от всего мира.

Остальные камеристки допрашивали Кэтрин вопросами:

– Почему ты не приводишь его к нам в спальню, чтобы он мог пировать вместе с нами?

Но она лишь молча улыбалась в ответ. Ей не хотелось опускать их нежные отношения с Гарри до уровня грубого разврата, которому предавались по ночам в спальне камеристок.

Однако Кэтрин с удовольствием участвовала в других развлечениях своих компаньенок. Однажды она попросила на кухне разных закусок, сложила их в корзинку и принесла в парк, где юные леди сидели на траве.

– Пикник! – воскликнула Дороти. – Спасибо, Кэтрин!

Позже тем же вечером Кэтрин, лениво полеживая на лужайке, вполглаза поглядывала, как другие играют в жмурки среди деревьев, и заметила Мэри Ласселлс, которая сидела на ограде террасы и с хитрой улыбкой поглядывала на нее. Эта девушка отличалась кичливым самодовольством и ставила себя выше всех остальных. Она никогда не участвовала в общих забавах, но часто наблюдала за ними со стороны. Обычно девушки не обращали на нее внимания. Кэтрин предпочитала не общаться с мистресс Ласселлс, но в последнее время стала как-то слишком часто ловить на себе ее взгляды. Она в раздражении крикнула ей:

– У меня лицо позеленело, что ли? Почему вы все время смотрите на меня?

– Прошу прощения, – откликнулась Мэри, – но вы заинтриговали меня, мистресс Кэтрин. Лучше бы вам вести себя более осмотрительно. Я знаю, чем вы занимаетесь с вашим учителем музыки. Это ясно как день.

– И это не ваше дело! – отрезала Кэтрин.

– Может, и так, но я говорю с вами по-дружески. Его поведение достойно порицания вдвойне, ведь он знает, что не сможет жениться на вас, а вы девушка благородных кровей. Он подвергает опасности вашу репутацию и ваши шансы удачно выйти замуж.

– Как вы смеете! – воскликнула Кэтрин. – Вам ничего не известно о моих делах. И перестаньте совать свой нос куда не следует.

– Когда-нибудь вы поблагодарите меня за это, – невозмутимо ответила Мэри. – Если об этом узнает герцогиня...

– Вы на такое не решитесь. – Кэтрин встревожилась.

– Я-то нет. Но в таком большом доме подобные вещи не утаишь, и люди начнут болтать. О вас уже шушукуются в общей спальне, а молодые люди, с которыми спят девицы, любят выпить со своими приятелями. И могут сболтнуть лишнего, если опрокинут на кружку больше эля, чем следует. Просто будьте осторожны, мистресс Кэтрин Говард.

– Я не дура, – сердито ответила ей Кэтрин. – И шушукаться тут вовсе не о чем.

– Не думаю, что вы так чисты и честны, как изображаете, мистресс Кэтрин, – пробормотала Мэри, опускаясь на колени и принимаясь собирать вещи в корзинку. – Вы ставите себя выше всех нас, но вы ничем не лучше. Также предаетесь блуду, только втайне от других. Разве нет?

Кэтрин вышла из себя.

– Это грязная ложь! – прошипела она.

– Только взгляните, как она покраснела! – бросила Мэри. – Значит, вы отрицаете, что кувыркаетесь с мистером Мэноксом? Я видела вас вместе в этом самом парке, когда вы думали, что скрылись от чужих глаз. Позаботьтесь о своей репутации, мистресс Кэтрин, хорошенько позаботьтесь. – Сказав это, она встала и направилась в сторону кухонь, оставив Кэтрин в безмолвном изумлении.

Сколько еще людей знают, чем она занимается с Гарри? Она-то думала, они проявляют осмотрительность. О, это ужасно! Нужно как-то исправить ситуацию, пока ее репутация не разрушена окончательно. Так больше продолжать нельзя.

Удовольствия от приятного летнего дня как не бывало. По пути к дому Кэтрин беспокойно перебирала в голове варианты. Обращаться за помощью к герцогине им с Гарри нельзя – это приведет к катастрофе. Сбежать? Улизнуть за границу? Но деньги у них закончатся очень быстро. А может, поехать в Лондон и найти священника, который их обвенчает? Это казалось

наилучшим выходом. Когда они поженятся, никто уже не сможет их разлучить. Им только придется храбро выстоять перед бурей гнева, которая наверняка разразится.

– Гарри, – сказала той ночью Кэтрин, когда он закрыл за ними дверь кабинета при часовне, – мне нужно поговорить с вами.

Она передала ему слова Мэри, но он только пожал плечами, а потом ответил:

– Ей просто завидно, потому что ни один мужчина ее не хочет. От этого кислого лица и молоко свернется.

– Но, Гарри, разве вы не понимаете, если она знает про нас, то может сказать другим, а они передадут герцогине. Кто-нибудь, кроме нее, мог догадаться о наших отношениях. Мы не можем так продолжать и дальше.

Он молча уставился на нее, но наконец будто через силу произнес:

– Вы говорите, что хотите прекратить наши встречи?

– Нет! Глупый вы человек! – воскликнула Кэтрин. – Я хочу, чтобы мы поженились. И знаю, как это сделать... – Она замолчала, увидев выражение лица Гарри. Оно вовсе не говорило, что этот мужчина только что получил шанс исполнить самое заветное желание своего сердца.

– Кэтрин, мы не можем пожениться, – с горечью проговорил Гарри. – Не думайте, что я не мечтал об этом. Много раз я пытался найти решение. Но это невозможно. Мой отец не богат и не родовит. Говарды не вступают в браки с такими, как мы. Вас лишат наследства, я потеряю место, и нам не на что будет жить. Я не могу допустить, чтобы с вами случилось такое.

«Или со мной самим», – промелькнула в голове у Кэтрин непрошенная мысль.

– А мы не сможем жить с вашими родителями?

– Чтобы навлечь гнев Говардов и на их головы тоже? Дорогая, вы предаетесь несбыточным мечтам. Этому никогда не бывать.

Кэтрин схватила его за руки:

– Но я люблю вас, и вы любите меня. Я вас не брошу. Вы тот, кому я отдам свою девственность, даже если это причинит мне боль. – Она не забыла испытанного в тот день. – Я буду принадлежать вам и только вам. Мы найдем способ, как быть вместе.

– Не глупите, Кэтрин, – покачал головой Гарри. – Вы грезите наяву. Сейчас мы с вами вместе настолько, насколько это возможно, и по-другому не будет. Не обманывайте себя. Мы никогда не сможем пожениться.

Кэтрин обиделась. У них было несколько ссор, но никогда еще Гарри не говорил с ней так резко, и ей захотелось успокоить его.

– Тогда я стану вашей любовницей! Я отдамся вам, не сомневаясь, что вы будете добры ко мне, потому что знаю вас как истинного джентльмена.

– Если бы я и правда был джентльменом! Перед нами не стояла бы эта дилемма. Может, нам и правда стать любовниками, потому что ничего другого нам не дано. Вы не думаете, что мне стыдно быть недостойным вас? Ради Бога, давайте сделаем это сегодня вечером!

Кэтрин вся сжалась. Она и подумать не могла, что расстанется с девственностью при наплыве такой злости и горечи. Надо же, как, оказывается, глубоко переживает Гарри свою несостоятельность в качестве достойного ее жениха.

– В ваших прекрасных качествах никто не сомневается! – воскликнула Кэтрин. – Я докажу вам! Приходите сегодня вечером в кабинет при часовне.

Гарри схватил ее за плечи:

– Вы это всерьез? Вы меня не обманываете?

– Нет. – Она посмотрела ему прямо в глаза.

Кэтрин не пошла в спальню. Там сегодня намечалась пирушка, и ей не удалось бы улизнуть незамеченной; кто-нибудь обязательно спросит, куда она собралась. Вместо этого она потихоньку выскользнула из дому и сидела с Гарри в маленьком банкетном домике на пустынной лужайке, где их скрывали ажурные деревянные решетки от глаз любого, кто отважился бы прийти сюда в такой поздний час. Внутри у Кэтрин было беспокойно: она сомневалась, верное ли приняла решение. Сказать по правде, она жалела, что предложила себя Гарри; он пребывал в каком-то странном состоянии и не походил на себя прежнего, любящего и заботливого.

Обрывок шерстяной материи, вымоченный в уксусе и засунутый как можно глубже в себя, вызывал жгучее ощущение внутри; расстраивало ее и то, что Гарри даже не подумал спросить, как они будут предохраняться от беременности. Неужели его не волнует, вдруг он сделает ей ребенка?

Близилась ночь. В доме погасили свечи. Подняв взгляд, Кэтрин увидела в окне Малин – та задергивала шторы – и понадеялась, что они с Гарри остались незамеченными. Отдаленный колокол пробил полночь. Вскоре все погрузилось во тьму. Гарри встал, протянул ей руку и сказал:

– Пойдемте в дом.

Кабинет при часовне был тускло освещен свечами. Они сели на скамью. Кэтрин задумалась, как они сумеют заново разжечь в себе страсть до такой точки, где она будет готова пойти до конца.

– Вы колеблетесь, – сказал Гарри, накрывая ладонями ее руки. – Не беспокойтесь. Я не стану принуждать вас к исполнению обещанного. Простите, я был в тот момент не лучшим компаньоном. Убийственно думать, что ты не можешь жениться на любимой женщине, потому что тебя считают недостойным ее. Вы заговорили о браке, и на меня снова нахлынули эти горькие мысли.

Глаза Кэтрин наполнились слезами.

– Когда мы вместе, мне хочется радоваться, а не грустить, как сейчас.

– Вы правы. – Гарри привлек ее к себе и, немного помолчав, сказал: – Сегодня я получил письмо от отца. Он побуждает меня жениться на дочери одного своего соседа. Говорит, мол, хочет увидеть внуков, прежде чем отправится к праотцам.

Кэтрин в ужасе отстранилась от него:

– Вы хотите жениться на ней?

– Клянусь Богом, нет! – ответил Гарри. – Я хочу вас. Просто не знаю, что ему сказать. Он выдвинул все возможные разумные доводы в пользу этого брака.

Кэтрин облегченно вздохнула:

– Скажите ему, что любите другую.

– В его картине мира любовь не имеет значения. Он только посмеется надо мной.

– Тогда...

В галерее часовни послышались гулкие шаги. Дверь в кабинет распахнулась, на пороге стояла герцогиня, во всем своем великолепии, ее глаза сверкали от гнева.

– Мне сказали, что я смогу найти вас обоих здесь, – ледяным голосом произнесла она. – Чем вы тут занимаетесь?

Кэтрин вскочила на ноги. Щеки у нее горели, колени подкашивались.

– Молю вашу светлость о прощении, мы просто разговаривали.

– В такое время? А вы, Мэнокс, что скажете в свое оправдание?

– Миледи, я прошу простить меня. – Гарри тоже быстро встал и покаянно склонил голову. – Меня обеспокоило письмо отца... Мистресс Кэтрин застала меня в галерее очень расстроенным и по доброте своей предложила выслушать меня.

– Верится с трудом. По вашим лицам я могу сказать, что ничего пристойного у вас на уме не было. Ты, девочка, была отдана мне на попечение, и я в ответе за то, чтобы ты выросла

честной и благонаправной. Я дала тебе крышу над головой, когда твой дурак-отец улепетнул в Кале, и заменила тебе мать, и вот чем ты мне отплатила. Иди сюда, ты, маленькая шлюха!

Кэтрин не могла шевельнуться, будто приросла к месту, а Гарри крикнул:

– Мадам, молю вас...

– Помолчите! – Герцогиня подошла, воздела вверх свою трость и – раз, два – сильно ударила ею Кэтрин по задку. Больно было ужасно, даже сквозь юбку платья и киртл. Потом ее светлость повернулась к Гарри и его тоже отходила палкой под отчаянные крики Кэтрин. – Чтоб больше никогда не оставались наедине, поняли меня? – прорычала герцогиня. – А вы, мистер Мэннокс, уволены. И покинете этот дом завтра утром.

– Нет! – взвыла Кэтрин, а бабка схватила ее за руку и вытащила из кабинета.

– Простите! – крикнул им вслед Гарри. – Кэтрин, простите меня!

Побитая и сломленная духом, Кэтрин легла на постель и утонула в печали.

По пути в спальню она без конца твердила герцогине:

– Мы не делали ничего дурного, – и отчаянно молила, чтобы Гарри оставили.

Тщетно.

– Будешь сидеть здесь под замком, пока он не уедет, – строго наказала ей герцогиня.

Напрасно утром Кэтрин стояла у окна в надежде напоследок хотя бы мельком увидеть своего возлюбленного.

Чесворт утратил для нее все свое волшебное очарование. В оставшиеся до отъезда недели Кэтрин хандрила, избегала общества других девушек и хотела только одного: чтобы любимый был рядом, целовал ее и уверял, что между ними все хорошо. В глубине души она тревожилась, как бы отец не стал принуждать Гарри к женитьбе на соседской дочери и тот, думая, что Кэтрин для него потеряна, не согласился. Ему придется как-то утихомиривать отца, ведь старик наверняка рассердится, что сын потерял хорошее место. Но еще страшнее была мысль, что Гарри давно знал о готовящемся браке и хотел жениться на той девушке. Конечно, он не был безрассудно страстен в тот последний день, когда возражал против женитьбы на Кэтрин, и не воспользовался возможностью предаться с ней любви по-настоящему. Она предложила ему самое дорогое, и он отверг этот дар. Вот в каком свете виделась ей теперь вся эта ситуация.

Заняться ей было почти что нечем; имея массу свободного времени, она то впадала в тоску, то злилась, то терзалась страхами. Через два дня после отъезда Гарри Дороти и горничная Иззи наткнулись на нее, плачущую, в отдаленном уголке сада. Девушки бросились утешать подругу, и Кэтрин излила перед ними душу, раскрыв всю историю.

– Он ни слова не сказал против увольнения, – всхлипывала она. – Просто оставил меня.

– Он слуга. – Дороти сжала ее руку. – Чего бы он этим добился?

– Он не стоит ваших слез! – воскликнула Иззи. – Мужчина, который что-то из себя представляет, подал бы голос. Он мог бы сказать, что имел честные намерения и хотел жениться на вас. И ничего не потерял бы от этого.

– Попытайся забыть его, – посоветовала Дороти.

Но Кэтрин не могла. Она отчаянно цеплялась за надежду, что по возвращении в Ламбет ей удастся как-нибудь увидеться с Гарри, ведь он жил совсем недалеко. Но еще сильнее она надеялась, что он сам попытается устроить встречу с ней.

Глава 9

1538 ГОД

В Ламбет они вернулись в конце июля. К радости Кэтрин, там, в привратничкой, ее ждало запечатанное письмо. Оно было от Гарри. Он получил новую должность учителя музыки у детей лорда Беймента – того самого, дом которого находился совсем рядом! Сможет ли он ее увидеть? Он так по ней соскучился.

В письмо был вложен маленький пакетик с крошечной золотой подвеской в форме сердца. Кэтрин ахнула от восторга и тут же надела ее себе на шею, спрятав под партлетом¹¹, который прикрывал квадратный вырез платья.

Иззи согласилась передать ответ.

– Не ждите слишком многого, – посоветовала она.

Кэтрин вняла ее совету и вскоре получила новое послание от Гарри. Он будет у ворот Норфолк-Хауса в четверг вечером и умоляет ее встретиться с ним там.

В лихорадочном нетерпении Кэтрин предвкушала свидание. Четверга ей было не дожидаться, и не важно, узнает герцогиня или нет. Она готова испытать на себе силу ее гнева – мало того, рискнуть всем, лишь бы увидеться с любимым.

Платье Кэтрин надела черное, потому что оно нравилось Гарри, не забыла и подвеску, которой восторгались многие юные леди. После ужина она смочила лицо розовой водой и расчесала волосы. Вымытые утром, они золотистым облаком вились вокруг ее плеч. Кэтрин чувствовала себя красавицей и знала, что вызовет восхищение Гарри. И он будет ее любовником во всех смыслах. Она решила.

Когда Кэтрин торопливо шла по отгороженному решетчатым простенком коридору, перед ней вдруг возник какой-то мужчина.

– Какая приятная встреча! И куда это вы направляетесь, мистресс Кэтрин Говард? – Это был мистер Дерем, новый церемониймейстер герцогини и ее кузен, который занял место при дворе, когда они вернулись из Чесворта.

Кэтрин сталкивалась с ним каждый день: он следил за сервировкой стола, а также за работой и поведением старших слуг в покоях герцогини. Она немного побаивалась этого человека, потому что именно он приводил к присяге новых людей и бдительно следил за всем происходящим при дворе. Мистер Дерем был энергичен и очень хорош собой, но от него исходило ощущение опасности; он напоминал пирата: коротко обстриженные черные волосы и неизменная сардоническая усмешка на губах. Кэтрин легко могла представить его с зажатым в зубах кинжалом.

Она взъерепенилась. Этот господин, видно, перепутал ее со служанкой. Куда она идет, его не касается.

– Это мое дело, не ваше, сэр, – произнесла Кэтрин самым высокомерным тоном, на какой была способна, и прошла мимо.

– Надеюсь, он того стоит! – бросил ей вслед Дерем.

Гарри ждал ее у ворот. Удивительно, но при виде него сердце у Кэтрин не екнуло, как раньше. Тем не менее она обрадовалась и поспешила заверить себя, что скоро между ними все будет по-прежнему.

– Дорогая! – воскликнул Гарри и заключил ее в объятия. – Посидим с вами во дворе церкви?

¹¹ *Партлет* – очень короткая безрукавка с воротником или без, которую надевали на платья с низким вырезом или дублеты, чтобы прикрыть шею, верхнюю часть груди и плечи, или дополняли ею костюм в декоративных целях.

Она бросила взгляд вдоль дорожки на дом герцогини. Вокруг него всегда сновали люди, и Кэтрин про себя взмолилась: лишь бы никто их не увидел. Мистера Дерема – хвала святым угодникам! – нигде не было видно.

– Давайте прогуляемся вдоль реки к Ламбет-Марш, – предложила она. – Так будет безопаснее.

Они пошли к Темзе по засыпанной гравием дорожке.

– Я сильно переживаю из-за случившегося той ночью, – сказал Гарри. – Когда появилась герцогиня, я буквально онемел. Надеюсь, вам не слишком сильно досталось.

– Ничего, все уже прошло, – ответила Кэтрин. – Конечно, я очень расстроилась, но к чему теперь об этом вспоминать.

Ей хотелось спросить Гарри, женится ли он, но она боялась снова вызвать у него мрачные мысли.

– Надеюсь, мы и дальше сможем видеться, – продолжил он. – Я от вас совсем недалеко.

– Конечно, – согласилась Кэтрин, удивляясь, отчего так изменилось ее отношение к нему.

Что с ней случилось?

На берегу реки они остановились и залюбовались небом над Вестминстером: голубая лазурь, прорезанная золотыми лучами заката. Гарри обхватил ее рукой за плечо и повернул к себе лицом, потом наклонился и поцеловал, просунув язык ей в рот. Кэтрин вложила в поцелуй все чувства, какие сумела собрать; ей хотелось ответить на ласку так, как она делала это несколько недель назад, однако ничего не вышло. Перед глазами у нее стояло смуглое лицо усмехающегося мистера Дерема. Этот мужчина заинтриговал ее; что-то в нем было.

– Не лучше ли нам удовлетвориться тем, что мы имеем? – пробормотал Гарри, кладя руку ей на грудь.

– Да, – согласилась Кэтрин, отталкивая ее; она теперь не была уверена, что жаждет его прикосновений.

– Я хочу тебя, – хрипло проговорил Гарри. – И знаю, ты меня тоже хочешь. Знаю, какая ты неутомимая девчонка.

Кэтрин отпрянула от него, ей не хотелось слышать такие слова из его уст.

Гарри вновь прильнул к ней с поцелуем, на этот раз более настойчивым, и сжал руками ее ягодицы. О, как же обрадовалась Кэтрин, услышав приближающийся звук чьих-то голосов! Она вывернулась из рук Гарри и быстро пошла обратно к дому, лепеча на ходу:

– Вам лучше вернуться. Мне бы не хотелось, чтобы возникли неприятности, если кто-нибудь увидит вас здесь.

– Мне все равно, потому что я увидел вас, дорогая, и это было замечательно! – воскликнул Гарри. – Можно я завтра приду снова?

– Я дам вам знать, – ответила Кэтрин.

Они приблизились к воротам. Гарри поднес к губам ее руку, проговорив:

– Я буду считать часы.

Через два дня Дороти взялась отнести записку, в которой Кэтрин сообщала Гарри, что увидится с ним на том же месте. О своих внутренних сомнениях она подругам не рассказала. Как хорошо было купаться в ощущении любви; ей хотелось вернуть это чувство, а если бы она призналась кому-нибудь, что его больше нет, то эта пустота в сердце стала бы еще более реальной. И Кэтрин раз за разом соглашалась на свидания с Гарри, благодарила Дороти и Иззи за то, что те доставляли их записки и передавали знаки любви, притворяясь, будто все идет так хорошо, как ей и хотелось.

Однажды вечером, ожидая Гарри у ворот Норфолк-Хауса, она увидела сквозь арку мистера Дерема: он шел прямо к ней под руку с Джоан Балмер. От этого зрелища у Кэтрин

слегка защемило сердце. Как странно! Джоан, похоже, забыла, что она замужем. Завести себе любовника-старика – это одно, но мистер Дерем?

Как-то неловко было видеть их такими же счастливыми вместе, как они с Гарри.

– Приветствую, мистресс Кэтрин, – надменно проговорила Джоан. – Ждете мистера Мэнкса?

– Что? – Кэтрин ужаснулась. – Кто вам сказал?

– Девушки в спальне говорили о вас. Это ни для кого не секрет. Фрэнсис и тот знает.

Дерем ухмыльнулся.

Кэтрин поклялась убить Дороти и Иззи при первой же встрече. Да как они посмели предать ее доверие!

– Мы слышали, вас скоро выдадут замуж, – сказал мистер Дерем.

Кэтрин разинула рот.

– Дороти говорит, вы помолвлены и сильно влюблены, – добавила Джоан.

Ну уж это слишком!

– Ничего подобного, – запротестовала Кэтрин, – и лучше бы вы не слушали глупых сплетен!

– Но вы встречаетесь с ним, – возразила Джоан.

– Это мое дело! – огрызнулась Кэтрин и ушла.

– Вы говорили Дороти или Иззи, что мы помолвлены? – спросила она Гарри, даже не поздоровавшись, как только он появился.

– Нет, не говорил, – ответил он и нахмурился, а Кэтрин пошла вдоль Ламбетского дворца.

– Ну они, похоже, сообщают всем и каждому, что мы помолвлены! Вот я и подумала, с чего бы это?

– Может, они так решили, увидев подвеску, которую я прислал вам.

Подвеска. Должно быть, она стоила немалых денег. Кэтрин пожалела, что приняла ее, ведь эта вещица и правда выглядела как предсвадебный подарок.

– А вы этого добивались?

– Нет! Я увидел ее в какой-то лавке в Челси и подумал о вас.

– Ладно, я вам верю. Но мне неприятно, что люди строят вокруг нас невесть какие домыслы.

– Я был бы рад, если бы они оказались правдой, – сказал Гарри, беря ее за руку. – Почему мы идем туда? В саду у дома миледи есть укромные места, где можно уединиться. Помните ту беседку, оплетенную розами? Давайте вернемся.

Кэтрин неохотно согласилась. Хотя признаться в этом самой себе было нелегко, но ее любовь умерла, однако смелости сказать об этом вслух у нее не хватало. Она покорно пошла с ним обратно к дому герцогини, мысленно вызывая к Господу, чтобы они натолкнулись на кого-нибудь из знакомых и это открыло бы ей путь к бегству. Однако уже стемнело, и в саду не было ни души. Держась за руку Гарри, Кэтрин вошла в беседку и позволила ему поцеловать себя. Когда он разгорячился, она попыталась охладить пыл нежеланного более любовника, убрав со своей груди его руку.

– Не здесь, – прошептала Кэтрин. – Вдруг кто-нибудь придет!

– Тут никого нет, – ответил он, задирая ей юбку. – Успокойтесь, дорогая. Вы же сами этого хотите.

– Да, но не здесь! – резко ответила она и встала.

– Простите, – сказал он и печально улыбнулся. – Мне кружит голову ваша красота.

– Я должна идти, – заявила Кэтрин.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, – солгала она, стремясь поскорее расстаться с ним. – Просто... просто я не могу расслабиться, когда нас могут увидеть.

– Предоставьте это мне. – Гарри встал. – Я что-нибудь придумаю. Мы должны быть вместе, Кэтрин. Вы обещали, и мне не вынести ожидания дольше.

Да, она обещала. И теперь горько сожалела об этом.

– Становится поздно. Меня хватятся. Дайте мне знать. – Кэтрин подхватила юбки и поспешила прочь.

– Не забудьте, вы обещали, Кэтрин! – крикнул ей вслед Гарри, и в его голосе звучал надрыв.

Она обернулась:

– Иногда, в горячке, люди говорят такое, чего на самом деле не думают. – И она прибавила шагу, услышав за спиной:

– Маленькая сучка!

Кэтрин пропустила ругательство мимо ушей и вбежала в дом, намереваясь тут же отыскать Дороти и Иззи.

– Почему вы говорили, что я обещана мистеру Мэноксу? – набросилась на них она.

– Мы думали, так и есть, – смущенно пробормотала Дороти.

– И с чего вы так решили? – горячилась Кэтрин. – Просто придумали. Решили сделать меня мишенью небольшого милого скандальчика.

– Простите нас, – едва не плача, проговорила Иззи.

– Мы в самом деле думали, что это правда и вы скоро выйдете замуж, – сказала Дороти.

– И не мы одни, – добавила Иззи. – Кое-кто из девушек видел вас вместе в саду.

– Мы больше ни словечка об этом никому не скажем, – пообещала Дороти.

Кэтрин смягчилась и простила подруг. На их месте она тоже не отказала бы себе в удовольствии немного посплетничать.

Через два дня сердце ее упало, когда следом за ней в спальню вошла Мэри Ласселлс. Время было послеобеденное, в комнате никого. Кэтрин заскочила сюда взять лютню, которую унесла из гостиной, где Гарри учил ее играть. И она делала это почти мастерски.

– Угадайте, кого я видела сегодня у будки привратника? Он спрашивал о вас! – выпалила Мэри.

– Понятия не имею, – ответила Кэтрин.

– Это был мистер Мэнокс, – с явным удовольствием сообщила ей Мэри.

Что-то в ее поведении подсказало Кэтрин: она еще не все высказала. Гарри снова пришел разыскивать ее. Это само по себе нехорошо, а тут еще из всех, кто мог бы это увидеть, свидетельницей оказалась именно Мэри.

– И что? – небрежно бросила Кэтрин, взяла лютню и направилась к двери.

– Вы же хотите за него замуж, не так ли? – с вызовом спросила Мэри.

Кэтрин остановилась.

– Если бы и хотела, то не стала бы обсуждать это с вами.

– Так все считают, – продолжила Мэри, – но мне известно кое-что другое. – Она подкидывала Кэтрин наживку.

– Ничего вам не известно!

– Нет? Мистер Мэнокс был довольно откровенен. Я сказала ему, что зря он добивается дочери Говардов. Спросила, зачем он выставляет себя глупцом, занимаясь пустым делом. Сказала, если миледи Норфолк узнает о любви между ним и мистресс Кэтрин, то разделается с ним. Я напомнила ему, что вы принадлежите к благородному дому и, если он осмелится жениться на вас, кто-нибудь из ваших родных убьет его!

Кэтрин в ужасе слушала ее.

– Кто дал вам право!

– Может, и никто, но я сделала вам одолжение, – Мэри улыбнулась, – потому что вывела его на чистую воду, узнала, какой он негодяй. Он попросил меня не беспокоиться и признался, прямо скажем, довольно беззастенчиво в своих бесчестных намерениях.

– Что?! – воскликнула потрясенная Кэтрин.

Мэри продолжала улыбаться:

– Он заявил, что знает вас очень хорошо, и похвастался, мол, судя по тому, какие вольности вы ему позволяли, наверняка сумеет получить от вас свое.

– Он сказал вам это?

– Да, и выразил абсолютную уверенность в вашей к нему любви, так как вы якобы обещали отдать ему свою девственность, хотя это может причинить вам боль, и уверены, что после этого он будет добр к вам. Моя дорогая, остерегайтесь этого человека!

Кэтрин заколотило от стыда и возмущения. Злорадство Мэри вызвало досаду, но то, что Гарри говорил о ней в таком тоне, было непростительно. Да, она сказала ему все эти вещи. И он отомстил, это не вызывало сомнений.

– Фу! – воскликнула она. – Он мне ничуть не интересен, ничуть! – Она в ярости расшаживала взад-вперед по комнате. – Зря он наговорил такого об мне. Я заставлю его объясниться. Мэри, вы пойдете со мной в дом лорда Беймента и поприствуете при моем разговоре с ним? Вы будете свидетельницей его слов.

– Конечно, – кивнула Мэри; она явно была очень довольна и ни за что не отказалась бы от такого удовольствия.

Девушки прошли по Черч-стрит к великолепной резиденции лорда Беймента и попросили переговорить с мистером Мэноксом. Когда тот спустился в холл, его лицо вспыхнуло. Он понял, зачем они пришли!

– Мистресс Ласселлс передала мне ваши слова, – заявила Кэтрин, сверкая глазами. – Вы открыли ей очень личные подробности наших отношений и признались в бесчестности ваших намерений. Это правда? Вы говорили такое?

Гарри кивнул, не смея взглянуть ей в глаза:

– Я могу объяснить.

– Сделайте одолжение! – Кэтрин редко испытывала такую ярость.

– Давайте присядем у окна, где нас не никто услышит, – хрипло проговорил Гарри.

Кэтрин пошла с ним, оставив Мэри стоять в другом конце холла, и намеренно села подальше. Она чувствовала, что от него разит элем.

– Простите меня, дорогая, – сказал Гарри, повесив голову. – Я так сильно люблю вас и так хотел увидеться с вами, что совсем потерял голову.

– Значит, вы это сболтнули спяну? – резко оборвала его Кэтрин.

– Нет, нет, нет! Она совалась в наши дела, так беспардонно любопытствовала, что я решил осадить ее. Я не думал, что она все вам расскажет. У меня и в мыслях не было бесчестно поступать с вами или огорчать вас.

– Вы понимаете, что ваши слова, если их станут повторять, могут разрушить мою репутацию. И мою жизнь. Если об этом услышит герцогиня, она может выбросить меня из своего дома, и мне будет некуда идти.

– Если она сделает это, я женюсь на вас, – сказал Гарри, беря ее за руку.

Кэтрин ее отдернула и едко напомнила:

– Вы уже объяснили мне, почему это невозможно.

– Послушайте, дорогая, я понимаю, вы рассержены, но я не хотел никоим образом огорчать вас. Я вел себя как идиот. Прошу, простите меня! Хотите, я встану на колени?

– Не говорите глупостей, – сказала Кэтрин, оттаивая. Гарри выглядел таким несчастным. Казалось, он говорил искренне, и объяснения его звучали убедительно, хотя сам поступок был безрассудным. – Так и быть. Я прощаю вас.

Он снова взял ее руку и покрыл поцелуями:

– Мы увидимся еще?

– Я подумаю, – ответила она. – И пришлю сказать вам.

– А мы не можем договориться сейчас?

Кэтрин сдалась.

– Хорошо. Приходите в воскресенье после обеда.

Она ушла, не дав ему возможности поцеловать себя на прощание.

В воскресенье ближе к вечеру Гарри ждал ее. На этот раз она повела его во фруктовый сад, где они гуляли среди усыпанных зреющими плодами яблонь. Кэтрин решила, что пора положить конец этой затянувшейся истории. Ее больше не тянуло к нему. На самом деле он теперь вызывал в ней отвращение, и она вообще изумлялась, что находила в нем? Когда Гарри попытался ее поцеловать, она увернулась и через какое-то время сказала, что ей нужно навестить братьев, после чего быстро попрощалась и ушла. Взбегая вверх по лестнице, Кэтрин говорила себе: ну теперь-то он должен понять, что между ними все кончено.

Глава 10

1538 ГОД

В ту ночь юные леди вновь собрались в общей спальне для очередной пирушки. Дороти и Мег стащили с кухни оставшийся после ужина кусок мяса и пару-тройку пряников, Кэт с Элис прошмыгнули в погреб, пока виночерпий не видел, и теперь вынули из-под кровати две бутылки очень хорошего рейнского вина; Джоан с Иззи, побывав на рынке, купили там пирогов с крольчатинной, а Маргарет Беннет и еще несколько камеристок с разными интервалами заглянули в кладовую и умыкнули оттуда несколько круглых белых хлебов, ватрушку с джемом и немного лосося. Вкладом Кэтрин стала маленькая корзинка опавших яблок из сада. Пир намечался недурной!

Ключ был благополучно «позаимствован», и в полночь, услышав стук в дверь, Дороти открыла ее и впустила юных джентльменов, которые пришли к ним в гости этой ночью. Роберт Дэмпорт присоединился к Элис Уилкс, а Джон Беннет тепло обнял супругу, пока остальные кавалеры приветствовали своих возлюбленных. Кэтрин удивилась, увидев, как Эдвард Уолдгрейв направился напрямик к Джоан и звонко чмокнул ее в губы. Она-то думала, за ней ухаживает мистер Дерем, а Эдвард увлечен Дотти Баскервиль. Но тут появился и сам Дерем, ему как будто было все равно; перецеловав всех девушек в качестве приветствия, он, по-волчьему улыбаясь, направился к Кэтрин. При виде него Кэтрин ощутила дрожь возбуждения. Что-то в нем было невероятно привлекательное. Она когда-то считала Гарри красавцем? Да он Аполлон рядом с этим Марсом.

– Я надеялся увидеть вас здесь, мистресс Кэтрин, – сказал мистер Дерем, открывая сумку и доставая из нее вино и яблоки.

– К вашим услугам, сэр, – отозвалась она, с улыбкой глядя ему прямо в глаза.

Дерем помог ей разложить принесенную им еду и стоял рядом с ней у стола, пока они наполняли свои тарелки. Потом они вместе сели на ее кровать. Кэтрин как будто даже нравилась его дерзость. Вокруг них другие парочки болтали и ели при свете свечей.

– Раньше я никогда вас здесь не видела, – сказала Кэтрин.

– О, я провел здесь несколько ночей, хотя вы отсутствовали – искали удовольствия где-то в другом месте, как мне говорили.

Кэтрин вспыхнула.

– Здесь неплохие игры затевают по ночам. – Дерем посмотрел на Джоан, которая целовалась с Эдвардом Уолдгрейвом.

– Может быть, но я в них не участвую, – ответила ему Кэтрин, – и никогда не участвовала.

– Даже с галантным мистером Мэноксом? – лукаво спросил Дерем.

– Никогда! – возмутилась Кэтрин.

– Я слышал кое-что другое.

– Значит, вы слышали ложь! – Она сердито глянула на него. – Вы явились сюда изводить меня, мистер Дерем?

– Нет, мистресс Кэтрин, – ответил он, не отрывая от нее своих темных глаз. – Я пришел, потому что хотел ближе познакомиться с вами. Давайте скажем так: я очарован вашей красотой, если вам угодно соблюдать правила этой игры в любовь, которую нам предназначено вести.

– Вы говорите о любви, сэр? Я вас едва знаю. – Тем не менее сердце у Кэтрин заколотилось.

– Любовь, вожделение... называйте, как вам нравится, я хочу вас. Как только увидел, сразу понял: да, я хочу вас.

– Хватит! – Она подняла вверх руку. – Как сказала бы миледи Норфолк, я вам не пара.

– Я ее кузен. Неужели это делает меня таким недостойным? Я из старинного рода. Мы ведем счет предкам на несколько столетий вглубь времен. Моя бабка была Тилни, как и ее. А моя мать – та самая Изабель Пейнелл, которой поэт Скелтон посвятил несколько прекрасных стихотворений. Он называл ее «свежайший цветок мая». Она служила у покойной герцогини Норфолк и действительно была очень красивой. Но все это до того, как она вышла за моего отца, вы понимаете. Он умер семь лет назад.

– Я слышала, вы джентльмен из бедной семьи, – сказала Кэтрин.

– Неправда! – Дерем улыбнулся. – Просто я младший сын, не имею состояния и не жду наследства в будущем, то есть должен сам зарабатывать себе на жизнь. До приезда сюда я служил в личной охране герцога Норфолка. Наше родовое гнездо – это Кримплшем-Холл в Норфолке. Мой брат, сэр Томас Дерем, заправляет там сейчас всеми делами. Вот наш герб. – Он протянул Кэтрин руку, на одном из пальцев красовался перстень с оленьей головой. – Это намек на нашу фамилию¹². Ну как, мои верительные грамоты будут одобрены вашей светлостью?

Кэтрин рассмеялась. Ей нравилось находиться в обществе этого остроумного мужчины.

– Да вы, похоже, знатнее герцогини! И мы с вами тоже кузены, насколько я понимаю.

– Но, надеюсь, не слишком близкие, – пробормотал Дерем, и в его глазах сверкнули озорные искры.

– Ну и состояния у меня нет. – Кэтрин вздохнула. – Я тоже живу милостями миледи. Так, может, мы не такая уж плохая пара! И герцогиня одобрит наш союз.

– Нам не нужно ее одобрение, чтобы наслаждаться друг другом, – сказал он, опорожнил свой стакан и шаловливо глянул на Кэтрин.

– Не понимаю, о чем вы! – со смехом произнесла она, разгоряченная вином. – По-моему, вы для меня староваты. Мне всего семнадцать.

Дерем скривился и сказал:

– А мне всего двадцать девять. Борода еще не поседела!

Он отнес их пустые тарелки на стол, а вернувшись, достал из своей сумки лютню и тетрадь с балладами. Начал тихо играть – и играл хорошо. Это была песня, сочиненная самим королем: «Если б правила любовь!», за ней последовала другая, под названием «*Adieu mes amours*»¹³. Как приятно было сидеть рядом с этим жизнерадостным человеком, который к тому же тебя развлекает! Музыка произвела свое действие и на остальных. Некоторые целовались, другие скрылись за занавесками или просто завалились на постели.

Дерем закончил играть и повернулся к Кэтрин:

– Вы будете моей *amour*, мистресс Кэтрин? – Его обаяние было столь велико, что она не колеблясь отдалась в его объятия, и он покрыл ее жаркими поцелуями.

Не успела Кэтрин опомниться, как они уже катались по кровати, не раздеваясь, в безумном порыве страсти.

– Будьте моей! – молил он.

– Нет! Слишком быстро, – возражала Кэтрин, противясь властному зову плоти. – Это будет неправильно.

– К чему ждать? Мы хотим друг друга? – Он жарко дышал ей в ухо.

– Я хочу узнать вас получше, – шепнула она.

Вместо ответа он взял ее руку, засунул себе под гульфик и с усмешкой проговорил:

– Теперь вы знаете меня лучше.

– Вы негодник, – проворчала Кэтрин, но руку не убрала, и вскоре ему уже не о чем больше было просить.

¹² Английское слово «деег» (олень) созвучно с первой частью фамилии Дерем (Dereham).

¹³ Прощай, моя любовь (*фр.*).

– Что вы со мной делаете? – стонал Дерем.

– То, чего вы хотели, – со смехом отвечала Кэтрин. – Не засыпайте. Другие джентльмены скоро будут уходить. Утром никого из вас здесь быть не должно.

Вокруг них уже начали шуршать одеждой собиравшиеся на выход мужчины.

Дерем сел, потом нагнулся и поцеловал Кэтрин:

– Можно мне прийти завтра?

Она кивнула:

– Мне бы этого хотелось.

Он потянулся за сумкой.

– Я буду здесь. О Кэтрин! Надеюсь, я могу вас так называть, раз мы теперь ближе познакомились?

– Да, конечно. – Она захихикала.

– Прошу вас, зовите меня Фрэнсис.

«Девушке следует быть стыдливой», – говорила себе Кэтрин, лежа в постели на следующее утро и вспоминая минувший вечер. Целомудрие похвально. Но что плохого в том, чтобы не упускать своего там, где его можно взять? Зачем отказывать себе в удовольствии, которое она может получить с Фрэнсисом Деремом? Нет, ей незачем сдерживать себя.

Была только одна проблема: Гарри. Нужно разорвать отношения с ним, и будь что будет. Нечестно и дальше держать беднягу в ложном убеждении, что она его любит.

– Я вижу, у вас новый поклонник, – сказала Мэри, когда они стояли рядом и умывались над тазами.

Кэтрин украдкой глянула на нее. Неужели она снова начнет мешаться не в свое дело?

– Мистер Дерем из хорошей семьи. Это не так уж плохо, учитывая, что у вас нет приданого.

– Он мне нравится, – призналась Кэтрин, радуясь, что Мэри не собирается препятствовать ее увлечению.

– И вы ему тоже нравитесь. Это всем видно.

– Он хочет сегодня ночью прийти снова. – Она помолчала. Гнев герцогини поутих, и Кэтрин не хотелось навлекать его на себя снова. – Мэри, вы возьмете ключ из спальни герцогини и принесете его мне? Вас она ни за что не заподозрит. Я притащу кое-какой еды с кухни, и мы скажем остальным, что у нас маленький банкет.

Мэри заговорщицки улыбнулась:

– Хорошо. Для меня это не внове.

– О, благодарю вас! – воскликнула Кэтрин и поцеловала ее.

Мэри слегка оторопела, но потом расплылась в улыбке.

– Не позволяйте ему слишком многого, – наставительно произнесла она.

– И не подумаю!

Кэтрин отвернулась, щеки у нее пылали: она вспомнила, что Гарри сказал о ней Мэри.

Около часа Кэтрин потратила на составление записки, которую Мэри должна была отнести Гарри. Она пыталась быть как можно более мягкой, но нужные слова подбирались с трудом.

«Вы были мне добрым другом, – написала Кэтрин, – но я думаю, лучше нам более не встречаться. У нас нет будущего, и то, что было между нами, прошло с моей стороны, и я думаю, с вашей тоже. Прощайте. Всего хорошего».

Она сложила листок, отдала его Мэри и стала ждать, когда разразится буря.

Вечером Малин шепнула Кэтрин, что мистер Мэнوكс у привратницы и требует встречи с ней.

– Привратник говорит, он в ужасном состоянии. О, Кэтрин, что ты наделала?
Сердце у Кэтрин упало.

– Ничего! – сердито бросила она и, собравшись с духом, быстро спустилась вниз. Гарри Кэтрин нашла рядом с домиком привратника, он взволнованно расхаживал взад-вперед.

– Что это значит? – Он сунул ей под нос скомканную записку.

– То, что там написано. Мне жаль, Гарри, но я больше не могу с вами видеться.

– Герцогиня узнала о наших встречах?

– Нет. – Кэтрин повесила голову. – Это мое решение.

– О Боже! – простонал Гарри. – Я люблю вас, Кэтрин! Пожалуйста, не делайте этого.

– Потом вы будете благодарить меня! – выпалила она и убежала обратно в дом, плача и ненавидя себя за то, что причинила ему боль. Но сказать правду было необходимо. Она больше не любит его, и он измучился бы еще больше, если бы Кэтрин притворяться и длить эти обреченные на крах отношения.

В полночь пришли Фрэнсис и Эдвард Уолдгрейв. Они принесли фрукты и вино, которыми угостили всех камеристок. Джоан уехала к матери, и Эдвард вернул свое внимание Дотти Баскервиль, а Фрэнсис, сперва поцеловавшись со всеми девушками, которые были в комнате, присоединился к Кэтрин и заиграл на лютне. Хотя ее и рассердила такая вольность ухажера, он смягчил свою подругу несколькими шутками, а соприкосновение их плеч привело ее в возбуждение.

– Я хочу вас, – повторил вчерашнее признание Фрэнсис, когда они, устроившись на постели, попивали вино. – Это не шутка. Скажите, что будете моей!

Кэтрин вновь задалась вопросом: почему бы ей не завести любовника? Некоторые из здешних девушек переходили от одного кавалера к другому. Ей надоело хранить целомудрие. Возможности замужества для нее не предвиделось; все так и останется, если герцогиня не вспомнит, что надо бы наконец этим озаботиться. Почему бы ей не насладиться радостями любви здесь и сейчас? Она никого другого не захочет так, как хотела Фрэнсиса.

– Буду, – выдохнула Кэтрин и скользнула в его объятия.

– Не волнуйтесь, – тихо проговорил он ей на ухо. – Если я сотню раз делил ложе с женщиной и до сих пор не стал отцом, значит умею заводить детей, только когда мне этого хочется.

– Я тоже знаю, как женщине обращаться с мужчиной и не заиметь ребенка, пока она сама не захочет. Мне рассказала одна камеристка, – сообщила она Фрэнсису.

– Тогда не заняться ли нам любовью? – Его объятие стало крепче.

Кэтрин не колебалась:

– Конечно! Когда остальные лягут спать.

– Мы можем задвинуть занавески.

– Дайте мне допить вино. – Пусть не думает, что ей невтерпех.

Фрэнсис покачал головой:

– Такая жестокость! – Он растянулся на постели. – Знаете, некоторые считают, что женщина не должна достигнуть оргазма прежде, чем забеременеет.

– Ерунда. Я никогда... – Кэтрин осеклась, поняв, что едва не призналась: да, она позволяла Гарри некоторые вольности.

– Вы точно знаете, что это ерунда, – сказал Фрэнсис со своей неизменной сардонической усмешкой. – Значит, мистер Мэнкс был не таким уж плохим любовником! Не беспокойтесь, Кэтрин, я не ожидаю, что такая прекрасная молодая женщина, как вы, окажется девственницей.

– Но я девственница. Я решила подождать, пока не появится достойный мужчина, прежде чем расставаться с девичеством. И вот я такого нашла!

Только что пробило три часа, и Кэтрин уже готова была нырнуть с ним под одеяло, но тут Мег показалось, что она слышала звуки шагов в галерее снаружи. Никто не смел отворить дверь, все затаили дыхание – не раздадутся ли снова тревожные звуки, но их не было.

– Это привидение! – Фрэнсис осклабился.

– Какое привидение? – широко распахнув глаза, спросила Кэтрин.

– О, я не знаю. – Дерем захохотал. – Но по этому дому обязательно должен блуждать какой-нибудь безголовый призрак или мертвенно-бледный упырь.

– Прекратите! – к радости Фрэнсиса, взвизгнула Кэтрин.

– Думаю, нам лучше уйти, – сказал Эдвард Дерему. – На всякий случай, вдруг там кто-то был. Не стоит рисковать, что нашим милым пирушкам положат конец.

– Я вернусь завтра, – пообещал Фрэнсис и звонко поцеловал Кэтрин, возбудив в ней небывалое ощущение. – Это будет отложенное удовольствие, хотя мне очень жаль покидать вас.

Кэтрин в досаде легла спать. Весь день она томилась по Фрэнсису и решила, что сегодня вечером отдастся ему, а теперь ей придется ждать следующего свидания еще целые сутки.

Часы тянулись бесконечно, но тем не менее прошли. Когда наконец наступил вечер, Мэри, которую Кэтрин теперь считала своей подругой, пусть и не близкой, согласилась снова взять в опочивальне герцогини ключ. Кэтрин побежала в девичью спальню впереди всех, сбросила с себя одежду, вставила внутрь комочек смоченной в уксусе ткани и задвинула занавески со стороны комнаты. Она лежала в лихорадочном ожидании и ждала прихода Фрэнсиса.

Он появился, как только колокол пробил полночь.

– Кэтрин? Вы спите? – послышался знакомый шепот.

– Нет, я жду вас.

Фрэнсис отодвинул штору и уставился на нее в изумленном восторге: она лежала, обнажив груди, и ее волосы огненно-рыжим облаком разметались по подушке. Фрэнсис сбросил накидку и запрыгнул на постель в дублете и рейтузах, дергая за гульфик, чтобы обнажить интимные части тела.

– Кэтрин! – воскликнул он, откинув в сторону одеяло и увидев ее всю обнаженной – мраморное тело, залитое падавшим из окна лунным светом и разрисованное тенями от ажурной решетки. – Как вы прекрасны!

Он стал гладить ее тело пальцами, сперва мягко, потом более интенсивно, и водил и водил ими, пока она не возжелала его отчаянно. Стянув вниз рейтузы, он вошел в нее и скакал как жеребец, ахая и издавая стоны, а потом вдруг замер и начал содрогаться. Сперва ей было больно, но недолго, потому что внутри начало расти другое ощущение. Прижавшись к Фрэнсису всем телом, Кэтрин отдалась головокружительному восторгу. Никогда еще она не испытывала такого удовольствия!

Они были любовниками в продолжение всей этой волшебной зимы. Кэтрин позволяла Фрэнсису обращаться с собою так, как мужья обращаются с женами, и радовалась этому. Часы наедине летели незаметно, ночь превращалась почти уже в день, когда он, обычно последним, покидал спальню камеристок. Теперь Кэтрин часто таскала ключи из опочивальни герцогини сама и сама запирала дверь изнутри. Ею двигало не одно лишь вожделение. Она снова была влюблена, и на этот раз сильнее прежнего. Кэтрин знала, что чувства к ней Фрэнсиса так же глубоки и искренни, как его желание.

Камеристки знали, что происходит у них в спальне. Некоторые относились к этому с пониманием. Даже Мэри беззлобно подтрунивала над ней. Однажды, застав Кэтрин и Фрэнсиса страстно целующимися, она со смехом сказала:

– Посмотрите на них, чирикают, как воробушки!

– Ой, Дерем, бедняга, совсем запыхался! – хихикали другие девушки, слыша, как возится под одеялом влюбленная парочка.

Иногда Кэтрин уводила Фрэнсиса в свою комнату для большей уединенности, но там дверь не закрывалась на ключ, и страх, что кто-нибудь услышит их и войдет, не давал ей расслабиться. В общей спальне, где можно запереться изнутри, было безопаснее.

Однажды Кэтрин попросила своего любовника раздеться догола. Ей хотелось быть как можно ближе к нему, ощущать кожей его кожу, однако Мег, услышав ее слова, предупредила, что так лучше не делать, это рискованно.

– Вдруг герцогиня примется искать ключ и потребует, чтобы ее пустили внутрь?

– Она хоть раз так делала? – возразила Кэтрин, но все же велела Фрэнсису не обнажаться.

Несколько раз, когда она уже бросала ждать его, он появлялся под утро, в четыре или даже в пять часов, и заставлял свою возлюбленную делаящей постель с Кэт, Элис или еще кем-нибудь из камеристок, чью кровать заняла какая-нибудь любвеобильная парочка. Он расшнуровывал гульфик и бесстыдно покачивал своим напряженным пенисом или засовывал под одеяло руку и трогал Кэтрин за интимные места, отчего ее соседка по ложу переворачивалась на другой бок и отползала к противоположному краю кровати, пряча глаза и давая наглецу возможность залезть в постель и порезвиться с Кэтрин, которая при этом не переставала давиться от смеха.

Кэт жаловалась только на то, что они не дают ей спать.

– Прошу, мистер Дерем, лежите спокойно! – шипела она.

Элис же злилась, когда Фрэнсис заваливался на кровать, и мигом из нее выскакивала.

– Такого пыхтения и сопения в жизни не слышала! – восклицала она и сердито топала искать себе место под боком у кого-нибудь другого. – Стыдоба!

На следующее утро она зажала Кэтрин в углу:

– Я больше не буду спать с вами.

Маргарет Беннет тоже накинулась на нее:

– И я тоже не буду. Вы не знаете, что такое супружество!

Кэтрин пожалала плечами. Нашли чем испугать! Она предпочитала спать одна. И Фрэнсис, когда подруга рассказала ему о недовольстве девушек, отнесся к этому с пренебрежением. Иногда он не заботился даже о том, чтобы задвинуть занавески, и предавался страсти на виду у всех, кому была охота смотреть: несколько раз Кэтрин замечала, что кое-кто смотрит.

Иногда он вел себя более смирно, приносил еду и выпивку, чтобы повеселиться, правда, это не умирало таких, как Элис. Однажды вечером, подходя к спальне, Кэтрин услышала обрывок фразы Элис, сказанной кому-то, о забавах мистресс Кэтрин с Деремом. Потом раздался голос Мэри:

– Оставьте ее в покое, если она будет продолжать в том же духе, то очень быстро превратится в ничто. Все говорят о ней, даже привратник и грумы в покоях миледи. Рано или поздно герцогиня все узнает.

Кэтрин вошла в комнату:

– Зачем же вы тогда меня поощряли, Мэри? «О, мистер Дерем будет хорошей партией для меня» – так вы сказали.

Щеки Мэри порозовели.

– Я имела в виду брак, мистресс Кэтрин, а не блуд.

– А чем, по-вашему, мы собирались заниматься, когда вы приносили нам ключ? – возразила Кэтрин.

– Я думала, вы будете флиртовать! – резко ответила Мэри.

– Как знать, может, мы и поженимся, – сказала Кэтрин.

– Не похоже, что он собирается жениться на вас, – буркнула Элис. – Он и так наслаждается всеми супружескими удовольствиями. Чего ему еще?

– Он меня любит, – ответила Кэтрин, – и, полагаю, о моих личных делах мне известно больше, чем вам.

Она быстро вышла, кипя от возмущения и молясь, чтобы девушки не выдали ее герцогине. Пока ей ничто не угрожает, думала Кэтрин. Она слишком многое знала о любовных похождениях Элис, чтобы та рискнула понаушничать, а Мэри до сих пор и словом не обмолвилась насчет Мэнокса.

Малин была совсем другое дело. Кэтрин и Фрэнсис теперь уже отбросили в сторону все предосторожности и забирались в постель когда хотели: утром, днем или вечером. Однажды поутру они нежились в кровати, пока другие девушки слушали мессу, и тут в дверь спальни с бархатным платьем в руках вошла Малин. Кэтрин лежала голой, а Фрэнсис, одетый в одну только короткую куртку, держал руку на ее потайном месте. Малин уронила свою ношу и выскочила из комнаты как ошпаренная.

Желание угасло, Кэтрин быстро встала, попросила Фрэнсиса помочь ей одеться и пошла искать Малин, которую обнаружила в винокурне.

– Не жалуйся на меня, прошу тебя, Малин, – молила она. – Я люблю его, и мы никому не делаем зла.

– Тебя не заботит, что ты рискуешь покрыть позором и Говардов, и Тилни? – холодно спросила Малин.

– Едва ли мои поступки имеют хоть какое-то значение. Герцогиня, кажется, вообще забыла о моем существовании. И что же, мне зачахнуть здесь, в Ламбете, не познав никаких радостей жизни? – К окончанию этой горестной тирады Кэтрин уже плакала.

Малин, всегда отличавшаяся мягкостью сердца, сжалилась над ней.

– Просто прекрати заниматься тем, что ты делаешь, дорогая. Пусть мистер Дерем пойдет к миледи и попросит твоей руки. А не то будет хуже. Может, она не станет возражать, ведь он кузен нам всем. Вот как нужно поступить, и это будет правильно.

Кэтрин подумала и решила не следовать совету Малин. Вдруг герцогиня скажет «нет»? Тогда она узнает, что между ней и Фрэнсисом что-то происходит, и наверняка запретит им видеться. Фрэнсиса отошлют прочь, как Гарри. Нет, лучше не рисковать.

Самого же Фрэнсиса все это, казалось, не волновало вовсе. Он любил рисковать и подбивал Кэтрин быть еще смелее. В то время как ей следовало проявлять большую осмотрительность, она так жаждала близости с ним, что всякая осторожность пускалась по боку. Они проводили вместе долгие часы днем, когда остальные девушки находились внизу, но не раздевались полностью, вдруг кто-нибудь войдет. Несколько раз Фрэнсис настоял даже на том, чтобы они занялись любовью в спальне герцогини, пока та слушала мессу или обедала, и, бывало, они целовались, лежа на ее громадной кровати под балдахином с резными столбиками и алым покрывалом, не заботясь о том, что время от времени в комнату заходили слуги.

– Ш-ш-ш! – говорил тогда Дерем, прикладывая палец к губам и подмигивая. – Никому ни слова!

В другой раз он мог предложить, чтобы они воспользовались спальней матушки Эммет или даже уборной. Однажды он оставил дверь открытой и только вложил в руку Кэтрин свой член, как она, повернув голову, увидела смотревшую на них Маргарет Беннет. Кэтрин задумалась: интересно, эта девица шпионит за ними или, подглядывая, удовлетворяет собственную похоть? Один раз она уже замечала, как та глядит в щелочку приоткрытой двери, когда Фрэнсис задрал ей юбку и любовался ее ногами.

Спальня камеристок разделилась на тех, кто не одобрял любовь Кэтрин и Дерема или был шокирован ею, и тех, кто считал, что влюбленных нужно оставить в покое, пусть сами решают, как им жить. Такого мнения придерживались юные леди и джентльмены, которые сами по ночам занимались любовными играми.

Полуночные пирушки продолжались, несмотря на возникшее среди участников напряжение. Еду и напитки тайком приносили в спальню, Фрэнсис играл на лютне, выпивка развязывала языки, и разговоры заходили о самых интимных вещах.

– Я видел, как вы двое выходили из спальни герцогини, – сказал Роберт Дэмпорт.

– Да, там гораздо удобнее, чем здесь, – с ухмылкой ответил Фрэнсис, приобняв одной рукой Кэтрин, – и в любом случае здесь собралось гусиное стадо женщин, которые разбирали свои наряды. А дело было срочное. Видите ли, моя возлюбленная, вот эта, захворала зеленухой.

Кэтрин ткнула его локтем под ребра:

– Ничего подобного! Это тебя обуяла похоть.

– Сейчас я расскажу вам о зеленухе, – продолжил Фрэнсис, игнорируя ее. – Ее еще называют болезнью девственниц. Она происходит от дурной крови, которая накапливается в теле за несколько дней до того, как у женщины начнутся месячные. Тогда лицо у нее зеленеет, и она чувствует себя слабой и нервной. И есть только один способ облегчить ее страдания.

– Заткнись, Фрэнсис! – буркнула Кэтрин, потому что остальные стали прислушиваться к разговору.

– И какой же? – пожелал узнать Роберт.

– Ну, больные зеленухой девы имеют опасную склонность к похоти, и только соитие может освободить их от дурной крови. Поверьте, она была ненасытной. – Он взмахнул рукой перед лицом.

Кэтрин шлепнула по ней:

– Не верьте этим глупостям. Он все выдумал.

– Но я могу в это поверить! – ухмыльнулся Роберт. – Несколько раз я слышал, как ты, Фрэнсис, пыхтел, удовлетворяя с ней свое желание!

Кэтрин стукнула и его тоже.

– Нет, клянусь, про зеленуху – это истинная правда, – со смехом настаивал на своем Фрэнсис. – Спросите любую леди здесь.

Но Роберт не стал. Усмехнувшись, он поднялся, чтобы взять себе еще еды, а потом сел рядом с Кэт Тилни. Фрэнсис повалил Кэтрин на кровать и начал целовать ее. Другие пары тоже принялись за любовные утехы.

Кэтрин услышала, как на соседней кровати Элис сказала:

– Вы знаете, что делать, если вдруг войдет миледи?

– Фрэнсис скроется в маленькой галерее вместе с другими джентльменами, – между поцелуями ответила Кэтрин.

Дверь туда находилась в дальнем конце общей спальни.

– Но Фрэнсис хочет остаться здесь, – пробормотал ее любовник, выпростал руку и задернул штору.

Ближе к Рождеству Кэтрин и Фрэнсис воспользовались отъездом герцогини на банкет ко двору и встретились в галерее, где широкий подоконник у одного из окон был превращен в мягкое сиденье. Свечей они не зажигали, чтобы никто не заметил мерцания света в окне или в щели под дверью, и занялись любовью в темноте. Желание, как обычно, усиливалось сознанием того, что они на запретной территории.

После этого, оправив одежду, влюбленные сидели и разговаривали, делясь воспоминаниями о прошлом.

– Знаете, Кэтрин, я понял, что полюблю вас, как только увидел, – сказал Фрэнсис, глядя ее по щеке. – И я люблю вас. Меня тянет к вам не только плотское желание. – Он наклонился и прильнул к ней с поцелуем, долгим и нежным.

– И я тоже люблю вас всем сердцем, – ответила она, с жаром отвечая ему.

– Я хочу жениться на вас, – сказал Фрэнсис.

– Нет, – ответила Кэтрин. – Пусть все останется как есть. Миледи может отказать, и тогда настанет конец всему.

– Но я хочу, хочу, чтобы вы стали моей женой. И вы тоже хотите меня, мы получим друг друга, что бы кто ни говорил!

Кэтрин собиралась ответить ему, но тут открылась дверь и вошла Джоан Балмер. Увидев их, она тихо вскрикнула.

– Ох, я приняла вас за привидений! – выдохнула она. – Почему вы сидите здесь в полной темноте?

– Мы просто разговаривали, – сказала Кэтрин. – Хотели немного уединиться и спокойно побеседовать.

– Что сказала бы миледи, узнай она об этом! – воскликнула Джоан и поспешно удалилась.

Фрэнсис упорно настаивал, чтобы Кэтрин вышла за него замуж. Он просил ее об этом при каждой встрече, а она всякий раз отказывалась. Это лишь усиливало его настойчивость. Он начал приходить в девичью спальню каждый день и приносил ей подарки: нитку бус, моток ленты, красивый шелковый цветок.

– Мне сказали, что в Лондоне есть одна женщина-горбуня, большая умелица в изготовлении цветов из шелка, – сказал Фрэнсис. – Я пошел к ней и выбрал французский фенхель, решив, что вам он понравится.

Утром Кэтрин показала цветок другим девушкам.

– Не лучший выбор! – заметила Джоан. – Неужели он не знает, что фенхель означает лесть и глупость?

– И печаль, – добавила Мэри.

Кэтрин это не расстроило. У нее было совсем мало красивых вещей, и подарок очень приглянулся ей. А другим просто завидно!

В Рождественский сочельник, когда камеристки помогали разбирать зеленые ветви, принесенные для украшения главного зала, Мэри бочком подобралась к Кэтрин.

– Значит, мистер Дерем намерен жениться на вас, мистресс Кэтрин, – пробормотала она. – Сегодня утром я слышала, как он похвалялся перед своими друзьями: мол, вы теперь оказываете ему такие милости, что он женился бы на вас, если бы захотел. К счастью, мистер Дэмпорт образумил его и предупредил, чтобы он остерегался заниматься такими делами, иначе наживет себе большие неприятности.

Кэтрин рассердилась, бросила ветки остролиста, которые связывала лентой, и пошла искать Фрэнсиса. Нашла она его в винном погребе, осушающим кружку рождественского эля.

– Как вы посмели говорить всем и каждому, что можете жениться на мне!

Фрэнсис засмеялся:

– Вы так прекрасны, когда сердитесь.

– Нет, Фрэнсис, я серьезно! Вы не имели права.

Он встал и обнял ее:

– Если бы ваша бабуля смиростивилась, вы вышли бы за меня завтра же.

Кэтрин брыкалась и била его кулаками в грудь, но Фрэнсис держал ее крепко.

– Признайтесь, моя милая львица. – Он поцелует заглушил все ее протесты, потом отстранился и с улыбкой посмотрел на свою возлюбленную. – Теперь лучше?

– Нет, пока вы не пообещаете быть более осмотрительным! Кто-нибудь может войти.

– Я буду, если вы признаетесь, что хотите стать моей женой.

– О, вы невозможны! Хорошо, да, я хочу стать вашей женой, но боюсь, что скажет герцогиня.

– Тогда давайте пока дадим друг другу слово, что поженимся когда-нибудь в будущем, – не отступался Фрэнсис.

– Если это вас успокоит, то да, – согласилась Кэтрин.

Гнев ее утих; в конце концов, это так приятно, когда любимый мужчина просит твоей руки.

– Скажите, что даете честное слово. – Глаза его потемнели от страсти.

– Я обещаю! Клянусь, Фрэнсис, верой и правдой, что стану вашей женой.

– И у вас не будет другого мужа, кроме меня.

– И у меня не будет другого мужа, кроме вас.

Фрэнсис засиял улыбкой победителя:

– А я обещаю, клянусь верой и правдой, что женюсь на вас, Кэтрин Говард, и другой жены у меня не будет. Теперь мы помолвлены, и я могу называть вас женой!

– Я не знаю, – с сомнением проговорила Кэтрин, но душа ее пела. Она будет принадлежать ему навечно. Они придумают, как им пожениться, это точно. – Может быть, лучше пока держать нашу помолвку в секрете?

– Я буду осмотрителен, как вы хотите, – обещал ликующий Фрэнсис.

В ту ночь он овладел ею с удвоенной страстью и силой. Это была одна из немногих ночей, когда они лежали в объятиях друг друга полностью обнаженные. Какое блаженство!

Придя в спальню камеристок в новогоднюю ночь, Фрэнсис принес Кэтрин подарок. Она этого не ожидала и, получив еще один изысканный шелковый цветок, очень обрадовалась.

– Это фиалка, на память, – сказал Фрэнсис. – Надеюсь, нося ее на платье, вы будете вспоминать обо мне.

– Как я могу забыть вас? – выдохнула она. – Она так прекрасна. Спасибо! Я пришью ее на свое лучшее платье. Но, увы, Фрэнсис, у меня для вас ничего нет.

– Ничего? – Он уныло повесил голову, но на губах играла улыбка. – Неужели Говарды не соблюдают новогодние обычаи?

– Мы соблюдаем, но у меня нет денег. – Кэтрин расстроилась. Вдруг она придумала – стянула с запястья тонкий серебряный браслет. – Вот, это для вас, я хочу, чтобы вы взяли. Это подарок моей сводной сестры Изабель, и он очень дорог мне.

Фрэнсис взял браслет:

– Вы уверены?

– Конечно!

– Тогда позвольте мне показать, как я вам благодарен...

Глава 11

1539 ГОД

Несмотря на обещание, Фрэнсис не мог держать язык за зубами. При дворе герцогини уже пошли разговоры, что они с Кэтрин поженятся, хотя те, кто недолюбливал его за властность и бесцеремонность, отпускали язвительные замечания: мол, они не думают, чтобы Кэтрин Говард могла опуститься так низко, или утверждали, что не верят в намерение Фрэнсиса сделать ее честной женщиной. Слухи распространялись. Однажды вечером в начале января Гарри, который не пытался увидаться с Кэтрин после той ужасной сцены у привратницкой, явился в дом герцогини и потребовал встречи с мистером Деремом, как позже, лежа в постели в пустой девичьей спальне, рассказал ей сам Фрэнсис.

– Он был очень зол и вел себя так, будто вы ему обещаны!

– Никогда этого не было! – возмутилась Кэтрин.

– Я знаю. Этот парень – просто ревнивый болван. Я выпроводил его, не волнуйтесь. Показал ему вот это. – Фрэнсис сжал руки в кулаки. – Больше он нас не потревожит. Но, дорогая, мы должны заставить умолкнуть эти злые языки. Пожалуйста, разрешите мне называть вас женой и сами зовите меня мужем. Тогда люди поймут, что мы действительно принадлежим друг другу и мои намерения серьезны и честны, если вы не против.

«Хуже от этого не будет», – решила Кэтрин и согласилась:

– Хорошо, муж мой.

Фрэнсис жадно поцеловал ее и хозяйничал языком у нее во рту, пока Кэтрин не отстранилась, чтобы глотнуть воздуха. Потом он снова прильнул к ее губам. Тут вошла Дороти.

– Мистер Дерем, похоже, вам никогда не нацеловаться вдоволь с мистресс Кэтрин! – громко сказала она.

– Вы что же, не позволяете мне целовать собственную жену? – возразил он, отрываясь от Кэтрин, чтобы вдохнуть.

– Я вижу, скоро что-то случится! – встряла Мэри.

– Что именно? – спросил Фрэнсис.

– Свадьба! – Мэри засмеялась. – Мистер Дерем женится на мистресс Кэтрин Говард!

– Клянусь святым Иоанном! – взревел Фрэнсис. – Сколько бы вы ни гадали, лучше не придумашь!

– Ш-ш-ш! – Кэтрин зажала ему рот рукой.

– Я просто шучу! – сказал Фрэнсис, убрал с губ ее пальцы.

Она наклонилась к его уху:

– Вдруг они начнут сплетничать, что вы зовете меня своей женой, и герцогиня это услышит?

Дерем задернул занавеску, отгородив их ото всех, и прошептал:

– Ну тогда придется сказать правду. Дело в том, Кэтрин, что мы с вами все равно что женаты, и она ничего не сможет с этим поделать. Дать друг другу обещание пожениться и после этого спать в одной постели – это равносильно венчанию в церкви. Многие люди поступают так. Теперь нужен церковный суд, чтобы разлучить нас.

Кэтрин в изумлении смотрела на него. О таких вещах она и слыхом не слыхивала. Все Говарды женились в церкви и, насколько ей было известно, вероятно, ждали этого, прежде чем окончательно скрепить свой брачный союз.

– Вы имеете в виду, что мы все равно что женаты?

– Да! – Он начал тереться носом о ее шею.

– И я по праву могу называть вас супругом?

– Да. А я по праву могу поступать с вами как с женой! – В доказательство он именно этим и занялся.

Кэтрин проснулась и увидела, что ночью выпало немного снега. Сад выглядел очень красиво, и она, завернувшись в накидку, вышла на улицу и прошлась по дорожкам, скрипя снежком и любуясь заиндевелыми деревьями. Фрэнсис нашел ее у реки. Пар от их дыхания смешался в холодном воздухе. Припорошенный мир казался зачарованным.

– Я кое-что принес вам, – сказал Фрэнсис. – Помолвки нужно отмечать подарками. – Он положил на ее одетую в перчатку руку изящную золотую цепочку.

– О, Фрэнсис, это, наверное, стоит уйму денег! Вы так щедры.

Она огляделась, проверяя, нет ли кого рядом, а потом обняла и поцеловала его.

– У моей жены должно быть все самое лучшее.

Отпустив Фрэнсиса, Кэтрин стянула с руки перчатку. На пальце у нее было материнское кольцо с рубином. Она носила его каждый день с того момента, как оно стало подходить ей.

– Это ваш подарок в честь помолвки, – сказала Кэтрин, отдавая кольцо Фрэнсису.

– Я не могу его взять. Вам оно очень дорого.

– Тем больше причин отдать его вам, – настояла Кэтрин и надела кольцо на мизинец Фрэнсису.

– Я люблю вас, – сказал он, вдруг посерьезнев.

– А я люблю вас! – крикнула она, вскинула руки ему на шею и поцеловала в губы.

После этого они часто обменивались подарками и знаками любви. Фрэнсис даже давал Кэтрин деньги, когда было что дать, ведь своих у нее не было ни пенни, и она полностью зависела от милостей герцогини. Часть их Кэтрин использовала, чтобы купить ему воротник и рукава для рубашки, которые заказала у портнихи в Ламбете. Фрэнсис, хотя и обрадовался подарку, упрекнул ее за то, что тратит подаренные деньги на него, и принес ей отрез розового шелка, который она отдала бабушкиному вышивальщику мистеру Роузу, и тот сделал из него стеганую шапочку. Когда она ее надела, Фрэнсис восхитился орнаментом из францисканских узлов.

– Что, жена моя, тут францисканские узлы для Фрэнсиса! – Он усмехнулся. – Продуманный выбор.

Кэтрин улыбнулась. Вообще-то, узор она с мастером не обсуждала.

– Мистер Роуз говорит, они символизируют истинную любовь.

– Да, так и есть, – подтвердил Фрэнсис и обнял ее.

Кэтрин не осмеливалась носить подаренные Фрэнсисом шелковые цветы в присутствии герцогини, но иногда, по случаю, прикрепляла их к платьям, и один как раз был на ее лифе, когда миледи неожиданно вошла в гостиную, где камеристки играли в карты, в поисках своей диванной собачки.

– Она под столом, мадам, – указала туда Кэтрин и наклонилась, чтобы достать непослушное создание.

Передавая собачку в руки бабушки, она заметила, что герцогиня смотрит на французский фенхель. Старая леди ничего не сказала, но Кэтрин поняла: она наверняка заинтересовалась, откуда у ее внучки такая редкая вещь.

Кэтрин кинулась искать леди Бреретон, самую добросердечную из всех придворных дам герцогини, которой она очень сочувствовала, потому что ее мужа обезглавили вместе с мужчинами, которых признали виновными в прелюбодеянии с королевой Анной. Леди Бреретон всегда была особенно мила с Кэтрин, а та со своей стороны при любой возможности старалась сделать ей что-нибудь приятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.